

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ ПРИ СОДЕЙСТВИИ

РОССИЙСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ (РЭА)
РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА (РФО)
ФАКУЛЬТЕТА ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ МГУ имени М. В. Ломоносова

Выходит 2 раза в год

Издается с 2008 г.

Шеф-редактор
Л. Е. Гринин

Главный редактор
А. Н. Чумаков

Редакционная коллегия:

Барлыбаев Х. А., Гирусов Э. В., Ивахнюк И. В., Ильин И. В., Калачёв Б. Ф., Калининченко П. А., Кацура А. В., Кефели И. Ф., Королёв А. Д., Мамедов Н. М., Митрофанова А. В., Попков В. В., Пырин А. Г., Режабек Б. Г., Снакин В. В.

Международный редакционный совет:

Абылгазиев И. И. (Россия), Акаев А. А. (Киргизия), Ань Цинянь (Китай), Ближковский П. (Бельгия), Вебер А. Б. (Россия), Гэй У. (США), Гусейнов А. А. (Россия), Данилов-Данильян В. И. (Россия), Дафферн Т. (Великобритания), Ечимович Т. (Словения), Израэль Ю. А. (Россия), Иноземцев В. Л. (Россия), Камуселла Т. (Польша), Киш Э. (Венгрия), Теймури В. (Иран), Коротаев А. В. (Россия), Кучуради И. (Турция), Лисеев И. К. (Россия), Мазур И. И. (Россия), Назаретян А. П. (Россия), Степин В. С. (Россия), Урсул А. Д. (Россия), Хасбулатов Р. И. (Россия), Чилингаров А. Н. (Россия), Юдин Б. Г. (Россия).

Адрес редакции:

119992, г. Москва, ул. Волхонка, д. 14, к. 102, Президиум РФО.

Тел.: (495) 609-90-76. E-mail: chumakov@iph.ras.ru

УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЧИТЕЛЬ»

Адрес издательства:

400079, г. Волгоград, ул. Кирова, 143.

Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.

E-mail: peruch@mail.ru Сайт: www.socionauki.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ

Ту Вэймин. Разные взгляды на современность: о сущности восточно-азиатской модели современности	3
Мигунов Н. И. Конфуцианский путь Ту Вэймина	13
Урсул А. Д. Глобальное управление: эволюционные перспективы	16
Кирхшлегер П. Демократия и права человека	28
Еськов В. М., Джумагалиева Л. Б., Гудкова С. А., Кравченко Е. Н. Третья парадигма и динамика социальных систем	43

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Залывский Н. П. Геополитическая конкуренция государств за экономическое лидерство в будущем мире	55
Ближковский П. Экономическое управление: европейская перспектива	66
Гранин Ю. Д. Глобализация: диалектика исторических форм осуществления	90
Самкова В. А. Глобализация как социально-синергетический процесс	104

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Попков Ю. В. Коренные народы Севера в условиях глобализации	111
Дергачева Е. А. Особенности глобальной техносферизации биосферы в современную эпоху	124

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

Шишков В. В. Становление и развитие гегемонии США: имперское доминирование и глобализация в XX в.	133
Антипина Е. В., Шапкин И. Н. Перспективы развития капитализма: взгляды Й. А. Шумпетера	147

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Оморова Н. И. Глобализация и трансформация этнической идентичности диаспор	160
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Всемирный культурный форум: цели и задачи	166
Ильин И. В., Розанов А. С. Глобальные исследования: новые подходы ..	170
Кишлакова Н. М., Махаматов Т. М. Финансово-экономические и гуманитарные вызовы глобализации: международные и национальные аспекты	182

IN MEMORIAM

Израэль Юрий Антониевич (15 мая 1930 г. – 23 января 2014 г.)	187
<i>Наши авторы</i>	189
<i>Contents</i>	191

ТЕОРИЯ

РАЗНЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА СОВРЕМЕННОСТЬ: О СУЩНОСТИ ВОСТОЧНОАЗИАТСКОЙ МОДЕЛИ СОВРЕМЕННОСТИ

Ту Вэймин

директор Института перспективных гуманитарных исследований
Пекинского университета, профессор Гарвардского
и Пекинского университетов. Председатель Оргкомитета
XXIV Всемирного философского конгресса.
E-mail: iahts@pku.edu.cn; wtu@fas.harvard.edu

Подъем конфуцианской Восточной Азии наводит на мысль, что, несмотря на глобальные тенденции, проявляющиеся преимущественно в экономической и геополитической сфере, культурные традиции продолжают оказывать мощное влияние на модернизационные процессы. Хотя модернизация возникла на Западе, восточноазиатская модернизация уже обрела культурные формы, настолько отличные от западноевропейских и североамериканских, что мы фактически уже имеем дело с формами, альтернативными западному модернизму. Задача, которая стоит перед нами в будущем, – это формирование глобального цивилизационного диалога как необходимого условия для мирного мироустройства. Наблюдаемое столкновение цивилизаций делает этот диалог жизненно важным.

Ключевые слова: конфуцианство, модернизация, цивилизационный диалог.

The rise of “Confucian” East Asia suggests that despite global trends defined primarily in economic and geopolitical terms, cultural traditions continue to exert powerful influences in the modernizing process. Although modernization originated from the West, East Asian modernization has already assumed cultural forms so significantly different from those in Western Europe and North America that, empirically, we must entertain alternatives to Western modernism. The challenge ahead is the need for global civilizational dialogue as a prerequisite for a peaceful world order. The perceived clash of civilizations makes the dialogue imperative.

Keywords: Confucianism, modernization, civilizational dialogue.

Современность – это исторический феномен и одновременно концептуальная структура. Идея о разных точках зрения на современность основывается на трех взаимосвязанных предпосылках: на длительном существовании традиций как активных факторов, определяющих модернизационный процесс, на важности незападных цивилизаций для самопонимания Запада и на глобальном значении локального знания.

В целях изучения экономической культуры и нравственного воспитания в Японии и четырех «малых драконах» (в Тайване, Южной Корее, Гонконге и Сингапуре) длительное влияние конфуцианских традиций на восточноазиатскую модель современности исследуется в рамках кросс-культурного и междисциплинарного подходов. Каждый географический регион имеет свои отличительные особенности, а узкодисциплинарные подходы (философский, религиозный, исторический, социологический, политический и антропологический) невероятно сложны, и их сочетание может дать весьма смутную картину. Междисциплинарные исследования показывают, что понимание риторики конфуцианской элиты и привычек людей, составляющих ядро нации и воспитанных согласно конфуцианским ценностям, является решающим для осмысления политической экономики и нравственной системы индустриальной Восточной Азии (Tu Wei-ming 1996).

Модернизация

Исторически термин «модернизация» стал использоваться вместо термина «вестернизация» в связи с признанием универсального значения модернизационного процесса. Хотя модернизационный процесс начался в Западной Европе, он настолько сильно изменил весь остальной мир, что уже невозможно ограничиться только узкой географической концепцией. С учетом темпорального аспекта концепции модернизации раскрываются скорее как разворачивающийся глобальный тренд, нежели как географически детерминированная движущая сила.

В научной среде концепция модернизации возникла относительно недавно. Впервые она была сформулирована в 1950-х гг. американскими социологами, в частности Талкоттом Парсонсом, который считал, что развернувшиеся в высокоразвитых обществах процессы (например, индустриализация и урбанизация) в конечном счете захлестнут весь мир. И хотя эти процессы можно назвать вестернизацией или американизацией, с точки зрения экуменизма «модернизация» является более подходящим и, возможно, более научным и нейтральным термином.

Любопытно, что китайский термин *xiandaihua*, обозначающий модернизацию, был придуман в 1930-х гг. (вероятно, под влиянием научных дискуссий в Японии) в рамках дебатов о стратегии развития, которые были организованы самой влиятельной в Китае газетой того времени *Shenbao*. В современной истории китайской научной мысли почвой для широкой дискуссии стали споры о приоритетах в трех ключевых направлениях развития. Если Китай стремится догнать империалистические державы (в том числе Японию), то чему он должен отдать предпочтение: сельскому хозяйству или промышленности, социализму или капитализму, китайской культуре или западному знанию [Lo Rongqu 1985]? Более того, предметное изучение китайского вопроса может помочь выяснить, применима ли концепция модернизации для незападных стран.

Впрочем, утверждение, что восточноазиатская модель современности соответствует современному западному самопониманию, строится на гипотетическом допущении, что если модернизационный процесс может принимать культурные формы, значительно отличающиеся от западноевропейских или североамериканских, то ни вестернизация, ни американизация не могут адекватно охарактеризовать данный феномен. Более того, восточноазиатские формы модернизации могут

помочь исследователям разработать более дифференцированную, эффективную и тонкую оценку современного Запада как сложной совокупности огромных возможностей, а не монолитной системы, идущей по единственному пути.

Если рассматривать модернизацию в контексте разнообразия цивилизаций, то мнение, будто весь остальной мир должен повторить опыт современного Запада, уже не кажется убедительным. На самом деле при тщательном изучении обнаруживается, что современный Запад демонстрирует конфликтные и спорные тенденции и далек от гармоничной модели развития. Различия в американском и европейском подходах к модернизации широко описаны и дают основания говорить о неоднородности современного Запада. Даже три примера западной модернизации – британской, французской и германской – настолько отличны друг от друга в некоторых фундаментальных характеристиках модернизационного процесса, что, по сути, их локальный опыт не поддается обобщению. Это ни в коем случае не отменяет того факта, что практически все формы локального опыта, которые могут быть обобщены и даже получить всемирное распространение, имеют западные корни.

Тем не менее сейчас мы переживаем переломный этап и должны преодолеть три распространенные, но устаревшие взаимоисключающие дихотомии: традиционное – современное, Запад – остальной мир и локальное – глобальное. Наши усилия по преодолению этих дихотомий будут иметь далекоидущие перспективы для развития комплексного понимания динамического взаимодействия между глобализацией и локализацией. Пример Восточной Азии очень важен для подобных исследований. Далее мы сконцентрируемся на конфуцианском гуманизме как главной системе ценностей, лежащих в основе восточноазиатской политической экономики. Начнем с исторического обзора.

Хотя гегельянская философия отражала серьезные перемены, отодвинувшие на задний план конфуцианство и другие духовные традиции незападных стран и приведшие к рассвету идеи Духа, распространенное в культурном Китае понимание конфуцианской морали как «феодальной» основано на строгом тезисе об исторической неизбежности, присущей также и гегельянскому мировоззрению. Ирония состоит в том, что Просвещение, как отражено в эпохальном кантианском вопросе «Что такое Просвещение?», фактически подтвердило, что культурные традиции за пределами Запада (в частности, в конфуцианском Китае) уже до этого сформировали упорядоченное общество и без религии откровения.

Как считают современные философы, например Юрген Хабермас, события конца XIX в., когда движущие силы современного Запада захватили мир в бурном стремлении к материальному прогрессу, определенно не были прямым результатом Просвещения. Напротив, «освобожденный Прометей», символизировавший неустанный поиск полного освобождения от прошлого и от абсолютной власти природы, серьезно препятствовал продвижению по пути рациональности, найденному в период Просвещения. Требование освободиться от всех оков власти и догм можно назвать, пожалуй, определяющей характеристикой философии Просвещения. Еще одной неотъемлемой составляющей образа мышления эпохи Просвещения было агрессивное отношение к природе. Для остального мира современный Запад, сформировавшийся под влиянием философии Просвещения, ассоциируется с завоеваниями, гегемонией, порабощением, а также с моделью процветания человека.

Гегель, Маркс и Вебер разделяли идею, что, несмотря на все его недостатки, современный Запад был единственной ареной развития прогресса, у которой мог учиться остальной мир. Получившие развитие идеи Духа, исторической неизбежности или «железной клетки» современности – все это было, главным образом, европейской проблематикой (*Problematik*). Конфуцианская Восточная Азия, исламский Ближний Восток, индуистская Индия и буддистская Юго-Восточная Азия оказались объектами этого процесса. В конечном счете в результате модернизации как процесса гомогенизации культурное многообразие должно было потерять влияние или даже смысл. Невозможно было себе представить, что конфуцианство или какие-то другие незападные духовные традиции могут оказывать определяющее влияние на модернизационные процессы. Движение от традиционного к современному было необратимым и неизбежным.

В глобальном контексте все идеи, которые большинство блестящих умов современного Запада считало очевидными истинами, оказались весьма ограниченными. Во всем остальном мире, в том числе в Западной Европе и Северной Америке, ожидаемого окончательного перехода от традиционного общества к современному так и не произошло. Как правило, традиции продолжают играть активную роль в формировании особых форм современности; кроме того, сам модернизационный процесс постоянно принимает разнообразные культурные формы, уходящие корнями в отдельные традиции. Самопониманию современного глобального сообщества больше соответствует осознание важности радикальных различий, характерное для XVIII в., нежели распространенное в XIX и большей части XX в. пренебрежение вызовами, стоящими перед западным мировоззрением. В отличие от распространенной в XIX–XX вв. идеи исключительности открытость, существовавшая в XVIII в., может стать хорошим примером диалога цивилизаций в XXI в.

Современный спор между «концом истории» [Fukuyama 1992] и «столкновением цивилизаций» [Huntington 1996] – только малая часть той проблематики, которую я хотел бы исследовать. Эйфория, вызванная триумфом капитализма, и ожидание, что либеральная политическая система взглядов будет заимствована повсеместно, довольно быстро закончится. Возникновение «глобальной деревни», которая в лучшем случае представляет собой воображаемое сообщество, воплощает различия, расслоение и открытую дискриминацию. Наивно надеяться, что экономическая глобализация приведет к равенству положений и возможностей. Мир еще никогда не был так разделен в плане благосостояния, власти и доступа к информации и знаниям. Социальное разделение на всех уровнях, начиная с семьи и заканчивая нацией, вызывает серьезную озабоченность во всем мире. Даже если весь мир поставит целью достижение идеала либеральной демократии, уверенность, что он автоматически станет единственным доминирующим дискурсом в международной политике, является лишь попыткой выдать желаемое за действительное.

Хотя концепция «столкновения цивилизаций» основывается на разумной идее о том, что культурный плюрализм есть естественная характеристика глобального мира, она тем не менее исходит из устаревшего представления об антагонизме между Западом и остальным миром. Даже если отбросить правдоподобное утверждение, будто только западные формы локального знания могут быть обобщены и даже получить всемирное распространение, тезис об исключительности Запада

легко обосновать. Если «столкновение цивилизаций» – это стратегия навязывания заветных западных ценностей, его цель в конечном счете сопоставима с «концом истории», за тем лишь исключением, что начальная стадия может оказаться изнуряющей для сторонников западной либеральной демократии.

В более широком смысле ни конец истории, ни столкновение цивилизаций не передают глубокую озабоченность современных западных мыслителей. Несмотря на все неясности, необходимо и желательно продолжать развивать идеи Просвещения на благо процветания человечества. Удачное, как это сейчас видится, сочетание коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса и политического либерализма Дж. Роулса, возможно, самый многообещающий предвестник этого предприятия. Проблемы, с которыми столкнется новая философия мышления, огульно отнесенная к постмодернизму, очень трудны, но я не буду подробно останавливаться на этой теме. Здесь достаточно будет сказать, что экологическое сознание, понимание вопросов феминизма, религиозный плюрализм и общинная этика – все это обязательно предполагает центральную роль природы и духовной составляющей рефлексивности человека. Неспособность современных просветителей ответственно подойти к насущным проблемам и вопросу гармонии с природой как к базовым составляющим их философии – главный повод для них нестандартно отреагировать на постмодернистскую критику. Наблюдение за ситуацией – дело сообщества. Нам крайне необходимо сформировать глобальные представления об условиях жизни человека, что основано на нашей желании мыслить в понятиях глобального сообщества.

Из всех ценностей Просвещения, которые проповедовались в период Французской революции, братству – функциональному эквиваленту общины – современные политические теоретики уделяют меньше всего внимания. Конечно, современная политическая мысль не ограничивается интересом к взаимоотношениям между человеком и государством, который возник во времена Дж. Локка и его трактатов о правлении. В то же время очевидно, что в западном политическом дискурсе разные общины, в частности семья, задвинуты на задний план как малозначимые явления. Увлечение Георга Гегеля «гражданским обществом», которое он ставил выше семьи, но ниже государства, было вызвано главным образом динамичным развитием буржуазии и ярко выраженным феноменом урбанизации, угрожавшим всем традиционным сообществам. Это был скорее пророческий взгляд в будущее, нежели критический анализ значения общины. Предполагалось, что переход от общины (*Gemeinschaft*) к обществу (*Gesellschaft*) являлся определенным переломным состоянием, которое Макс Вебер называл «всеобщим братством» и считал устаревшим средневековым мифом, его невозможно реализовать в освобожденном от иллюзий современном светском обществе. Содружество наций должно предпринять активные усилия в сфере политики и морали, чтобы подняться над личными интересами и возродить космополитический дух взаимозависимости.

Возможно, в Северной Америке рост интереса к общине в последние десятилетия был вызван ощущением кризиса, осознанием того, что социальная дезинтеграция представляет серьезную угрозу благосостоянию республики. Однако локальные проблемы в США и Канаде, вызванные этническими и политическими конфликтами, наблюдаются едва ли не во всех промышленно развитых, если не сказать постмодернистских, странах первого мира. Представляется трудным раз-

решить конфликт между глобализационными трендами (в том числе в торговле, финансах, информационных системах, миграции, болезнях) и местными интересами, проявляющийся в этнической принадлежности, языке, стране, классе, возрасте и вере. Жестокая конфронтация в мире и воодушевляющие примеры урегулирования конфликтов вынуждают нас преодолеть эпистемологию «или – или» и постигать воображаемое мировое сообщество во всем разнообразии красок и оттенков значений. Пример восточноазиатской модели современности, рассматриваемый с точки зрения конфуцианства, может помочь нам выработать новый тип мышления.

Конфуцианский гуманизм

Возрождение конфуцианского учения как политической идеологии, интеллектуального дискурса, коммерческой этики, семейных ценностей или протестного духа в индустриальной Восточной Азии с начала 1960-х гг. и в социалистической Восточной Азии было результатом сочетания многих факторов. Несмотря на напряженность и конфликт на почве примордиальных связей (в частности, этнических, языковых, национально-культурных, а также жизненных установок), в Восточной Азии распространена модель интеграции на базе ценностей, значительно отличающихся от менталитета Возрождения на современном Западе.

Восточноазиатские ученые уже более века тщательно изучают западную систему познания. Японские чиновники-самураи изучают передовые западные научные, технологические и производственные разработки – голландцев, британцев, французов, немцев, в последнее время и американцев. Похожим образом китайские чиновники от науки, ученые «из корейских лесов» и вьетнамские интеллектуалы используют западные знания в строительстве собственных современных обществ. Ориентация на реальную, всеобъемлющую, даже абсолютную вестернизацию позволяет, исходя из личного опыта, провести кардинальные изменения в экономике, политике и обществе в соответствии с ведущими принципами современного пути развития.

Положительная идентификация с Западом и активное участие в фундаментальной реструктуризации собственного мира в соответствии с западной моделью – явление беспрецедентное в истории. Однако сознательные попытки Восточной Азии вытеснить собственные ценные духовные идеи ради массового культурного поглощения заставляют задействовать собственные паттерны для адаптации западных знаний. После окончания Второй мировой войны эта модель творческой адаптации позволяет получить стратегические возможности для новых обобщений.

Конфуцианская традиция, которая до этого была обособлена как отдаленное эхо феодального прошлого, навсегда ушла от своих имперских основ, но сохранила свои позиции в сельскохозяйственной экономике, семейно-ориентированной социальной структуре и патерналистской политике, претерпевших определенные трансформации. Конфуцианская политическая идеология эффективно работает в Японии и четырех азиатских «малых драконах». Ее влияние прослеживается в политических процессах в Китайской Народной Республике, Северной Корее и Вьетнаме. Когда граница между капиталистической и социалистической Восточной Азией начала постепенно исчезать, культурная форма, объединявшая эти системы, приобрела определенно конфуцианский характер.

Экономическая культура, семейные ценности и коммерческая этика в Восточной Азии и культурном Китае также стали формулироваться в терминах конфуцианства. Было бы упрощением объяснять этот феномен условиями постмодернизма. Даже если мы согласимся, что конфуцианская риторика есть не что иное, как дань прошлому, использование для описания отличительных черт восточноазиатской экономики, политики и общества таких терминов, как «сетевой капитализм», «мягкий авторитаризм», «коллективный дух», «система, основанная на консенсусе и родстве людей», говорит, среди прочего, о преобразующем потенциале конфуцианской традиции в восточноазиатской модели современности.

В частности, под влиянием конфуцианских традиций данная модель современности предлагает следующую четкую концепцию власти и лидерства:

- Руководящая роль власти в рыночной экономике не только желательна, но и необходима. Доктрина, которая объявляет правительство очевидным злом и утверждает, что рынок сам есть «невидимая рука», управляющая обществом, противоречит современному опыту, как западному, так и восточному. Власть, чуткая к народным нуждам, ответственная за благосостояние народа и несущая ответственность перед обществом, жизненно необходима для создания и поддержания порядка.

- Хотя закон – это важнейший необходимый минимум для обеспечения социальной сплоченности, «взаимосвязанная солидарность» может возникнуть только в результате внедрения неких ритуалов взаимодействия. Цивилизованная форма управления не может быть навязана силовыми методами. Обучение на примерах, достойных подражания, предполагает добровольное участие. Сам по себе закон не может вызвать чувство стыда, отвечающее за цивилизованное поведение. Именно ритуальные акты стимулируют людей жить согласно собственным стремлениям.

- Семья как главная ячейка общества – это место, где прививаются основные ценности. Диадические отношения внутри семьи в зависимости от возраста, пола, прав, статуса и иерархии обеспечивают очень богатое естественное окружение для получения знаний о том, каким должен быть человек. Принцип взаимного сотрудничества в виде двустороннего взаимодействия между людьми определяет все формы связей в семье. Возраст и пол, которые потенциально представляют собой две самые главные проблемы в ближайшем окружении, соединяются в непрерывном потоке личных переживаний и заботе о ближних.

- Гражданское общество не может развиваться в достаточной степени, так как это независимая надстройка над семьей и государством. Ее внутренняя сила основывается на активном взаимодействии семьи и государства. Представление о семье как о государстве в миниатюре и идеал государства как увеличенной модели семьи говорят о том, что стабильность семьи жизненно важна для политической организации, а также о том, что основополагающей функцией государства является обеспечение естественной сплоченности семьи. Гражданское общество обеспечивает формирование разнообразных посреднических культурных институтов, которые способствуют плодотворному симбиозу семьи и государства. Активное взаимодействие частной и общественной сфер открывает перед гражданским сообществом многочисленные и разнообразные возможности для процветания людей.

- Образование должно стать гражданской религией общества. Первостепенная задача образования – воспитание характера. Школа, цель которой – формиро-

вание полноценной личности, должна уделять особое внимание не только развитию умственных способностей, но и этическому воспитанию. Школа должна учить искусству накопления «социального капитала» через коммуникацию. Помимо получения знаний и умений школа должна благоприятствовать развитию культурных навыков и способности воспринимать духовные ценности.

- Поскольку самосовершенствование лежит в основе регулирования отношений в семье, управления государством и миром на земле, качество жизни отдельных обществ зависит от уровня самосовершенствования его членов. Общество, которое поощряет работу над собой как необходимое условие процветания человека, – это общество, в котором уважается добродетель как основа политического лидерства, взаимная поддержка – как совместный путь самореализации, ценность семьи – как естественное место становления человека, вежливость – как стандартная модель взаимодействия людей и образование – как процесс формирования характера.

Конфуцианство и модернизация

Было бы неверно думать, что эти социальные идеи полностью реализованы в Восточной Азии. В реальности в восточноазиатских обществах можно наблюдать модели поведения и отношений, абсолютно противоречащие характерным чертам конфуцианской модели современности. Сейчас в Восточной Азии, которая на протяжении десятилетий притеснялась империализмом и испытывала гнет колониализма, вовсю процветают, по крайней мере на первый взгляд, некоторые наиболее негативные элементы западной модернизации: эксплуатация, меркантилизм, потребительство, материализм, жадность, эгоизм и жесткая конкуренция. Тем не менее культурные последствия подъема конфуцианской Восточной Азии, первого незападного региона, переживающего модернизацию, будут масштабными.

Современный Запад, сформировавшийся на идеях Просвещения, задал миру первоначальный импульс для социальной трансформации. Исторические обстоятельства, которые стимулировали модернизационный процесс в Западной Европе и Северной Америке, не являются обязательными структурными компонентами современности. Безусловно, все ценности Просвещения – эффективная рациональность, свобода, правосознание, надлежащая правовая процедура, частная жизнь и индивидуализм – это общепринятые современные ценности, однако конфуцианский пример показывает, что «азиатские ценности», такие как сострадание, справедливость распределения, осознание долга, ритуал, переживание за общее дело, ориентация на группу, также относятся к общепринятым современным ценностям (о последних дискуссиях на эту тему см.: de Vary 1998). Западные ценности внедряются в восточноазиатскую модель современности, в то время как азиатские ценности могут оказаться важными и своевременными для американского образа жизни.

Если конфуцианская модель современности полностью опровергает строгое утверждение, что модернизация, по сути, есть вестернизация или американизация, означает ли это, что успехи Восточной Азии предвещают наступление «тихоокеанского века» и символизируют замену старой парадигмы на новую? Ответ определенно отрицательный. Идея о каком-то встречном движении Западной Европы и Северной Америки к Восточной Азии в поисках совета противоречит здравому смыслу. Несмотря на очевидную необходимость для Запада, и особенно для Соединенных Штатов, стать не только поучающей, но и обучающейся цивили-

лизацией, то, что предлагает восточноазиатская модель современности, скорее плюрализм, чем альтернативный монизм.

Успехи конфуцианской Восточной Азии, которая добилась практически полной модернизации и при этом избежала абсолютной вестернизации, ясно показывают, что модернизация допускает разные культурные формы. Соответственно можно предположить, что страны Юго-Восточной Азии могут прийти к модернизации собственным путем, избежав влияния как Запада, так и Восточной Азии. Сам факт, что конфуцианская Восточная Азия вдохновила модернизацию в Таиланде, Малайзии и Индонезии, говорит о том, что буддистские, исламские и, судя по всему, индуистские формы современности не только возможны, но и очень вероятны. Нет сомнений, что все малочисленные народы в других частях мира – Латинской Америке, Центральной Азии, Африке – имеют возможность развивать свои, альтернативные западной, формы модернизации.

Возможно, это очевидное умозаключение, сделанное с ориентацией на плюрализм, преждевременно. Любые признаки того, что это возможно и является исторической неизбежностью, похожи на попытку выдать желаемое за действительное. Не надо быть прагматичным реалистом, чтобы признать вероятность этого сценария. Если страны первого мира будут настаивать на своем праве «чрезмерного развития», промышленная Восточная Азия – стремиться к ускоренному росту, а КНР будет добиваться «четырёх модернизаций» любой ценой, каким будет мир через 50 лет? Восточноазиатская модель современности – это персептива или кошмар? Кто знает...

Даже с учетом современного финансового кризиса экономический рост конфуцианской Восточной Азии (наиболее динамично развивающейся экономики за всю мировую историю) за последние 40 лет имеет широкие геополитические последствия. Перевоплощение Японии из послушного ученика, находящегося под опекой Америки, в самостоятельную, влиятельнейшую страну, оспаривающую американское экономическое превосходство, заставляет нас исследовать глобальное значение этого конкретного регионального опыта. Политика реформ и открытости, проводимая с 1979 г., стала стимулом для превращения Китая в могучую развивающуюся страну.

Несмотря на разрушение Берлинской стены и распад бывшего Советского Союза, ознаменовавшие конец международного коммунизма как тоталитарного эксперимента, социалистическая Восточная Азия (континентальный Китай, Северная Корея и, из культурных соображений, Вьетнам), кажется, перестраивается не на словах, а на деле. На фоне тысяч политических диссидентов на Западе и Всемирной сети в поддержку независимости Тибета фундаментальные отличия Китая повсеместно воспринимаются в американских СМИ как угроза. Кажется очевидным, что для Китая, на протяжении более ста лет притесняемого империалистическим Западом, месть может стать главным побудительным мотивом для реорганизации мирового порядка. Память о тихоокеанском театре Второй мировой войны и войне в Корее, не говоря уже о Вьетнамской войне, подкрепляет миф о «желтой опасности». Эмиграция благополучных китайцев из Юго-Восточной Азии, Тайваня, Гонконга в Северную Америку, Австралию и Новую Зеландию еще больше усиливает ощущение, что существует некий китайский замысел по реорганизации властных отношений в мировом сообществе.

Подъем конфуцианской Восточной Азии – Японии, четырех «малых драконов», континентального Китая, Вьетнама и, возможно, Северной Кореи – наводит на мысль, что, несмотря на глобальные тенденции, проявляющиеся преимущественно в экономической и геополитической сфере, культурные традиции продолжают оказывать мощное влияние на модернизационные процессы. Хотя модернизация возникла на Западе, восточноазиатская модернизация уже обрела культурные формы, настолько отличные от западноевропейских и североамериканских, что мы фактически уже имеем дело с формами, альтернативными западному модернизму. Однако это не означает, что западный модернизм размывается, а тем более заменяется восточноазиатским. Утверждение, что азиатские ценности в большей степени, чем западные ценности просвещения, соответствуют современной Азии, а также формирующемуся в XXI в. глобальному сообществу, не вполне верно, если не сказать абсолютно ошибочно. Задача, которая стоит перед нами в будущем, – это формирование глобального цивилизационного диалога как необходимого условия для мирного мироустройства. Наблюдаемое столкновение цивилизаций делает этот диалог жизненно важным.

Парадокс, однако, заключается в нашем желании и смелости осмыслить глубокие отличия как необходимую ступень на пути к самопониманию. Если Запад примет восточноазиатскую модель современности в качестве ориентира, это будет способствовать пониманию сильных и слабых сторон собственной модели применительно к остальному миру. Активный самоанализ позволит современному Западу понять, как древние связи, лежащие в основе конкретных существующих сообществ, способствовали формированию различных вариантов современного опыта.

Это огромный шаг на пути к настоящему информационному обмену между Западом и остальным миром, без которого базовое доверие и плодотворное межкультурное общение никогда не станет возможным. По сути, с точки зрения глобального сообщества противопоставление Запада и остального мира нецелесообразно и нежелательно. Практика показала, что это еще и нерационально. Запад как гегемон попытался занять господствующее положение в мире путем принуждения, остальной же мир проник на Запад в результате различных видов миграции: трудовой, финансовой, кадровой и религиозной. Настало время для межкультурного диалога, основанного на принципах взаимозависимости.

Перевод К. А. Уховой

Литература

Bary W. T. de. Asian Values and Human Rights: A Confucian Communitarian Perspective. Cambridge : Harvard University Press, 1998.

Fukuyama F. The End of History and the Last Man. New York : Free Press, 1992.

Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York : Simon & Schuster, 1996.

Lo Rongqu (ed.). Xihua yu xiandaihua (Westernization and Modernization). Beijing : Beijing University Press, 1985.

Tu Wei-ming (ed.). Confucian Traditions in East Asian Modernity: Moral Education and Economic Culture in Japan and the Four Mini-Dragons. Cambridge : Harvard University Press, 1996.

КОНФУЦИАНСКИЙ ПУТЬ ТУ ВЭЙМИНА

Мигунов Н. И.

к. ф. н., приглашенный исследователь Института перспективных гуманитарных исследований Пекинского университета.

E-mail: fengling@post.com

В статье даны основные вехи биографии профессора китайской истории и философии, исследователя конфуцианства Ту Вэймина. Сформулированная им в 80-х гг. XX в. грандиозная программа «конфуцианского мегапроекта» показывает актуальность конфуцианства как мощного духовного ресурса современности.

Ключевые слова: профессор Ту Вэймин, постнеоконфуцианство, «конфуцианский мегапроект», конфуцианская этика.

The article provides the main landmarks in biography of Professor of Chinese history and philosophy, student of Confucianism Tu Wei-Ming. His ambitious program “The Confucian megaproject” developed in the 1980s demonstrates Confucianism urgency as a huge spiritual resource of the modernity.

Keywords: Professor Tu Wei-Ming, Post-Neo-Confucianism, “Confucian megaproject”, Confucian ethics.

Без тени преувеличения можно сказать, что профессор Ту Вэймин¹ – всемирно известный философ, один из наиболее ярких представителей современного нового конфуцианства, или постнеоконфуцианства. Его заслуженно считают одним из авторов мирового конфуцианского ренессанса и лидером так называемого третьего поколения нового конфуцианства. С середины 80-х гг. XX в. это течение становится влиятельным «синтетическим культурно-философским явлением» не только в странах индустриальной Юго-Восточной Азии – «четырёх малых драконах» (на Тайване, в Южной Корее, Гонконге и Сингапуре), но и в материковом Китае. Здесь оно выступает одним из трех ведущих духовных течений наряду с марксизмом и либерализмом. Но немало в Китае и тех, кто считает, что «современное новое конфуцианство – *главная основа* построения новой китайской “духовной цивилизации”» [Сун Чжимин 2008: 4]. В среде университетской интеллигенции бытует даже такое мнение, что современное конфуцианство – тeneвая идеология китайского общества или даже «государственная религия», и что пора уже официально «конфуцианизировать компартию». Наряду с этим тема «конфуцианского социализма» – давно уже предмет спокойного академического дискурса

¹ Родился в г. Куньмин провинции Юньнань материкового Китая в 1940 г. Получил степень бакалавра (1961) в университете Тунхай (Tunghai) на Тайване, где испытал влияние выдающихся представителей нового конфуцианства второго поколения Сюй Фугуаня (徐复观) и Моу Цзунсяня (牟宗三). Дальнейшее образование получал в США: степень магистра – в 1963 г., в 1968 г. – степень доктора, защитив в Гарвардском университете диссертацию по философии средневекового китайского неоконфуцианца Ван Янмина. Среди американцев считает своими учителями знаменитого гарвардского синолога Б. Шварца и классиков структурно-функционального анализа – социологов Т. Парсонса и Э. Шилса.

са. Как бы то ни было, если не брать в расчет современное новое конфуцианство, то понять, что же представляет собой китайская философия сегодня, просто невозможно.

Вплоть до 2010 г. Ту Вэймин жил и работал в США, занимал позиции в ведущих университетах – преподавал в Принстонском университете (1968–1971), Калифорнийском университете в Беркли (1971–1981), с 1981 г. – в Гарварде, и пропагандировал конфуцианство по всему миру. Начиная с 1980 г. он регулярно бывал в Китае и оказался в эпицентре материкового конфуцианского возрождения. Ту Вэймин участвовал в опыте локальной инкультурации конфуцианских ценностей в Сингапуре – в 1982 г. в числе восьми самых известных в мире конфуцианцев он был приглашен президентом Сингапура Ли Кван Ю для разработки программы «Конфуцианской этики», положенной впоследствии в основание образовательно-воспитательной системы этого государства. В 1988 г. Ту становится первым академиком азиатского происхождения в Американской академии искусств и наук. С 1996 по 2008 г. Ту Вэймин – президент знаменитого Яньцзинского института Гарвардского университета (哈佛燕京学) – одного из ведущих мировых центров по изучению азиатской культуры и философии. Он пожизненный профессор Пекинского университета, почетный профессор шести китайских и семи зарубежных университетов, член Шанхайской академии общественных наук, президент Международного конфуцианского экологического альянса (2013).

В 2001 г. профессор Ту Вэймин был включен Генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном в «Группу 19 выдающихся представителей мировых цивилизаций». Он неоднократно выступал с трибуны ООН и ЮНЕСКО с анализом перспектив становления диалогической цивилизации в планетарном масштабе, проблем глобализации, осевых цивилизаций и межцивилизационного диалога. Тема взаимоотношения традиции и модернизации, «множественных современностей» – ключевая для социальной философии Ту. В общей сложности им написано более 30 книг на английском и китайском языках и более 500 статей, которые постоянно переиздаются. Только осенью 2013 г. в Китае был опубликован восьмитомник его философских произведений и трехтомник академических воспоминаний. Ту Вэймин – лауреат бесчисленных премий и академических наград (последние две были вручены ему 3 декабря 2013 г. в Греции от *Global Thinkers Forum* и 8 января 2014 г. в Макао от «Ассоциации китайской культуры за рубежом»).

Режим благоприятствования, последовательно создаваемый китайскими властями по отношению к новому конфуцианству, побудил гарвардского профессора Ту Вэймина принять в 2010 г. приглашение Пекинского университета (PKU) и перебраться в Пекин, чтобы организовать и возглавить при PKU Институт перспективных гуманитарных исследований. Тем самым сложилась интереснейшая ситуация, когда в материковом Китае сосуществуют бок о бок и имеют практически равные права на публичное представительство и академически респектабельное «зарубежное» новое конфуцианство, быть может, зачастую излишне политизированное. В 2012 г. здесь же, в Пекинском университете, Ту Вэймин создает и возглавляет еще один институт, аффилированный с первым его детищем, – Институт мировой этики (Institute for World Ethics). Церемония открытия института состоялась 29 октября 2012 г. в Стэнфордском центре Пекинского университета при большом количестве приглашенных лиц. Его соучредителем становится Тюбингенский университет,

а в Наблюдательный совет входит известный швейцарский профессор экуменической теологии Ганс Кюнг, инициатор создания всемирной «Декларации мирового этоса», принятой Вторым парламентом религий мира (Чикаго, 1993 г.) и несущей на себе серьезный отпечаток конфуцианской этики.

Еще в далекие восьмидесятые Ту Вэймин сформулировал грандиозную программу «конфуцианского мегапроекта» передачи учения (*даотун*), смысл которого сводится к тому, что конфуцианство как «живая традиция», как мощный духовный ресурс современности и как *жизнефилософия*, смогло бы реализоваться в качестве «исторически и культурно специфической формы жизни» [Tu Weiming 2010: 91] в условиях становления новой исторической реальности – глобального сообщества (*global community*). При этом он прекрасно видел связанные с этим трудности. «Мы находимся в довольно сложном положении, – писал Ту Вэймин в связи с этим, – нам предстоит преодолеть три преобладающие... дихотомии: “традиционное – современное”, “западное – незападное”, “локальное – глобальное”» [Сун Чжимин 2009: 297]. Задача усугублялась необходимостью предварительной когнитивной коррекции – выхода за пределы мышления, оперирующего дихотомическими понятийными парами, характерными для западного дискурса, и в конечном счете порождающими ложные антиномии: дух/материя, тело/разум, сакральное/профанное, человек/природа, творец/творение, субъект/объект, психическое/ментальное и т. п. Осуществлению этой программы он, собственно, и посвятил свои многолетние усилия.

Контур этого «конфуцианского мегапроекта» вырисовался в 1983 г., когда Ту Вэймин принимал участие в организации в Сингапуре Института восточноазиатских философий, а подойти вплотную к его осуществлению он смог только сейчас, прочно обосновавшись на родине Учения. В редакции 2010 г. мегапроект включает в себя три пункта: 1) культурный Китай; 2) диалогическую цивилизацию; 3) становление мировой этики. Во исполнение первого и третьего пункта этого грандиозного «конфуцианского проекта» под руководством Ту Вэймина учреждены два института, о которых я упомянул выше, реализация второго пункта предполагает организацию непрерывной цепи форумов, симпозиумов, конференций, круглых столов, широкой издательской деятельности с привлечением самых влиятельных представителей мировой общественности, научной, политической и финансовой элиты – от так называемой *academia* до царствующих особ, – в ходе проведения которых на протяжении вот уже 30 лет реализуются идеи и культурного Китая, и диалога цивилизаций, пронизанных духом конфуцианской этики как одной из основ нового мирового этоса. Важно понимать, что конфуцианство – это философия, которая стремится стать жизнью.

Литература

Сун Чжимин. Чжунго сяньдай чжэсюэ тунлунь (Общий обзор современной китайской философии). Пекин : Чжунго жэньминь дасю чубаньшэ, 2008.

Сун Чжимин. Сяньдай синь жусюэ дэ цзоу сян (Направление движения современного нового конфуцианства). Пекин : Бэйцзин шифань дасюэ чубаньшэ цзитуань, 2009.

Tu Weiming. The Global Significance of Concrete Humanity: Essays on the Confucian Discourse in Cultural China. New Dehli : Munshiram Manoharial, 2010.

ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Урсул А. Д.

д. ф. н., профессор, заслуженный деятель науки РФ,
директор Центра глобальных исследований и профессор факультета
глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова
E-mail: ursul-ad@mail.ru

Исследуется проблема формирования глобального управления в контексте предполагаемой эволюции глобальных процессов, перспектив выживания человечества и сохранения биосферы. Выражается мнение, что не только глобальным исследованиям, но и всей науке в целом необходимо будет усилить внимание к изучению нового нарождающегося в наше время глобального феномена – устойчивого развития. Подчеркивается, что глобализация, транслируя универсалии и устанавливая различные связи в социуме, на этапе перехода к устойчивому развитию также нуждается в использовании механизмов глобального управления. И хотя глобальное управление необходимо не только для реализации стратегии устойчивого развития, все же его основная ориентация и функция будут связаны с эволюционным движением к глобальной устойчивости.

Ключевые слова: эволюционная глобалистика, глобализация, глобалистика, глобальное развитие, глобальное управление, глобальные проблемы, глобальное знание, глобальные процессы, глобальные исследования, устойчивое развитие.

We study the problem of the formation of global governance in the context of the alleged evolution of global processes, the prospects of survival of humanity and the biosphere preservation. The view is expressed that not only global studies but science as a whole will need to pay more attention to the study of a new global phenomenon emerging at present – sustainable development. It is emphasized that globalization, transmitting universalities and establishing various relations in society, at the stage of transition to sustainable development also needs to use the mechanisms of global governance. And while global governance is necessary not only to implement the strategy of sustainable development, yet its basic orientation and the function will be associated with the evolutionary movement toward global sustainability.

Keywords: Evolutionary Globalistics, globalization, Globalistics, global development, global governance, global issues, global knowledge, global processes, Global Studies, sustainable development.

Становление глобального управления как эволюционная необходимость

Глубинная причина усиления интереса к проблеме глобального управления заключается в необходимости кардинального изменения течения глобальных

процессов (особенно глобализации), в которых нарастают негативные тенденции и последствия, вызывая дальнейшее обострение глобальных проблем. В глобальных проблемах концентрируются в основном негативные последствия как глобализации, так и предшествующего мирового развития и обостряются противоречия, которые угрожают общемировыми катастрофическими последствиями. Человечеству уже в ближайшей перспективе необходимо предпринять скоординированные действия по выходу из того или иного глобального кризиса, порожденного глобальными проблемами и мировыми процессами негативного характера. Деградационно-регрессивные последствия стихийного развертывания глобальных процессов и проблем требуют их изменения с целью поворота вектора глобального развития на траекторию прогрессивного развития (или, как выяснилось немногим более двух десятилетий тому назад, на траекторию устойчивого развития как нового типа развития, которое может сохранить цивилизацию и биосферу).

Для наиболее адекватного видения и оптимального решения такого рода проблем потребовалось ввести в глобалистику эволюционный подход, тем самым можно констатировать факт появления нового направления глобальных исследований – эволюционной глобалистики [Ильин, Урсул 2009]. Причем предложенный эволюционный подход к изучению глобальных процессов в дальнейшем получил существенное развитие [Они же 2013]. Эволюционное видение глобальных процессов – это естественный шаг в их познании, и такой подход помогает в более эффективном их использовании в становлении глобальной деятельности, особенно глобального управления. Становится едва ли не очевидным, что в центр внимания глобальных исследований постепенно выходят такие понятия, как глобальное развитие и глобальное управление.

Поскольку стихийная эволюция глобальных процессов ведет к усилению негативных последствий и даже угрожает катастрофами, то появилась идея: некоторые из этих процессов, зависящих от антропогенной деятельности, постепенно трансформировать в желаемом позитивном направлении. А это требует формирования принципиально нового типа управления – глобального управления социальной и социоприродной деятельностью. Важно сформировать такую теорию глобальных процессов и глобального развития, в которой можно было бы не просто описывать объективно-стихийно происходящее в глобальном мире, но и предусмотреть возможность становления глобального управления.

Когда еще глобалистика ассоциировалась с изучением глобальных проблем, незамеченная учеными глобализация существовала и развивалась, хотя и в иных формах (особенно в биполярный период). Глобализация оказывается не просто одним из основных глобальных процессов, но и важнейшим направлением глобального развития, эволюции и коэволюции этих процессов. Тем самым глобализация предстает в качестве одного из эволюционирующих глобальных процессов и выступает в качестве главного предмета глобальных исследований [Чумаков 2013].

Глобальные проблемы также выступают в качестве одной из форм глобального развития, требующей для своего решения «реверса» направления их эволюционного продолжения. В глобализации и глобальных проблемах как формах глобального развития можно четко увидеть взаимодействие прогрессивных и регрессивных процессов и тенденций мирового развития. Одной из задач глобальных

исследований (особенно их прикладной составляющей) станет выявление этих направлений эволюции как глобальных процессов с целью выдачи рекомендаций для принятия эффективных мер по уменьшению негативных (регрессивных) последствий и усилению позитивных (прогрессивных) тенденций глобальных процессов.

Глобализация объективно ориентирована при ее позитивном разворачивании не на гибель цивилизации, а на формирование ее общепланетарной целостности, мыслимой как становление единого глобального мира, причем мира как социального, так и социоприродного. Хотя предпосылки и отдельные характерные черты глобализации существовали фактически на длительном протяжении человеческой истории, осознание этой закономерности и процесса стало реальностью в последние два-три десятилетия. Именно в это время достаточно четко проявился поворот от национально-государственных форм социального бытия к глобальному мировому сообществу как единому мегаобществу с новыми возможностями выживания и перспективами более длительного существования человечества. И хотя этот процесс идет достаточно сложно, сопровождаясь и наполняясь разного рода противоречиями и негативом, тем не менее масштабы его расширяются, а темпы только ускоряются.

Отличие глобализации от других глобальных феноменов, имманентно присущих истории и эволюции человечества, в том числе и интеграционных процессов, заключается, в частности, в том, что речь идет не просто о сближении тех или иных социумов, а о формировании той целостности, которая может именоваться глобальной системой или глобальным миром и которая формируется через различные все умножающиеся глобализационные процессы. Вся существующая и вновь формирующаяся совокупность глобальных процессов ведет к появлению глобальной системы в ее социальном и социоприродном аспектах, в рамках которой цивилизация обретает новые способы и пути своего выживания и дальнейшей перманентной самоорганизации.

Сейчас в трактовке сущности глобализации преобладает точка зрения, в которой делается акцент на интеграционных процессах в развитии цивилизации и обретения ею свойства целостности в самых различных аспектах. Однако для того, чтобы появились эти связи, ведущие к целостности человечества, те или иные фрагменты и компоненты социума должны были пройти путь развития (например, должно было произойти глобальное расселение), который предшествовал преимущественно «интеграционной» трактовке глобализации и вместе с элементами «ранней глобализации» также представлял какой-то ранее протекавший глобальный процесс. Глобализация была «запрограммирована» как природными особенностями земного шара, так и объективными закономерностями развития человечества. В этом смысле можно считать, что генезис этого глобального процесса в принципе имеет не просто социальный, а именно социоприродный характер.

Глобализация представляет собой один из наиболее важных глобальных процессов, формирующий целостность мира, прежде всего в социальном измерении, то есть в системе «человек – общество», на что чаще всего и обращается внимание в глобальных исследованиях. Вместе с тем глобализация выходит за пределы социального измерения. Ее воздействие существенным образом проявляется и в системе «человечество – природа» (социоприродные взаимосвязи и взаимодействия). Конечный результат глобализации видится не только в формировании

целостности человечества, но и в его переходе на коэволюционные взаимоотношения с природой, то есть будущая мироцелостность в социальном ракурсе должна дополняться экологической (даже шире – социоприродной) безопасностью в глобальном масштабе.

Как видим, глобальные социальные и социоприродные феномены в ходе стихийной эволюции порождают и усиливают негативные тенденции совокупного глобального развития, и их важно предотвращать и в необходимой степени снижать. Причем все эти меры в принципе должны носить опережающий характер – глобальные катастрофы можно только предотвращать, так как их последствия просто некому будет устранять. Опережающие управленческие действия в планетарном масштабе будут выполнять следующие общие глобальные функции. Прежде всего должны поддерживаться и стимулироваться те способы деятельности и глобализационные процессы, которые уже существуют (либо появляются) и способствуют выживанию цивилизации и сохранению биосферы. Кроме того, необходимо включить такие механизмы глобального управления, которые будут вначале тормозить, а в дальнейшем существенно снижать негативные последствия и тенденции, стоящие на пути прогресса к новым глобальным целям. Однако и в позитивном направлении развертывания глобализации возникают противоречия, которые также необходимо разрешать, используя формирование механизмов глобального управления.

Глобализация, транслируя универсалии и устанавливая различные связи, приближающиеся к консенсусно-коэволюционным, реализуется в двух основных направлениях (или формах): во-первых, как формирование различного рода связей и взаимодействий между фрагментами общества; это своего рода, как иногда говорят, «интеграция различий» (межнациональные, межгосударственные и тому подобные взаимодействия), что ведет к обретению определенной целостности цивилизации. Во-вторых, как все более широкое использование и трансляция по планетарному пространству позитивных ценностей и универсалий, целей, норм, идеалов, общих форм и способов деятельности, особенно технологий более рационального природопользования и т. п. Эту форму глобализации уместно назвать транснациональной или универсальной. Обе упомянутые – транснациональная и интегративная – формы глобализации ведут при складывающихся благоприятных обстоятельствах к общепланетарному единству цивилизации в самых различных отношениях.

Важно отметить, что упомянутые формы развертывания глобализации ведут к ускоренному и широкомасштабному накоплению информации и объемов ее передачи и преобразования, существенно повышая информационное содержание социосферы. Интегративная форма глобализационных процессов ускоряет рост информации при снижении либо отсутствии негативных воздействий, то есть отрицательных последствий глобализации. Универсально-трансляционная форма глобализации, которая ряду авторов представляется только как унифицирующая и стирающая различия (особенно национальные и культурные), на самом деле в определенных условиях также способствует накоплению информации в обществе, поскольку ее действие происходит в виде глокализации, когда глобальные тенденции сталкиваются с локальными особенностями социоприродной среды и тем самым генерируется новое социокультурное разнообразие. Рост количества информации в социосфере в ходе информационной глобализации и оптимизация

информационных процессов существенно усиливают возможности формирования глобального управления, приближая к появлению информационного общества в общепланетарном масштабе.

Такого рода формы и способы глобализации (интеграционная и универсальная) характерны и для науки, особенно для междисциплинарных, трансдисциплинарных и интегративно-общенаучных исследований, и для формирования глобального опережающего сознания. Последнее будет формироваться и в ракурсе интеграции различных знаний и мнений, форм и способов познания мира, что условно можно обозначить как процесс глобализации науки и образования, глобализации как интеграции различных форм сознания. Вместе с тем все большую интенсивность набирает форма уже не глобализации, а становления глобального сознания через развитие глобалистики и глобальных исследований, что приводит к появлению особой очень важной формы знания – глобального знания, распространение которого в основном происходит наиболее простым и быстрым – трансляционно-трансдисциплинарным – способом.

Важно обратить внимание на то, что появление этой глобальной формы знания оказалось не просто необходимым, но и, как сейчас становится понятным, более важным для формирования глобального управления, чем процесс глобализации знания и сознания. Это связано с тем, что глобальное знание намного быстрее формирует глобальное сознание в качестве будущего коллективного общепланетарного интеллекта (в перспективе – ноосферного интеллекта), чем процесс его глобализации, на пути которого обнаруживаются серьезные проблемы и трудности антиинтегративно-негативного характера. Именно глобальное знание и на его основе глобальное сознание окажутся главной интеллектуальной основой расширяющегося масштабного ускоренного формирования глобального управления, причем проблема управления и управляемости, по мнению А. Б. Вебера, является центральной в современной глобалистике [Вебер 2009: 10].

Глобальное управление будет реализовываться различными способами и в разных направлениях (кстати, совпадающими с направлениями глобализации – глобализационными процессами), например с помощью экономических, политических, экологических и других социальных форм и действий и т. д. Уместно обратить внимание на то, что в своем целостном виде глобальное управление может появиться лишь в будущем, когда глобализация будет вступать в свою следующую, может быть, и не «завершающую» стадию, под которой мы имеем в виду управляемый переход в планетарном масштабе к устойчивому развитию (УР). Причем процессы глобализации при переходе к УР и становление глобального управления весьма тесно взаимосвязаны, прогресс в одном направлении будет стимулировать продвижение в другом, о чем пойдет речь в следующем разделе статьи.

Глобальное управление необходимо и для оптимального развертывания геополитических процессов в контексте УР, которые также существенно глобализируются, происходит «эрозия» Вестфальской системы, акторами мировой политики, кроме государств, все активнее выступают международные и всемирные организации, глобальные города, транснациональные корпорации, геоцивилизации, которым от государств постепенно передается ряд властных полномочий, в том числе и в геополитическом ракурсе. Властные полномочия при становлении глобального управления постепенно «переносятся» с конкретной территории на всю террито-

рию планеты и на специально создаваемую глобальную структуру (например, всемирную организацию, ТНК) и на определенный глобализационный процесс.

Важно создать приемлемые для всех народов и заинтересованных государств мирового сообщества формы и механизмы передачи властно-управленческих полномочий не просто на международно-наднациональный уровень, а на уровень глобальный, адекватный эффективному решению глобальных проблем и включению глобальных процессов в стратегию выживания человечества, о чем шла речь в одном из докладов Римского клуба [Кинг, Шнейдер 1991]. Понятно, что это предполагает усиление позитивного развертывания глобализационных процессов, в результате чего ожидается проявление системного «эффекта целостности» глобального мира и доминирующего его видения сквозь призму глобализма как ведущего компонента глобального сознания.

Задача формирования глобального уровня управления уже поставлена на уровне ООН [Аннан 2000]. Надо сказать, что политические декларации и рекомендации ООН существенно опережают научные обоснования и разработки этой формы управления и устойчивого развития мирового сообщества. Опережающая национальную политику отдельных государств и во многом пока виртуальная глобальная политика ООН оказалась «мудрее» науки с ее моделью строгой академичности, ориентированной в основном на прошлое человечества. И этому можно дать научное обоснование в более широкой «системе координат», нежели это имеется в настоящее время. Но для этого необходимо существенно футуризировать видение науки с ее акцентом на прошлом.

Кроме сетевых форм развертывания глобальной деятельности [Марков 2003], может появиться и иерархическая форма в виде, например, всемирного правительства, уже существует довольно обширная литература по этой проблеме. Хотя идея всемирного правительства возникла еще в XVIII в., тем не менее только в XX в. в связи с осознанием и обострением глобальных проблем эта идея начала приобретать более реальные концептуальные очертания, позиционируя новое направление планетарной парадигмы философско-политической мысли [Мартин 2003]. Эта идея даже получила свое эволюционное обоснование, в котором этот глобальный политический институт представляется как высшая форма и этап космогенеза на нашей планете. Стало понятным, что если возникнет всемирный федеративный институт власти, которому все страны передадут свой суверенитет и властные полномочия, то решение глобальных проблем станет намного более эффективным, чем в современном, еще слабо связанном атомизированном мире конкурирующих между собой индивидов, государств и других акторов. Ожидается появление единого глобального органа управления, состоящего из всех ветвей власти (исполнительной, законодательной, судебной), ослабляющего страновую автономность и национальную фрагментарность. Хотя обычно имеют в виду появление всемирного правительства, тем не менее речь может идти о создании общепланетарной политической структуры на базе всех трех ветвей власти, а не только исполнительной, функцию которой обычно выполняет правительство.

Глобальное управление, глобализация и устойчивое развитие

Проблема глобального управления является дискуссионной (см., например, статьи А. Н. Чумакова [2010; 2012] и Г. А. Дробот [2011] по этой проблеме в журнале «Век глобализации»). Ведь с точки зрения традиционных научных дисциплин

лин, например теории международных отношений или даже мировой политики, формирование глобального управления представляется весьма трудным или даже невозможным процессом. В этой связи уместно обратить внимание на то, что как упомянутые научные дисциплины и направления, так и подавляющая часть социально-гуманитарного знания формировались в модели неустойчивого развития, которая исходит из хаотично-стихийного развития фрагментов (субъектов) человеческой цивилизации, где управление в основном ограничивалось государственным уровнем. Лишь в мировой политике как научном направлении в самое последнее время отдельными учеными начала упоминаться концепция устойчивого развития (УР). Между тем, как было сказано выше, переход к устойчивому развитию как новый эволюционный глобальный процесс настоятельно требует формирования глобального управления, ибо без него такой переход в принципе невозможен. Тем самым налицо противоречие между традиционными научными отраслями знания и новыми концепциями, ориентированными на переход к УР.

Формирование глобального управления в литературе довольно часто обсуждается вне связи с устойчивым развитием, однако в условиях перехода глобализационных процессов социального и социоприродного характера на упомянутую цивилизационную стратегию вряд ли это целесообразно. Имеется точка зрения, что исследование способов и методов перехода к УР является, по сути, целью современной науки глобалистики [Богатырев 2011]. Однако, соглашаясь, что этим действительно должна заниматься также и глобалистика, следует обратить внимание на то, что данную область исследований интересует гораздо более широкий круг проблем. Устойчивое развитие должно изучаться не только с позиций глобалистики и особенно того направления, которое связывается с изучением будущего глобальных процессов, то есть с позиций футуроглобалистики.

Не только глобалистике и глобальным исследованиям, но и всей науке в целом необходимо будет усилить внимание к исследованию нового нарождающегося в наше время глобального процесса – устойчивого развития [Барлыбаев 2013]. С этой точки зрения глобальное управление приобретает новое видение и более реальные перспективы своего воплощения в будущем. И хотя в глобальном управлении будет нуждаться не только переход к устойчивому развитию, но и многие другие глобальные процессы, тем не менее главная функция этого типа управления будет связана с управляемым движением к глобальной устойчивости. А в более отдаленной перспективе глобальное управление поможет реализации и другого глобального процесса – ноосферогенеза (становления сферы разума), хотя В. И. Вернадский и предполагал стихийный переход биосферы в ноосферу [Вернадский 1991].

Глобализация в ближайший исторический период, согласно принятым на форумах ООН по УР документам, начинает входить в «управляемый» переход к устойчивому развитию. Глобальное управление, ориентирующееся на новые цивилизационные цели, развивается и в рамках ООН, на форумах которой и была принята стратегия устойчивого развития. Именно этому направлению «управляемой глобализации» как глобализации через переход к устойчивому развитию принадлежит будущее.

Этот этап был предсказан более двадцати лет назад в одном из первых научных обоснований необходимости перехода цивилизации к устойчивому развитию [Наше... 1989], это подтверждено на Саммите тысячелетия в 2000 г. и на Йохан-

несбургском саммите по устойчивому развитию (УР). Из официальных рекомендательных документов ООН становится понятным, что практическое осуществление перехода к УР предполагалось начать с декады 2005–2014 гг. Именно в это время государства планеты (входящие в ООН) должны были подготовиться в концептуально-стратегическом и организационно-управленческом плане к реализации новой цивилизационной стратегии.

В Йоханнесбургской декларации по устойчивому развитию отмечается, что вследствие развертывания глобализации проблема перехода к УР обрела один новый аспект [Йоханнесбургская... 2000]. Быстрая интеграция рынков, движение капиталов и значительное расширение инвестиционных потоков по всему миру обусловили новые проблемы и возможности на пути к обеспечению устойчивого развития. Глобализация и переход к УР должны соединиться в единый глобально-устойчивый процесс, который дает шансы каждому из них еще быстрее реализовать цели, которые либо были поставлены, либо объективно действовали как некий «странный» общепланетарный аттрактор.

Новая цивилизационная модель развития (принятая и подтвержденная на «Рио-92», «Рио+10», «Рио+20») существует пока лишь на концептуально-теоретическом уровне и представляет собой в основном политические декларации и благие пожелания более разумно действовать во имя выживания человечества на глобальном, региональном, национальном и местном уровнях. Это в основном виртуальное, но пока медленно претворяемое в жизнь движение к глобальной устойчивости создает массу трудностей и проблем для нынешнего, казалось бы, обреченного на исчезновение неустойчивого развития. Стратегические цели изменения курса развития вступают в противоречие с политикой, тактикой и прагматическим поведением ныне действующих властей и народов планеты, которые думают о будущем в лице лишь узкого круга своих представителей. Устойчивое будущее не появится без активной и усиливающейся борьбы с неустойчивым настоящим и происходящим. В этом – противоречие и драматизм XXI в., который в зависимости от разрешения этого противоречия станет либо веком перехода к устойчивому будущему человечества, либо концом его истории уже в прямом смысле этого слова.

Смысл перехода, или, лучше сказать, «поворота» глобализации и ряда других глобальных процессов с помощью формируемого глобального управления на путь «устойчивой» эволюции заключается в ограничении и уменьшении, а в отдельных случаях даже элиминации, негативных эффектов модели неустойчивого развития во имя выживания цивилизации и сохранения биосферы. Поэтому речь идет уже не просто о стихийном либо частично управляемом сверхдержавой процессе глобализации, а именно о возможном глобально управляемом процессе в мировом сообществе, имеющем единую общую цель перехода к устойчивому будущему. Пока не до конца ясно, может ли в принципе «состояться» эта модель социальной и социоприродной эволюции, поскольку политические декларации и рекомендации ООН существенно опережают научные обоснования и разработанные этой формы развития мирового сообщества.

Только при радикальном повороте глобализации на путь УР появляется возможность управляемой и более справедливой глобализации, которая в перспективе должна будет выражать наиболее гуманистические чаяния, интересы и цели человечества как единого целого, а не интересы какой-то его отдельной неболь-

шой части («золотого миллиарда» или «платинового миллиона»). Как видим, стремление человечества к общепланетарной целостности в ходе глобализации и переход к УР совпадают по своим тенденциям и со временем могут сформировать единый глобальный процесс УР.

Приверженность курсу на устойчивое развитие и на обеспечение построения экономически, социально и экологически устойчивого будущего для нашей планеты и для нынешних и будущих поколений продемонстрировала и недавно состоявшаяся Конференция ООН по УР («Рио+20») в Рио-де-Жанейро, которая приняла решение: к 2015 г. сформулировать цели устойчивого развития. Без формулировки этих конкретных целей УР вряд ли имело смысл говорить о становлении глобального управления, поскольку раньше целей у всего человечества просто не было – оно развивалось стихийно. Такие цели в области глобального развития были сформулированы, например, в Декларации развития тысячелетия (ЦРТ) в основном до 2015 г. [Декларация... 2000]. На форуме «Рио+20» отмечалось, что дальнейшее формулирование целей также может быть полезным для придания деятельности в области устойчивого развития целенаправленного и последовательного характера. Была признана также важность и целесообразность выработки такого комплекса целей в области УР, который имел бы в своей основе положения Повестки дня на XXI в. и Йоханнесбургского плана выполнения решений, полностью соответствовал бы всем Рио-де-Жанейрским принципам и позволял учитывать обстоятельства, возможности и приоритеты разных стран, отвечал бы нормам международного права, опирался на уже принятые обязательства и способствовал полному осуществлению решений всех основных встреч на высшем уровне по экономической, социальной и экологической проблематике, включая положения настоящего итогового документа [Итоговый документ... 2012].

Эти цели должны затрагивать и сбалансированно охватывать как минимум все три основные составляющие (экономическую, социальную и экологическую компоненты, а желательно – гораздо больше направлений) устойчивого развития и взаимосвязи между ними. Они должны быть согласованы с Повесткой дня ООН в области развития на период после 2015 г. и интегрированы в нее. Тем самым они будут способствовать переходу к устойчивому развитию и стимулировать осуществление и повсеместное внедрение принципов УР в рамках системы ООН в целом.

Переход к УР имеет глобальный характер, в перспективе становления будущей устойчивой цивилизации требует необходимости планетарного управления процессом данного перехода. Это означает, что глобализация должна получить свой новый импульс и стратегическую ориентацию от пока виртуальной модели УР, становясь уже не в основном стихийным, а все больше социально проектируемым и управляемым (вначале направляемым) процессом глобального развития единого человечества. При «вписывании» процесса глобализации в стратегию УР необходимо, чтобы все составляющие этой последней стратегии (и прежде всего политическая, экономическая, социальная и экологическая компоненты) «работали» уже в направлении новой цивилизационной парадигмы, все больше вырываясь из модели неустойчивого развития, то есть вместо стихийного процесса становились бы процессом глобально управляемым.

Это также означает, что все основные акторы современного, а тем более будущего процесса глобализации также должны работать на переход к УР. Особенно это относится к транснациональным акторам: международным организациям, глобальным городам, деловым кругам, прежде всего к ТНК и ТНБ, некоторые из них уже приняли соответствующие заявления о приверженности политике и стратегии УР, например в рамках Всемирного совета предпринимателей по устойчивому развитию. Однако наиболее масштабное содействие бизнес-структур глобализации через УР стало развертываться благодаря появлению и реализации Глобального договора ООН в начале третьего тысячелетия.

Важно выявить научные принципы и подходы к управлению глобализацией и другие формы глобального управления через переход к устойчивому развитию, которые в дальнейшем необходимо реализовать в течение ближайших десятилетий. Очевидно, что формирование планетарного уровня управления – беспрецедентный и весьма трудно реализуемый процесс, когда около двух с половиной сотен государств (из которых 193 – члены ООН, и еще Ватикан, а также страны, не признанные большинством членов ООН и с не определенным пока статусом) должны будут подчиняться единым общецивилизационным императивам и социальным технологиям глобального перехода к мировой устойчивости.

Формирование глобального управления потребует кардинальной трансформации нравственных и правовых норм глобализирующегося человечества. Причем эти нормы в существенной степени будут отличаться от нынешнего международного и национального права и традиционных и общепризнанных нравственных норм и императивов, включая ряд общечеловеческих стереотипов. Ожидается, что будущее право УР станет одним из наиболее вероятных вариантов не просто международного, а именно качественно нового – глобального – права при переходе к УР и соответствующему этому переходу глобальному управлению [Урсул 2012б; 2013]. При этом будут параллельно развиваться два взаимосвязанных глобальных процесса: глобализация правовых систем и процессов (внутригосударственных, транснациональных и международных) и их кардинальная эволюционно-содержательная трансформация.

Правовое осмысление УР необязательно должно идти только через экологические принципы и нормы, экологическое право, где впервые появилось и стало упоминаться понятие УР. Можно интерпретировать и развивать концепцию этого типа развития и через нормы и императивы безопасности (национальной и международной), и через другие составляющие, входящие в УР направления эволюции (и обеспечения безопасности), ранее рассматриваемые как относительно автономные формы человеческой деятельности. Новая модель развития цивилизации оказалась, с одной стороны, более перспективной, поскольку именно с ее помощью человечество сможет выжить, но, с другой стороны, созданная пока на теоретическом уровне, эта модель оказывается менее системной и не учитывает еще многие составляющие в плане развития и безопасности, которые характеризуют современную модель развития. Именно эти составляющие сдерживают «устойчивое движение» в правильном, но недостаточно системном направлении. Устойчивому будущему противостоят угрозы со стороны пока не включенных областей деятельности (продолжающихся развиваться в рамках модели НУР), и они существенно тормозят прогресс на пути к УР экологической ориентации.

Нужно также иметь в виду, что «экологическое измерение» движения по пути УР оказывается лишь началом осознания смысла нового пути в глобальное устойчивое будущее. Экологическая проблема в ее глобальном видении оказывается лишь частью того общего процесса, который требует решения всех глобальных проблем и перехода к новому этапу глобального развития – УР. Не следует представлять (и тем самым «зауживать»), что главное в переходе к УР – это решение экологических проблем, ставших теперь уже глобальными. Речь должна идти обо всех глобальных проблемах и негативных общепланетарных процессах, которые должны системно решаться на пути перехода к УР.

В создаваемую теорию перехода к УР может войти и вся антикризисная проблематика: ведь глобализация человеческой деятельности сопряжена в силу сказанного с усилением кризисно-циклических явлений во всех сферах активности людей из-за появления общепланетарных ограничений и пределов. Если взять циклические явления, которые стали изучаться прежде всего в экономике, то вопрос о возможности их устранения или снижения (по крайней мере понижательных фаз) серьезно не ставился. Речь шла в основном о признании их объективности и понимания того, как они развиваются. Между тем в условиях усиления действия глобальных ограничений будут расти и отрицательные последствия кризисно-циклических процессов во всех сферах деятельности человека. Поэтому изучение этих процессов важно связать с проблемой перехода к УР. Ведь если этого не произойдет, то переход к УР не будет осуществляться, и опять придется констатировать, что надежды не только экологов, но и других сторонников такого перехода опять окажутся нереализованными. Поэтому становится понятным, что будущая теория УР должна оказаться гораздо шире, чем это сейчас представляет большинство ученых, занимающихся данной проблематикой [Урсул 2012а].

Сейчас, кроме прочего, в ней отсутствуют информационно-управленческий аспект, проблемы формирования глобального информационного общества и в более далекой перспективе – становления общепланетарного коллективного интеллекта, который может превратиться в ноосферный интеллект, в свете которых также необходимо исследовать переход к УР и последующий за ним ноосферогенез. Взаимосвязь процесса перехода к УР и формирования глобального управления уже достаточно очевидна: продвижение в одном направлении тесно связано с другим направлением глобальных исследований. Эти проблемы целесообразно разрабатывать совместно, в ракурсе устойчивого будущего, которого мы желаем.

Литература

Аннан К. Мы, народы. Роль Организации Объединенных Наций в XXI в. // Безопасность Евразии. 2000. № 1. С. 205–268.

Барлыбаев Х. А. Актуальные проблемы разработки и реализации концепции устойчивого развития // Глобалистика-13. Материалы III Международного научного конгресса; Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 23–25 октября 2013 г.: Тезисы докладов. М. : МАКС Пресс, 2013. С. 55–57.

Богатырев В. В. Глобальные процессы в праве. Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2011.

Вебер А. Б. Современный мир и проблема глобального управления // Век глобализации. 2009. № 1. С. 3–15.

Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М. : Наука, 1991.

Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций. Утверждена резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 года ООН [сайт]: URL: www.un.org/ru. Документ A/RES/55/2 (PDF, 218K).

Дробот Г. А. Проблема глобального управления в контексте теории международных отношений // Век глобализации. 2011. № 2. С. 41–52.

Ильин И. В., Урсул А. Д. Эволюционная глобалистика (концепция эволюции глобальных процессов). М. : Изд-во МГУ, 2009.

Ильин И. В., Урсул А. Д. Глобальные исследования и эволюционный подход. М. : Изд-во МГУ, 2013.

Итоговый документ Конференции ООН по устойчивому развитию «Будущее, которого мы хотим» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/sustainablefuture>.

Йоханнесбургская декларация по устойчивому развитию [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_wssd.shtml.

Кинг А., Шнейдер Б. Первая глобальная революция. М. : Прогресс, 1991.

Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР). М. : Прогресс, 1989.

Марков С. А. Глобализация политических институтов // Глобалистика: Энциклопедия. М. : Радуга, 2003. С. 198–199.

Мартин Г. Т. Всемирное правительство // Глобалистика: Энциклопедия. М. : Радуга, 2003. С. 142–143.

Урсул А. Д. Контуры безопасно-устойчивого развития: размышления после саммита Рио+20 // Безопасность Евразии. 2012а. № 2. С. 99–116.

Урсул А. Д. Глобальное измерение права // *ВВ*: Вопросы права и политики. 2012б. № 05. С. 90–146.

Урсул А. Д. Право устойчивого развития: концептуально-методологические проблемы становления // *ВВ*: Вопросы права и политики. 2013. № 6. С. 63–134.

Чумаков А. Н. Глобальный мир: проблема управления // Век глобализации. 2010. № 1. С. 3–15.

Чумаков А. Н. Проблема управления как повод для дискуссии // Век глобализации. 2012. № 2. С. 35–42.

Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2013.

ДЕМОКРАТИЯ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Кирхшлегер П.

преподаватель, содиректор Центра образования в области прав человека Университета подготовки учителей в Люцерне (Швейцария); приглашенный профессор в Университете Фрибурга; член совета Швейцарского центра по правам человека

Неразрывная связь демократии и прав человека говорит о значении последних как основы и ценностных ориентиров демократии. В связи с этим автор считает необходимым образование в области демократии и в области прав человека, которые помогут преодолеть редуccionистское понимание демократии как признающей только роль большинства. Образование в области прав человека – основной фундамент для реализации прав человека, так как каждому необходимо знать свои права. Образование в области прав человека должно быть обязательным, а не по желанию. Ведь в современном плюралистическом обществе права человека дают нам возможность мирно сосуществовать и уважать человеческое достоинство друг друга, относиться с толерантностью, выходящей за пределы традиций, культур, религий, мировоззрения и мнений, участвовать в процессе выработки мнений и принятия решений, защищать меньшинство от нарушающих их права решений, принятых большинством.

Ключевые слова: демократия, права человека, права меньшинства, реализация прав человека.

The inextricable relationship between democracy and human rights shows that human rights are the basis and valuable reference points of democracy. As a result the author considers that education in democracy and human rights is necessary as it will help overcome the reductionist understanding of democracy as recognizing only the will of the majority. Human rights education is the essential fundament of the implementation of human rights as every human being needs to know about her/his rights. Human rights education is a 'must have' and not a 'nice to have' in today's pluralistic society where human rights enable us to live in peaceful coexistence with respect for the human dignity of each other and with tolerance across the boundaries of traditions, cultures, religions, world views and opinions; where human rights empower the individual to participate in a democratic opinion-building and decision-making-process; where human rights protect minorities from the human rights-violating decisions of a majority.

Keywords: democracy, human rights, minority rights, realization of human rights.

1. Введение

Живя в Швейцарии и будучи гражданином этой страны, я начну свои размышления со следующей конкретной ситуации, сложившейся в Швейцарии, которая послужила отправной точкой для моих критических размышлений. Швейцарские избиратели на референдуме 29 ноября 2009 г. поддержали предложение запретить строительство минаретов. Более 57 % проголосовавших поддержали.

Век глобализации 1/2014 28–42

жали этот запрет. В официальном заявлении правительства говорится: «Федеральный Совет (правительство) уважает это решение. Следовательно, строительство новых минаретов в Швейцарии отныне запрещено¹» [Minaret... 2009]. Таким образом, результатом демократической процедуры волеизъявления и принятия решения – в данном случае о запрете строительства минаретов – явилось нарушение прав человека, а именно: данный запрет нарушает религиозную свободу и является дискриминационным.

Что происходит, когда демократически принятое решение нарушает права человека? Какой должна быть реакция, когда решение большинства дискриминирует меньшинство (например, когда большинство граждан Швейцарии голосуют против строительства минаретов)? Может ли демократия существовать без прав человека? С каждым днем эти вопросы становятся все более важными, поскольку мы живем в неоднородном обществе с разными ценностями и целями. Демографическое развитие современного общества, миграционные процессы, общая перспектива роста мирового населения говорят о том, что гетерогенность будет расти и правильный подход к решению этой проблемы станет ключевым критерием для формирования человеческих качеств и условий жизни последующих поколений. Может ли подобный подход быть результатом демократических процессов? Являются ли права человека минимальным стандартом для мирного сосуществования в обществе? Нуждается ли прямая демократия в формировании юридического института, основанного на правах человека и защищающего меньшинство от диктата большинства? С другой стороны, не ведет ли универсальность прав человека к игнорированию демократически принятых решений и неуважению государственного суверенитета в глобальном мире? В настоящей статье я затрону данные проблемы, а также вопросы, касающиеся взаимодействия прав человека и демократии, исходя из наблюдаемой ситуации, когда в условиях демократии большинство может проголосовать за закон, дискриминирующий меньшинство. Я представлю доказательства того, что идея и сущность демократии включают в себя права человека, поскольку демократия основана на правах человека; также я рассмотрю реальные последствия холистического понимания демократии.

1. Права человека защищают каждого

Права человека защищают основные элементы и сферы человеческого существования, необходимые для выживания. Эти права есть у каждого представителя человеческой расы независимо от цвета кожи, национальной принадлежности, политических и религиозных убеждений, социального положения, пола и возраста. Права человека – это неотъемлемые права каждого человека. Это индивидуальные права, поскольку правообладателями являются люди, а не общности. Права человека – это комплексные права, так как они одновременно являются моральными, периодическими и политическими. В правовом аспекте права человека являются частью законодательства, и индивидуумы обладают данными правами в рамках определенной правовой системы. Они являются «законными правами личности по отношению к государству или государст्वоподобным образованиям и гарантируются международным правом в целях защиты фундаментальных потребностей человека, его чести в мирное и военное время» [Kaelin 2004: 17]. Правовой аспект прав человека можно рассматривать как положительное достижение истории человечества, поскольку в 1948 г. международное сообщество пришло к согласию, от-

¹ http://www.swissinfo.ch/eng/Specials/Islam_and_Switzerland/Minaret_vote/Minaret_ban_approved_by_57_per_cent_of_voters.html?cid=7793916.

раженному во Всеобщей декларации прав человека, а в последующие годы была разработана и ратифицирована система прав человека. Можно проследить развитие идеи прав человека от философских построений (например, в эпоху Просвещения) к их реализации на государственном уровне (например, в Декларации независимости 1776 г., Декларации прав человека и гражданина 1789 г.). Несмотря на очевидные ограничения (только для белых людей определенного социально-экономического класса, исключая других людей, мужчин и женщин, и все еще не преодолев теорию и практику рабства), это было начало всеобщего применения прав человека (Всеобщая декларация прав человека 1948 г., система договоров ООН в области прав человека, региональные правозащитные механизмы) [Vobbio 1998]. Можно говорить о прогрессе на протяжении истории в правовом аспекте реализации прав человека. В настоящее время последние юридически определены, имеют законодательную базу и законную силу. Такие органы, как Совет по правам человека ООН в Женеве, система договорных органов ООН по правам человека, являются элементами реализации прав человека и могут способствовать их соблюдению. Они демонстрируют, что во всех частях света права человека являются узаконенной реальностью, а не иллюзией. Правовые механизмы, инструменты и институты по защите прав человека дают представление о защите человеческого достоинства, воплощенного в правах человека.

Права человека приобретают вес и власть, когда становятся частью конкретной правовой системы [см.: Lohmann 2002], например национальной правовой системы в рамках демократического процесса, поскольку в этом случае они имеют юридическую силу и узаконены демократическим путем.

В то же время очевидно, что реализация прав человека повсеместно сталкивается с трудностями. Одна из главных трудностей заключается в процессе включения последних в национальные правовые системы, поскольку здесь существует риск конкретизации. Посредством демократических процедур права человека интегрируются в национальную правовую систему и становятся частью основных конституционных прав. В рамках национальной правовой системы субъекты права признают друг друга в качестве носителей этих прав в контексте внутренней логики правовой системы. В то же время, таким образом, подрывается универсальность прав человека, поскольку в этом случае права человека существуют только в пределах определенной правовой системы конкретного правового общества. Люди, которые не являются гражданами этого правового общества, остаются бесправными. Вследствие конкретизации прав человека как элемента национальной правовой системы существует риск уменьшения их универсальности. Модели, объясняющие нравственный аспект прав человека, могут, как уже упоминалось выше, включать главный аспект прав человека, заключающийся в том, что каждый человек в любом случае обладает правами, даже если он живет в таком месте, где не может пользоваться преимуществами правовой системы.

Что касается практической деятельности, необходимо усиление международного права и глобальной институционализации в плане реализации и защиты прав человека параллельно с интеграцией прав человека в национальные правовые системы.

Рассмотренный выше правовой аспект прав человека является проявлением их политического аспекта [см.: Kirchsclaeger 2013b: 255–260] и включает политические обсуждения, политическую борьбу, процессы выработки политического мнения и достижения консенсуса, а также политические решения, ведущие к нормативному обоснованию прав человека. Политический аспект прав человека

охватывает права человека как содержательные и политические аргументы в общественно-политических дискуссиях. Даже если они не приводят к юридическим последствиям, они могут иметь политическое значение.

В то же время процедуры выработки политического мнения и принятия политических решений могут содействовать защите прав человека, поскольку их цель – гарантировать каждому человеку реализацию его прав. Данные процессы могут протекать под влиянием политических обязательств по принятию адекватных политических мер и решений для дальнейшей реализации прав человека.

Помимо этого политический аспект прав человека включает политическую инструментализацию, а также случаи нарушения прав человека в политических целях. Самый худший вариант здесь – когда эти цели сами по себе являются нарушением прав человека.

С процессуальной точки зрения права человека служат основой для выработки политических мнений и принятия решений, позволяющих каждому человеку участвовать в политическом процессе. Ниже я приведу доказательства того, что права человека защищают демократические процессы.

Наконец, политический дискурс и политические решения могут ориентироваться на структуру (систему) взглядов на права человека.

Выше я уже говорил о том, что политический процесс, ведущий от идеи и понятия прав человека к их реализации, – это одна из сторон политического аспекта прав человека. Этот факт делает очевидным исторический аспект прав человека. Развитие прав человека происходило на протяжении всей истории человечества. Если рассмотреть более подробно эту сторону политического аспекта прав человека, то можно увидеть, что, как правило, опыт несправедливости наводит на мысли, что человечество должно остановить эту несправедливость, избавиться от нее и стараться избегать ее в будущем. Например, принятие Всеобщей декларации прав человека (1948 г.) можно понимать как реакцию на нарушение основных элементов и сфер человеческого существования и попытку отрицания человеческого достоинства во времена Холокоста. Йоханнес Морсинк утверждает: «Большинство статей и прав в Декларации были приняты как прямая и незамедлительная реакция на ужасы Холокоста» [Morsink 2010: 27]. Исторический аспект не исключает динамического понимания прав человека и в случае необходимости остается открытым для дальнейшего развития. И наоборот, если всерьез принимать историчность прав человека, это открывает глаза на подобные случаи несправедливости и призывает поддержать реакцию на несправедливость, требовать соблюдения прав человека. «Нарушения прав человека, по мнению составителей Декларации 1948 г., происходили во времена Холокоста, тогда как в настоящее время мы можем говорить не только о жестокости нацистов, но и о жестокости в Боснии, Камбодже, Руанде, Дарфуре и в других странах» [*Ibid.*: 36]. Также исторический аспект вовсе не означает конца универсальности прав человека из-за их исторической обусловленности, поскольку историческая локализация и объяснение происхождения прав человека указывают на историческую несправедливость в типичных примерах без возможности морального обоснования прав человека. Анализ исторического развития прав человека придает дополнительную ценность дискурсу в этой области, так как он приводит доказательства и освещает процессы с исторической точки зрения, что дает ценные систематические знания. В то время как исторический аспект прав человека отвечает на вопрос «как?», «каким образом?» применительно к истории появления прав человека, вопрос «почему у каждого человека есть права человека?» остается открытым.

Вопрос «почему?» относится уже к нравственному аспекту прав человека. Рассуждение о том, почему эти права присущи каждому человеку, представляется важным, поскольку права человека не «упали с небес». Права человека не являются абсолютной истиной. Необходимость их обоснования также вызвана связью между правами человека и соответствующими обязанностями: каждый человек не только обладает правами, но и должен уважать права других. Для того чтобы согласовываться с представлениями о собственно правах человека, их существование зависит исключительно от возможности их обоснования [Alexy 1998]. Права человека необходимо обосновывать для каждого.

Помимо «внутренней необходимости» существует еще и «внешняя необходимость»: размышления по поводу обоснования прав человека вызваны также различными формами релятивизма, с которыми в настоящее время сталкиваются права человека. В философской дискуссии Георга Лохманна (2008) права человека и основное положение об их универсальности подвергаются сомнению в трех направлениях: 1) в культурно-релятивистском аспекте; 2) в особом культурно-релятивистском аспекте, который усматривает в специфическом и частичном акцентировании индивидуальных прав и свобод противоречие утверждению об универсальности прав человека; 3) в критическом релятивизме, основанном на скептицизме, связанном с ограниченными возможностями реализации прав человека и различиями в реализации между тремя категориями прав человека. Эта культурно-релятивистская критика прав человека и соответствующие теоретические подходы и воздействие, а также альтернативы к этим подходам должны обязательно обсуждаться в целях формирования культуры прав человека.

Один из возможных подходов к обоснованию прав человека основан на принципе уязвимости, который более детально разработан мною применительно к другим явлениям [Kirchschlaeger 2013a] и который я кратко опишу здесь, поскольку он будет полезным для решения основной задачи данной работы. Принцип уязвимости заключается в том, что любой человек может подвергнуться нападению или ему может быть нанесен моральный или физический вред, сюда же добавляется неспособность избавиться от подобной уязвимости. Человек воспринимает всех остальных людей и окружающий мир как возможный источник своей уязвимости. Человек зависит от себя, от других людей, окружения, так как каждый может воспользоваться его уязвимостью или защитить от нее. Осознание собственной уязвимости, которое основано на самоанализе и не зависит от эмпирической правильности этого самовосприятия, приводит к неопределенности, что может также означать «потерю возможности жить лучше, потерю способности жить хорошо и что еще хуже – потерю самой жизни» [Hoffmaster 2006: 42]. Осознавая это, люди готовы создавать социальные институты для защиты от своей уязвимости. Они пришли к единому мнению, что защитить себя и всех людей от возможных последствий уязвимости в отношении основных элементов и сфер человеческого существования можно посредством прав человека. Последние представляют собой тот фильтр, который помогает отличить уязвимости, имеющие отношение к защите прав человека как самой лучшей из возможных защит, доступные для человеческого сообщества, и те, которые не являются таковыми. Наконец, я хотел бы указать, что права человека обосновываются не уязвимостью как таковой – это было бы естественным заблуждением, – а реакцией на восприятие принципа уязвимости самими людьми.

В нравственном аспекте права человека являются универсальными (каждый является правообладателем); безусловными (каждый имеет эти права, невозмож-

но отобрать их у человека); эгалитарными (каждый имеет одинаковые права); индивидуальными (права человека принадлежат каждому индивидууму и защищают от нарушений их обществом, одновременно признается важная роль общества для индивидуума); фундаментальными (права человека защищают основные и существенные элементы человеческого существования) и неделимыми (необходимо уважать все права человека, они являются взаимодополняющими), и они узаконивают требования с соответствующими позитивными и негативными обязанностями [см.: Kirchsclaeger 2007].

С одной стороны, в своем нравственном аспекте права человека кажутся малоэффективными, поскольку не имеют юридической силы, хотя и называются правами, а последствия их нарушений – всего лишь моральные санкции (такие как публичный позор), а не правовые. С другой стороны, права человека в их юридическом аспекте зависят от нравственного аспекта, поскольку их юридическое обоснование главным образом ограничивается рамками национальной правовой системы, которая может быть компенсирована нравственным аспектом прав человека.

И наоборот, права человека в правовом аспекте не могут обосновать права человека в их нравственном аспекте из-за ограниченной законности первого. Следовательно, правовой аспект прав человека должен найти свое обоснование в их нравственном аспекте. В итоге обоснование прав человека может быть реализовано законным путем только в нравственном аспекте, который зависит от морального обоснования (оправдания).

Значимость нравственного аспекта прав человека основывается на этой необходимости, поскольку права человека могут быть реализованы без ограничений, только когда их обоснование не зависит от правовых и политических решений государственных субъектов. Обоснование должно быть нравственным, так как оно должно быть убедительным для каждого, то есть это должно быть универсальное нравственное обоснование, которое узаконивает представление о том, что все люди равны и обладают правами человека. К тому же нравственный аспект прав человека способствует осознанию постоянного вызова правовой и политической реальности, которая совершенно не признает и не уважает права человека. Это осознание включает соответствующие моральные обязательства и ответственность каждого в реализации прав человека для индивидуумов в его сфере влияния. Эта теория ведет к практике.

Практическая реализация прав человека нуждается в теоретической основе. Права человека являются социальной концепцией, основанной на теории. Под практикой применения прав человека в основном понимают действия по защите прав человека [...]. Учитывающие права человека социальные действия и поведение, благодаря которым мы содействуем защите, протестуем против нарушения и предпринимаяем какие-то действия или создаем институты, которые реализовывают и защищают права человека, по-прежнему регулируются теоретическими принципами. На самом деле теория не должна становиться самоцелью. Тем не менее практика, отвергающая теорию, становится слепой и может привести к ошибке или заблуждению [Lohmann 2004: 307].

Итак, ниже приведены пять замечаний, демонстрирующих необходимость понимания прав человека не только в правовом, политическом и историческом аспектах, но и в нравственном. Данные размышления показывают, что полная реализация прав человека невозможна по крайней мере без учета их нравственного аспекта.

– В государстве, в котором невозможно требовать осуществления прав человека законным образом, каждый человек все равно обладает этими правами независимо от официальной позиции государства. Необходимо понимать права человека как права предгосударственные (то есть как еще не ставшие узаконенным позитивным правом и существующие, соответственно, в моральной сфере). Приставка «пред-» означает в данном случае законность прав человека, а не аспект возникновения, следовательно, они не зависят от государства [Sandkuehler 2010]. Если не осознавать права человека через их нравственный аспект, включающий предгосударственное происхождение, то тогда о них вообще не может быть и речи или можно говорить лишь о некоторых правах.

– Даже когда теоретические и реальные препятствия блокируют или затрудняют реализацию прав человека или когда политическая воля покровительствует нарушениям прав человека, любой человек все равно обладает правами, исходя из их нравственного аспекта.

– Если решения большинства ущемляют права меньшинства, каждый человек все равно обладает правами человека, и это означает защиту меньшинства и его членов в основных элементах и сферах человеческого существования.

– Даже когда определенные направления в традициях, культурах, религиях и мировоззрении интерпретируют права человека таким образом, что некоторые люди оказываются бесправными или ограниченными в своих правах (например, в случае с равенством между мужчинами и женщинами, отношением индивидуальных и коллективных прав), каждый человек обладает всей совокупностью прав человека (на основании вышесказанного принципа неделимости), причем в равной степени и без всяких различий.

– Если рассматривать права человека только в горизонтальном срезе, то есть с точки зрения негативных последствий их нарушения негосударственными структурами, а также ответственности негосударственных акторов, признание каждого человека правообладателем в нравственном аспекте гарантирует, что права человека применимы в горизонтальных (между индивидами) и вертикальных (между человеком и государством) отношениях с критическим потенциалом.

2. Универсальность прав человека

Универсальность прав человека [см.: Kirchsclaeger 2011] показывает значимость нравственного аспекта прав человека как основы для приведенных выше пяти замечаний. Ранее я уже говорил об универсальности как об одной из основных характеристик прав человека. По определению права человека принадлежат каждому человеку, и, следовательно, они универсальны. Все люди обладают правами, независимо от того, чем они занимаются, какое у них происхождение или гражданство и где они проживают...

Универсальность прав человека постоянно сталкивается с частными интересами, например государств, которые заявляют о приоритете суверенитета и сомнительных демократических решений над принципом универсальности прав человека; с интересами частного сектора, претендующего на саморегулирование, которое используется для выделения своей сферы влияния в определенных пределах. Подобные проблемы являются частью политического и правового аспектов прав человека, а также вытекают из их нравственного аспекта. Необходимо отметить положительные тенденции в признании прав человека со стороны государства, рост международной институционализации защиты прав человека и формирование механизмов для мониторинга реализации прав человека со стороны госу-

дарства в контексте их универсальности, а также некоторые небольшие шаги делового сообщества. В то же время необходимо признать, что реализация прав человека происходит все еще не в полной мере, и огромное количество людей до сих пор страдают от нарушения своих прав. Универсальность пока не является реальностью.

Более того, культурное многообразие можно рассматривать как препятствие универсальности прав человека в нравственном аспекте. Несмотря на различные философские, религиозные и традиционные источники и тексты, передающие элементы понятия о правах человека, несмотря на широкое включение международного сообщества в процесс разработки Всеобщей декларации прав человека и подтверждение законности универсальности прав человека на Всемирной конференции по правам человека в Вене в 1993 г., из-за своего якобы западного происхождения универсальность подвергается широкой критике, например в так называемых дебатах об «азиатских ценностях» [см.: Senghaas 1995; Asiatische... 2001; Burke 1987].

Тот факт, что культурное разнообразие ставит под сомнение универсальность прав человека, еще более удивителен, так как, во-первых, права человека защищают свободу вероисповедания каждого человека и право на участие в культурной жизни общества (ст. 18 и 27 Всеобщей декларации прав человека 1948 г.) и, следовательно, способствуют увеличению культурного разнообразия. Во-вторых, права человека как индивидуальные права главным образом защищают членов меньшинств от нарушений и несправедливости со стороны большинства, например в праве на равенство и недискриминацию... Симон Цурбухен считает: «Хотя я не отрицаю, что права человека устанавливают моральные границы, необходимо признать, что эти права дают возможность членам религиозных сообществ и других культурных групп поддерживать свою самобытность» (Zurbuchen 2009: 285). Часто различные сообщества рискуют подвергнуться дискриминации из-за своей религии, культуры, традиции или мировоззрения, а права человека защищают их от этого; таким образом, они косвенно выигрывают от универсальности прав человека, поскольку однажды могут оказаться в положении меньшинства. Меньшинства также косвенным образом выигрывают от права человека на свободу вероисповедания. Это право позволяет углубить аутентичную практику индивидуума, а благодаря этому также делает возможным мирное сосуществование религий, культур, традиций, мировоззрений и диалог между ними. Защита культурного разнообразия является достижением человечества. Следовательно, со стороны религии, культуры, мировоззрения можно взамен ожидать уважения к правам человека как основе защиты идей, традиций и убеждений [см.: Hoeffe 1999]. Реализация прав человека нуждается в поддержке и определенном вкладе со стороны представителей религиозной, культурной, традиционной и мировоззренческой общественности [Kirchschlaeger 2013a].

Здесь необходимо подчеркнуть, что религии, культуры, традиции и мировоззрения следует понимать не как неизменные абсолютные объекты, а как открытые для изменений. Права человека не заканчиваются там, где начинаются религии, культуры, традиции, мировоззрения и вероисповедания, но влияют на них на теоретическом уровне. На практическом уровне культурное посредничество и адаптация прав человека к определенному религиозному, культурному и традиционному контексту необходимы для формирования уважения к культурному разнообразию, находящемуся под защитой прав человека.

Что касается диалога о различиях между религиями, культурами, традициями и мировоззрениями, признание этих отличий ведет к лучшему пониманию и под-

держке прав человека на практическом уровне. Этот межкультурный и межрелигиозный диалог только выиграл бы от существования системы принципов ведения подобного диалога в целях исключения возможной дискриминации и произвола. Права человека могли бы стать такой системой взглядов.

Конечно, права человека являются индивидуальными и отражают точку зрения индивида, а не общества: права человека не защищают традиции, культуры, религии и пр. как таковые, а защищают *свободу* человека делиться своими убеждениями, мыслями и взглядом на общество, быть частью общества и жить по-своему. Это отличие подвергается критике как индивидуалистическая тенденция прав человека, при этом упускается из виду ст. 29, которая помещает человека внутрь сообщества и подчеркивает важную роль сообщества в развитии человека и его ответственности перед обществом.

3. Право принимать участие как право человека

Обсуждая отношения между демократией и правами человека, в первую очередь важно подчеркнуть, что демократия основана на праве человека участвовать в процессе принятия политических решений (ст. 21 Всеобщей декларации прав человека 1948 г.), что является принципом демократии:

1. Каждый имеет право участвовать в управлении своей страной непосредственно или с помощью свободно избранных представителей.
2. Каждый человек имеет право на равный доступ к государственной службе в своей стране.
3. Воля народа должна быть основой власти правительства; эта воля должна выражаться в периодических и нефальсифицированных выборах, которые должны проводиться при всеобщем и равном избирательном праве путем тайного голосования или же посредством других равнозначных форм, обеспечивающих свободу голосования.

У нас есть право на демократию. Права человека и демократия неразрывно связаны между собой, поскольку демократия – это политическая система, которая реализует независимость человека, что присуще идее и концепции прав человека.

4. Возможности и трудности демократического обоснования прав человека

Один из путей законного признания прав человека – сделать это в правовом или политическом поле в рамках демократического процесса. Юрген Хабермас (Habermas 1994) и другие авторы связывают права человека с национальной правовой системой, в рамках которой они демократическим путем становятся частью основных конституционных прав. В рамках внутренней логики правовой системы субъекты права признают друг друга как обладателей этих прав. На первый взгляд легитимация прав человека путем процесса, в котором каждый имеет право участвовать, кажется убедительной. Но этот подход подрывает универсальность прав человека, поскольку получается, что они могут существовать только в рамках определенной правовой системы конкретного правового общества. Люди, не являющиеся гражданами этого правового общества, остаются бесправными. И это противоречит универсальности прав человека. Права человека открывают новые горизонты и в то же время действуют локально. В 1958 г. Э. Рузвельт по случаю десятой годовщины провозглашения Всеобщей декларации прав человека 1948 г. сказала: «Где же все-таки начинаются права человека? В небольших

селениях, настолько близких и малых, что их невозможно разглядеть на карте мира, близко к дому. И все же – это мир отдельного человека, окружение, в котором он живет; школа или колледж, которые он посещает; завод, ферма или контора, где он работает. Это там, где каждый мужчина, каждая женщина или ребенок ищет справедливость, равные возможности, равное достоинство без дискриминации. И пока эти права не имеют смысла здесь, они нигде не будут иметь смысла. Без совместных усилий граждан добиться этого рядом с домом тщетны наши надежды на то, что эти права будут находиться под защитой по всему миру».

Осознание нарушений прав человека в собственном окружении ведет к признанию чьей-либо ответственности за общее дело по защите прав человека и осознанию самого себя как гражданина мира, ответственного за реализацию прав человека.

5. Права человека – основа и система координат для демократии

Так как демократический принцип является частью прав человека, демократия фактически построена на основе прав человека. Демократию также можно рассматривать как институциональное выражение признания независимости человека, предоставляющее возможность участвовать в процессе обмена мнениями и принятия решений в правовой системе, в рамках которой проживает человек как гражданин.

Сегодня одной из проблем современного демократического общества является то, что в правовом обществе не все правообладатели могут участвовать в процессе принятия демократических решений, например люди, живущие в определенном правовом обществе без гражданства данного государства. Изменения в доступе к голосованию на уровне сообщества могут стать первыми маленькими шагами к решению данной проблемы.

Вторая проблема состоит в следующем: большинство может нарушать права меньшинства. Чтобы привести примеры для этого теоретического наблюдения, не нужно заглядывать в далекое прошлое. Боюсь, что случай с запрещением строительства минаретов в Швейцарии является ярким примером. Демократическим путем большинство проголосовало в пользу закона, дискриминирующего меньшинство в рамках национальной правовой системы, в данном случае было запрещено строить минареты. (До этого все религиозные общины, включая мусульманские, должны были учитывать строительный кодекс Швейцарии при планировании и возведении зданий.) Более того, этот запрет нарушает свободу вероисповедания данного меньшинства. Этот пример демонстрирует, что редуccionистское понимание демократии может привести к нарушениям прав человека в рамках так называемых демократических процессов. Почему «редуccionистское»? Идея и понятие демократии включают в себя права человека, так как демократия построена на данных ценностях, в первую очередь на демократическом принципе как элементе прав человека. Следовательно, уважение прав человека – это часть демократической системы. Таким образом, демократия должна интегрировать механизмы, гарантирующие, что права человека учитываются в плане доступа к процессу выработки и принятия демократических решений, так как возможность демократического решения, нарушающего права человека, исключена с самого начала. Права человека являются предметным полем демократии. Известны различные формы, гарантирующие уважение в рамках демократической системы, например Конституция, Верховный Суд и т. п., и для того чтобы способствовать реализации прав человека, необходимо, чтобы эти формы были установлены там, где они еще не существуют.

Что может произойти в Швейцарии? Так как Швейцария ратифицировала Европейскую конвенцию по правам человека посредством демократических процедур, то когда будет отвергнута первая просьба о строительстве минарета в Швейцарии на основании нового закона, это решение будет оспорено в Европейском суде по правам человека, и последует решение суда, которое Швейцария будет обязана уважать. Следовательно, в конце концов действие данного закона, нарушающего права человека, станет невозможным.

После этого голосования начались публичные обсуждения новых способов работы с инициативами, не уважающими права человека, с целью предотвращения повторения подобных ситуаций. Я расцениваю это как положительную тенденцию.

В то же время меня беспокоит негативное влияние, которое весь этот процесс будет оказывать на участников политических процессов.

Меня беспокоят попытки политических сил в Швейцарии создать мнимый конфликт между демократией и правами человека, описывая последние как «внешнюю силу», нарушающую государственную независимость и волю людей, и нанести удар по правам человека и репутации институтов, осуществляющих реализацию прав человека, например ООН, Европейского суда по правам человека...

Меня также беспокоит тот факт, что таким образом закладывается основа для высмеивания критики, исходящей от организаций по защите прав человека по отношению к нарушениям прав человека в Швейцарии.

Хотя данные опасения вызваны конкретным примером в Швейцарии, это не означает, что проблема актуальна только для этой страны. Данный пример помогает показать некоторые общие проблемы, связанные с взаимоотношениями между демократией и правами человека, которые существуют и могут существовать в любом уголке мира.

6. Автоматически демократические? Как просвещение в области прав человека содействует демократии

Образование в области прав человека могло бы справиться с этими проблемами и с наивным утверждением о том, что каждый человек рождается с демократическими правами и способен участвовать в процессе построения демократических мнений и демократических решений. Томас Хаммарберг подчеркивает: «Просвещая граждан в области прав человека, мы создаем информированное общество, которое, в свою очередь, усиливает демократию» [Hammarberg 2008]. На экспертном семинаре в процессе подготовки Декларации Организации Объединенных Наций по образованию и подготовке в области прав человека в Марракеше в 2009 г.² Наванетхем Пиллэй, Верховный комиссар ООН по правам человека, поделилась своими ожиданиями относительно обучения правам человека: «Образование в области прав человека необходимо для защиты от нарушений прав человека, поддержки отсутствия дискриминации, равенства и устойчивого развития, а также расширенного участия людей в принятии демократических решений». Образование в области прав человека способствует функционированию демократии.

Основная роль обучения правам человека состоит в том, чтобы расширить возможности людей в области защиты своих прав и прав других людей. «Эти

² Автор выступал в качестве эксперта-консультанта во время разработки Декларации ООН по образованию и подготовке в области прав человека.

возможности для реализации прав являются важными инвестициями в будущее, направленными на создание справедливого общества, в котором все права человека ценятся и уважаются» [DeMello 2004: 3]. Понятие «расширение возможностей» означает способность определять свое настоящее и будущее с уверенностью и осознанием своих собственных прав, активно участвовать в процессе принятия политических решений.

Декларация ООН по образованию и подготовке в области прав человека (ст. 2/2) дает следующее определение.

Образование и подготовка в области прав человека охватывают все виды воспитательной, профессионально-образовательной, информационной, просветительской и учебной деятельности, направленной на поощрение всеобщего уважения и соблюдения всех прав человека и основных свобод и, следовательно, способствующей, среди прочего, предотвращению нарушений прав человека и злоупотреблений ими благодаря формированию у индивидуумов соответствующих знаний, умений, представлений и посредством развития их способностей и поведения с целью обеспечения для них возможности вносить свой вклад в создание и поощрение универсальной культуры прав человека. Сюда относятся:

а) образование в области прав человека, которое включает в себя обеспечение знания и понимания норм и принципов прав человека, лежащих в их основе ценностей и механизмов их защиты;

б) образование через права человека, включающее в себя изучение и преподавание такими методами, при которых уважаются права как преподавателей, так и обучаемых;

в) образование во имя прав человека, которое включает в себя наделение индивидуумов возможностями пользоваться своими правами и осуществлять их, а также уважать и поддерживать права других.

Я предлагаю такое определение образования в области прав человека [Kirchschlaeger P. G., Kirchschlaeger T. 2009], которое включает вопросы «когда?» (длительность образовательного процесса), «зачем?» и «как?». Что касается «когда?», я считаю, образование в области прав человека – это процесс, который продолжается всю жизнь, он никогда не может быть полностью завершен. Это отражается на понимании прав человека, реализация которых является непрерывной задачей и которые по своей сути очень динамичны, так как можно исследовать и развивать новые элементы и сферы защиты прав человека. Образование в области прав человека – это не только предмет, который можно преподавать, изучать и за которым последует другой предмет. Его следует понимать как аспект, сопровождающий процесс образования за пределами отдельных предметов. Образование в области прав человека будет играть роль лейтмотива в преподавании любого предмета.

Что касается вопроса «зачем?», я понимаю образование в области прав человека как обучение *в соответствии с* правами человека, основанное на философии и направленное на понимание идеи, понятия, а самое главное – глубокое изучение обоснования прав человека, уважающих свободу каждого индивидуума и связанных с идеей прав человека, признающих культурное разнообразие, многообразие религий, мировоззрений и т. д., и подчеркивающих критическую зрелость каждого индивидуума, поддерживаемого полезными рамками ключевого вопроса – прав человека.

Что касается вопроса «каким образом?» применительно к образованию в области прав человека, то он означает, что методы, инструменты, контекст (который

может быть формальным, неформальным и неофициальным) и процесс образования в области прав человека также должны согласовываться с правами человека, например, они должны убеждать режимом совместной работы.

В этом определении образования в области прав человека как «формального, неформального, неофициального образования на протяжении жизни *в соответствии с, как часть, на тему, посредством и во имя прав человека*», отдельные элементы взаимосвязаны и дополняют друг друга. Например, «образование *в соответствии с правами человека*» является основным для «образования *прав человека*», поскольку теория прав человека в целом, соответствующая их практике, есть необходимое основание для образования и практики в данной области.

Образование в области прав человека существенно расширяет горизонты, как отмечает Айрин Кан: «Если обучение правам и обязанностям гражданина дает возможность людям стать активными гражданами своей страны, то обучение правам человека дает им возможность справиться с вызовами глобального гражданства через обучение глобальным ценностям. Здесь вопрос не только в умениях и приобретенной компетенции, образование в области прав человека учит действовать, и это дает возможность защищать свои права и права других» [Khan 2006: 38]. Образование в области прав человека, основанное на их универсальности, использует всеобъемлющий подход.

Права человека могут быть реализованы только в том случае, если каждый человек будет знать о своих правах, осознавать себя в качестве правообладателя и будет способен определить соответствующее ответственное лицо. Только так люди смогут отстаивать свои права и права других людей в знак солидарности [Lohrenscheit 2006]. Знание прав человека является основой для защиты себя, своих прав и прав других людей. Знание своих прав и прав других, а также соответствующих обязанностей обуславливает факт существования прав человека [Tibbitts, Kirchsclaeger 2010] – в том числе право на участие...

7. Заключение

В заключение хочу подчеркнуть, что демократия и права человека неразрывно связаны друг с другом. Это означает, что каждый человек имеет право на демократию. Могут ли права человека реализовываться в политической и правовой системе, которая не является демократической? Нет, они не могут быть полностью реализованы, если политическая и правовая система не является демократической, так как участие каждого человека в процессе выработки и принятия решения обеспечивается правами человека.

Неразрывная связь подразумевает также, что права человека могут быть признаны законными в результате демократических процедур, но вне рамок национальных правовых систем находится моральное обоснование, необходимое для того, чтобы убедить, что каждый человек даже вне этих границ обладает правами человека.

Неразрывная связь демократии и прав человека говорит о значении последних как основы и ценностных ориентиров демократии. Процессы демократической выработки мнений и принятия решений должны учитывать права человека, что выражается в предоставлении прав, их реализации, а также последствиях.

Эти сложные отношения между демократией и правами человека показывают необходимость образования в области демократии, которое преодолевает редуционистское понимание демократии как признающей только роль большинства, а также необходимость образования в области прав человека. Образование в об-

ласти прав человека – основной фундамент для реализации прав человека, так как каждому человеку необходимо знать свои права. Образование в области прав человека должно быть обязательным, а не по желанию. Ведь в современном плюралистическом обществе права человека дают нам возможность мирно сосуществовать и уважать человеческое достоинство друг друга, относиться с толерантностью, выходящей за пределы традиций, культур, религий, мировоззрения и мнений, участвовать в процессе выработки мнений и принятия решений, защищать меньшинство от нарушающих их права решений, принятых большинством.

Перевод с английского Е. С. Столяровой

Литература

Alexy R. Die Institutionalisierung der Menschenrechte im demokratischen Verfassungsstaat // Philosophie der Menschenrechte / Ed. by S. Gosepath, G. Lohmann. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1998.

Asiatische Werte. Eine Debatte und ihr Kontext / Ed. by K. F. Geiger, M. Kieserling. Münster : Westfälisches Dampfboot, 2001.

Bobbio N. Das Zeitalter der Menschenrechte, Ist Toleranz durchsetzbar? Berlin : Wagenbach, 1998.

Burke E. Reflections on the Revolution in France. Indianapolis : Hackett, 1987.

De Mello Vieira S. Foreword // UN, ABC Teaching Human Rights. New York : OHCHR, 2004.

Habermas J. Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats. 2nd ed. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1994.

Hammarberg T. 2008. Viewpoint 06/10/2008. Strasbourg [Электронный ресурс]. URL: http://www.coe.int/t/commissioner/Viewpoints/081006_en.asp.

Hoffmaster B. C. What Does Vulnerability Mean? // Hastings Center Report. 2006. Vol. 36, Num. 2, March-April. Pp. 38–45.

Hoeffe O. Transzendentaler Tausch, Eine Legitimationsfigur für Menschenrechte // Eds. S. Gosepath, G. Lohmann, Philosophie der Menschenrechte. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1999. Pp. 29–47.

Kaelin W. What are Human Rights? // The Face of Human Rights. Baden / Ed. by W. Kaelin, L. Mueller, J. Wytenbach : Lars Mueller Publishers, 2004. Pp. 14–37.

Khan I. Education as a Foundation for Human Rights Practice // Menschenrechte und Bildung, Internationales Menschenrechtsforum Luzern (IHRF) / Ed. by P. G. Kirchsclaeger, T. Kirchsclaeger, A. Belliger, D. Krieger. Vol. III. Bern : Staempfli, 2006. Pp. 35–41.

Kirchsclaeger P. G. Wie können Menschenrechte begründet werden? Ein für religiöse und säkulare Menschenrechtskonzeption anschlussfähiger Ansatz. Münster : LIT Verlag, 2013a.

Kirchsclaeger P. G. Menschenrechte und Politik // Geschichten – Erscheinungsformen – Neuere Entwicklungen / Ed. by H. Yousefi. Heidelberg : Springer, 2013b. Pp. 255–260.

Kirchsclaeger P. G. Das ethische Charakteristikum der Universalisierung im Zusammenhang des Universalitätsanspruchs der Menschenrechte // Gleichheit und Universalität. ARSP-Beihefte / Ed. by S. Ast, K. Mathis, J. Hänni, B. Zabel. Vol. 128. Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 2011. Pp. 301–312.

Kirchschlaeger P. G., Kirchschlaeger T. Answering the “What”, the “When”, the “Why” and the “How”: Philosophy-Based and Law-Based Human Rights Education // *Journal of Human Rights Education*. 2009. Vol. 1. Pp. 26–36.

Kirchschlaeger P. G. Brauchen Menschenrechte eine (moralische) Begründung? // *Menschenrechte und Kinder*, Internationales Menschenrechtsforum Luzern (IHRF) / Ed. by P. G. Kirchschlaeger, T. Kirchschlaeger, A. Belliger, D. Krieger. Vol. IV. Bern : Staempfli, 2007. Pp. 55–63.

Lohmann G. Menschenrechte und “globales Recht” // *Weltrepublik, Globalisierung und Demokratie* / Eds. S. Gosepath, J. Merle, J. München : C. H. Beck, 2002. Pp. 52–62.

Lohmann G. Menschenrechte in Theorie und Praxis // *Menschenrechte und Terrorismus*, Internationales Menschenrechtsforum Luzern (IHRF) / Ed. by P. G. Kirchschlaeger, T. Kirchschlaeger, A. Belliger, D. Krieger. Vol. 1. Bern : Staempfli, 2004. Pp. 37–42.

Lohmann G. Zu einer relationalen Begründung der Universalisierung der Menschenrechte // *Gelten Menschenrechte universal?: Begründungen und Infragestellungen* / G. Nooke, G. Lohmann, G. Wahlers (Hrsg.). Herder : Freiburg im Breisgau, 2008.

Lohrenscheit C. A Human Rights Based Approach to Education / *Menschenrechte und Bildung* / Ed. by P. G. Kirchschlaeger, T. Kirchschlaeger. Bern : Staempfli, 2006. Pp. 141–150.

Minaret Ban Approved by 57 Per cent of Voters. *Swissinfo.ch* [сайт]. 2009. 29 November [Электронный ресурс]. URL: http://www.swissinfo.ch/eng/Specials/Islam_and_Switzerland/Minaret_vote/Minaret_ban_approved_by_57_per_cent_of_voters.html?cid=7793916.

Morsink J. The Universal Declaration and the Conscience of Humanity // *Human Rights and History: A Challenge for Education* / Ed. by R. Huhle. Berlin : Stiftung EVZ, 2010. Pp. 25–36.

Sandkuehler H. J. Art. Menschenrechte // *Enzyklopädie Philosophie* / Ed. by H. J. Sandkuehler. Hamburg : Felix Meiner Verlag, 2010. P. 1539.

Senghaas D. Über asiatische und andere Werte // *Leviathan*. 1995. Vol. 1. Pp. 5–12.

Tibbitts F., Kirchschlaeger P. G. Perspectives of Research on Human Rights Education // *Journal of Human Rights Education*. 2010. Vol. 2(1). Pp. 8–29.

Zurbuchen S. Universal Human Rights and the Claim to Recognition of Cultural Difference // *Universality: From Theory to Practice. An Intercultural and Interdisciplinary Debate about Facts, Possibilities, Lies and Myths* / Ed. by B. Sitter-Live, T. Hiltbrunner. Fribourg : Academic Press Fribourg, 2009. Pp. 259–290.

ТРЕТЬЯ ПАРАДИГМА И ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ

Еськов В. М.

д. ф.-м. н., д. б. н., профессор, заслуженный деятель науки РФ,
заведующий лабораторией биокибернетики и биофизики сложных
систем Института естественных и технических наук ГБОУ ВПО
«Сургутский государственный университет Ханты-Мансийского
автономного округа – Югры».

E-mail: firing.squad@mail.ru

Джумагалиева Л. Б.

аспирант, ГБОУ ВПО «Сургутский государственный университет
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры».

E-mail: laurad1@yandex.ru

Гудкова С. А.

аспирант, ГБОУ ВПО «Сургутский государственный университет
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры»

Кравченко Е. Н.

аспирант, ГБОУ ВПО «Сургутский государственный университет
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры»

Представлена новая концепция проблемы глобализации, где главным признаком состояния любой социальной системы является ее однородность. При этом в компонентах характеристики однородности социальной системы на первом месте стоит однородность по параметрам интеллекта и знаний, а экономическая, этическая и другие виды однородности не занимают позиции лидерства. Доказывается, что фрактальная закономерность перехода «детерминизм – стохастика – хаос и самоорганизация» не выполнялась в социалистических странах и не выполняется сейчас в США. Более того, технологическое (стохастическое) общество США является стагнированной системой, в которой 20 % населения способно к эволюции, а 80 % является социальным балластом для дальнейшего развития. Представлены возможности теории хаоса-самоорганизации в описании социумов в рамках нового подхода.

Ключевые слова: глобализм, однородность, самоорганизация, хаос, фрактальность, эволюция.

The article presents a novel conception of globalization where the main feature of a social system is homogeneity. Moreover, homogeneous social system is characterized primarily by homogeneous intellectual parameters, and other economic and ethical characteristics are less important. The article proves that fractal

transition law “determinism-stochastics-chaos” has not been carried out in social-ist countries and now is not carried out in the USA. Besides, American technological (stochastic) society is a stagnated system where 20 % of population is able to evolution, and 80 % of population is social worthless stuff, unable to make a progress. The article proposes applying of chaos and self-organization theory in social description within this new approach.

Keywords: *globalism, homogeneity, self-organization, chaos, fractality, evolution.*

1. Введение

На протяжении всего периода своего существования человечество постоянно пыталось решить два глобальных вопроса: проблему рациональности, разумности в вопросах устройства конкретного общества (своей страны, соседних государств) и проблему будущего устройства, типа реализации будущего. Этой теме посвящены сотни теорий построения различных социальных систем и социальных отношений и написаны миллионы статей, книг, тезисов докладов. Например, Арнольд Тойнби выделил 21 тип социумов, и в мире идет непримиримая борьба между сторонниками стратификации и кластеризации социумов (рабовладельческое, феодальное, капиталистическое общества) и сторонниками изоморфного, однородного, «гомогенизированного» общества. В последнем случае мы говорим о социализме, коммунизме и ряде других типов обществ. Не занимаясь подробным анализом экономической, социальной, политической сторон вопроса идентификации социумов (они наиболее болезненны и дискуссионны), мы остановимся на наиболее важном аспекте (параметре порядка) в организации социумов (все остальное – производное от этого).

Речь идет об уровне однородности в организации и управлении любым социумом. Иными словами, мы сейчас можем с позиций третьей парадигмы [Еськов 2011; Еськов и др. 2012], с позиций параметров порядка (главнейших признаков той или иной системы) определить, что является приоритетом в классификации социумов и как их (социумы) следует идентифицировать [Рыбаков и др. 2012]. С позиций разрабатываемого нами нового подхода в рамках общей теории систем (ОТС) параметром порядка в идентификации типа социума являются не столько экономические, финансовые или политические характеристики социума (производные от параметра порядка), сколько степень однородности общества. В этой связи предлагается новая классификация типов обществ, которая базируется именно на степени однородности социумов. При этом среди параметров однородности на первом месте стоит интеллектуальная (знаниевая) однородность (или знаниевый изоморфизм). Подчеркнем, что количественно определять этот параметр сравнительно просто, что мы и предлагаем делать [Еськов 2011; Eskov V. M., Eskov V. V. *et al.* 2012; Eskov, Gavrilenko *et al.* 2012; 2013]. Экономическая и социальная составляющие были главнейшими в системах первого (традиционалистское общество) и второго (техногенное) типов. Знаниевый компонент выходит на первое место в третьем типе социумов.

1. Третья парадигма в классификации типов общества

Динамика развития общей теории систем (ОТС) характеризуется сменой представлений и понятий. В ОТС Л. фон Бергаланфи, Н. Винер (кибернетика)

и Г. Хакен (синергетика) [Haken 1995] предлагали разные концепции. Нашего классика ОТС, А. А. Богданова, мы ставим над этой триадой, так как еще в конце XIX и начале XX в. он уже описывал элементы и кибернетики, и синергетики [Богданов 2003]. Однако все три подхода основывались на детерминистско-стохастических парадигмах (ДСП), что не позволяло даже синергетике выйти из ДСП и подойти к третьей парадигме (ТП). Например, Г. Хакен в базовом постулате синергетики (мы не работаем с отдельными элементами системы, а только с пулами, компартаментами, кластерами) предлагал не учитывать динамику поведения отдельного элемента системы. Однако это будет справедливо только для сверходнородных систем, в которых все элементы системы одинаковы по значимости. В нашей интерпретации это знаниевое, синергетическое, постиндустриальное общество – ЗСПО [Еськов 2011]. Антиподом этому является эффект бабочки в синергетике, который совершенно неприменим к однородным системам (бабочка должна быть уникальной, единственной, бабочкой-«гением»). Иными словами, эффект бабочки можно наблюдать только в сверхнеоднородной среде, в поляризованной системе, где имеется главный параметр порядка (в социумах – гении). Таким образом, синергетика упирается в вопрос однородности социумов, который сейчас в ней даже не обсуждается. Именно по этой причине мы и разрабатываем данную тему.

В рамках третьей парадигмы и теории хаоса-самоорганизации (ТХС), которая является аналитической частью ТП, мы предлагаем исходно любую систему идентифицировать с позиций степени однородности, а затем определять параметры порядка. В этой связи мы предлагаем изучать и классифицировать любое общество с позиций степени социальной и интеллектуальной однородности, и тогда все социумы (и исторически, и в рамках их современного состояния) разделятся условно на три типа (как и три парадигмы естествознания): детерминистское общество (в старой классификации – традиционалистское), стохастическое общество (технологическое) и знаниевое, синергетическое, постиндустриальное общество (ЗСПО) – в рамках третьей парадигмы. Таким образом, вместо 21 типа социумов по А. Тойнби мы предлагаем 3 типа, которые соответствуют трем парадигмам науки и любым другим динамическим системам третьего типа (СТТ), complexity [Еськов 2011; Рыбаков и др. 2012]. Аналогичная классификация предлагается и в естествознании.

Обоснование такого деления базируется на довольно очевидных фактах организации социумов. Во-первых, с социологической точки зрения традиционалистское общество является детерминистским по характеристике организованной системы управления. Решение в детерминистском обществе принимается единолично и жестко (например, система принятия решений в СССР в лице И. Сталина). Эти решения должны детерминистски (жестко) выполняться (иначе – жесткие наказания). Такие социумы всегда иерархичны и геометрически представляются пирамидой (треугольником на плоскости) с вершиной в виде иерарха (царь, феодал, генсек ЦК КПСС, ..., диктатор). Вариантов таких социумов в истории человечества много, но схема одна: треугольник с вершущкой – иерархом (см. рис.).

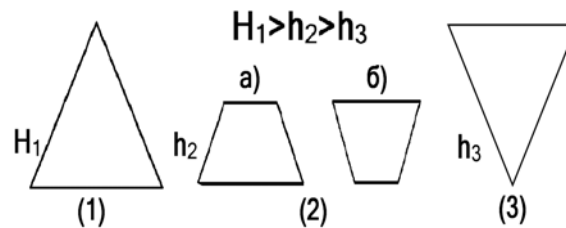

Рис. Геометрическая интерпретация параметров порядка в традиционном детерминистском обществе (1), в технологическом (стохастическом) обществе (2), в его разных видах (а, б) и в его трансформации в знаниевое, синергетическое, постиндустриальное общество (3) – ЗСПО

Во-вторых, в мире сейчас активно распространяются стохастические общества (технологические, в традиционной классификации), которые управляются статистически формирующимися стратами (партиями, классами и т. д.). Эти управляющие группы (страты) формируются статистически, они неоднородны. Обычно это распределение Гаусса: есть ядро партии и разбросы справа и слева. Более того, довольно часто наблюдаются «перебежки», когда члены одного страта переходят в другой (меняют свои интересы, партии и т. д.). В детерминистском обществе такое невозможно (измена делу Сталина каралась смертью). Стохастические общества уже диффузны, но они неоднородны. Имеется много страт и различных интересов в них. Такие общества геометрически представляются трапециями (см. рис.). Причем по мере нарастания однородностей верхняя граница трапеции становится больше основания, а высота такой трапеции будет уменьшаться. Вообще высота треугольника (в детерминистском обществе) или трапеции (в стохастическом обществе) оценивается сейчас в рамках третьей парадигмы, ТХС, как расстояние между социальными квазиаттракторами в многомерном фазовом пространстве [Eskov V. M., Eskov V. V. *et al.* 2012; Eskov, Gavrilenko *et al.* 2012; Eskov *et al.* 2013]. Мы разработали количественную методику оценки расстояний в виде матриц межаттракторных расстояний, которую уже активно используем в медицине, экологии, физиологии спорта [Eskov *et al.* 2011; 2013; Eskov V. M., Eskov V. V. *et al.* 2012; Eskov, Gavrilenko *et al.* 2012].

Формализация в социологии и политологии сейчас очень важна, так как все «неточные» науки (мы их определяем как квазинауки) должны быть в итоге формализованы и переведены в классы традиционных наук, прогноз которых все-таки осуществляется с помощью внешних управляющих воздействий (ВУВов). Попутно отметим дискуссию по вопросу управления и регулирования, которую активно пытается поднять А. Н. Чумаков. С позиций третьей парадигмы и ТХС управлять особыми системами третьего типа – СТТ, complexity (в общепринятых терминах управления, которые использует А. Н. Чумаков), вообще невозможно, так как «управление предполагает системный подход, когда даже те элементы системы или параметры ее ... не могут быть прогнозированы. Система здесь берется целостно...» [Чумаков 2012: 34]. Александр Николаевич правильно считает, что такие сложные системы (complexity СТТ в нашей идентификации) имеют «целесопадание» (это свойство телеологичности СТТ – complexity, 4-е свойство СТТ) и это свойство действительно требует непрерывной подстройки ВУВов («в зависимости от меняющихся обстоятельств» [Там же]). Последнее означает

непрерывный мониторинг социумов и постоянное внесение корректирующих воздействий. Только таким образом СТТ можно перевести в нужный социальный аттрактор, так как без мониторинга параметров социумов, их анализа и научного обоснования ВУВов конечная цель не будет достигнута. Это хорошо знают педагоги, но плохо – социологи и политики. Более того, все это должно положить конец дискуссиям о возможности управления (регулирования?) мировым сообществом (не только возможно, но и крайне необходимо).

В РФ правительство В. В. Путина это четко понимает и постоянно корректирует социальные и политические процессы и системы, но очень локально по времени, без перспективы на будущее. Без ВУВов такие хаотические системы не могут достигнуть конечного (телеологически определяемого) квазиаттрактора. Все это – азы третьей парадигмы и ТХС [Еськов 2011]. Но в рамках ТХС, следует заметить специально для А. Н. Чумакова и его коллег, управлять СТТ в рамках российской трактовки управления невозможно. Все эти особые системы имеют свою внутреннюю структуру, организацию и свои механизмы самоорганизации и самоуправления. Вмешиваться в них можно (и нужно, что делает В. В. Путин), но полностью их контролировать и ими управлять – нельзя. В этом смысле наши ВУВы для СТТ – это регулирующие (подстраивающие) воздействия, но в английской версии слово «control» может переводиться и как «управление», и как «регулирование», и это правильно в отношении СТТ. Для иерархических систем смело можно использовать слово «управление», так как тиран не будет регулировать что-то (он управляет). В стохастическом обществе управление содержит в себе два значения (и контроль, и регуляция). В ЗСПО для СТТ мы будем иметь только слово «регулирование» (но тоже будем писать control).

Таким образом, употребление дискуссионных определений «контроль» или «регулирование» зависит от типа общества, характера и степени самоорганизации и однородности в нем. В традиционалистском (треугольном, детерминистском, иерархическом) обществе control будет трактоваться как жесткое управление (хотя в Китае тоже еще с древних времен увлекались регулированием). В стохастическом обществе мы можем иметь и регулирование (что принято в США), но зачастую употребляется жесткое управление (как это делает сейчас США с арабскими странами вместе с ренегатами – арабскими государствами типа Кувейта, Саудовской Аравии и Бахрейна).

Экономическая (финансовая) однородность в вопросах эволюции социумов даже не решающая, так как в ЗСПО главным компонентом (параметром порядка) являются знания. Если общество неоднородно по знаниям (по интеллекту), а тем более не поддерживает своих одаренных членов (как это имеет место сейчас в РФ), то такое общество будет очень сильно поляризовано по координате «знания». Для ЗСПО главное – это информационный изотропизм, однородность по образованию, культуре, морали и нравственности. ЗСПО должно быть обществом высокообразованных, культурных людей, о чем пишет В. М. Бондаренко [2012]. Знаниевая (культурная и научная компоненты) координата в многомерном фазовом пространстве состояний (ФПС) является главнейшей. И совершенно правильно Валентина Михайловна выделяет потребность человека будущего (жителя ЗСПО) в виде: «...потребность человека стать совершенным в духовном, интеллектуальном и физическом плане с высоким уровнем сознания» [Там же: 80].

В ЗСПО знания должны сформировать однородное общество по уровню интеллекта, духовности, морали и нравственности.

Сейчас в ТХС мы можем работать в ФПС, рассчитывать параметры любого общества, любой СТТ в рамках квазиаттракторов [Eskov *et al.* 2011; 2013; Eskov V. M., Eskov V. V. *et al.* 2012; Eskov, Gavrilenko *et al.* 2012]. С этих позиций технологическое общество США – это стагнированное общество, в котором 20 % трудоспособного населения как-то еще развивается (оно включает менее 10 % людей, обеспечивающих США продуктами и промышленными товарами и более 10 % – ученых, аппарат управления: правительство и местное управление, армия, полиция...), а остальные 80 % жителей США не участвуют в управлении, производстве знаний и другой продукции и выполняют поддерживающие функции (участвуют в голосовании, просто живут).

Такая социальная система (20/80) очень устойчива, но она не может быть тиражирована другими странами (что постоянно пропагандируют, к чему призывают ученые и политики США). Более того, с точки зрения перехода в ЗСПО это полностью тупиковая ветвь, так как привлечь 80 % населения к знаниям (к их продукции, хранению, переработке и распространению) не представляется возможным. Это сильно стратифицированное, стохастическое общество без социальной эволюции. Об этом нами уже было много сказано, но полезно упомянуть и проблему управления со стороны США остальным миром, так как это тоже находится в поле зрения пропагандистской машины США.

Создав особую, якобы демократическую систему внутри США, сама эта страна активно реализует принципы детерминистского (традиционалистского) общества на мировом уровне. Не считаясь в должной мере с реальными демократическими институтами (ООН, ЮНЕСКО и т. д.), США активно пытаются жестко управлять другими социумами, при этом совершенно игнорируя эволюционный путь развития любой страны. Афганистан, Ливию, Сирию или Египет нельзя перебросить из их реально детерминистского общества (традиционалистского по сути) по одному только желанию кого-либо сразу в стохастическое общество и тем более в ЗСПО! Для этого необходимо подтягивать знаниевый компонент, экономический, политический и т. д. Сколько революций ни совершат в Египте или Ливии, но преобладание малообразованной части населения остановит этот процесс и опять вернет детерминизм в эти страны. Такие государства обречены на традиционализм и иерархию, они узники детерминизма из-за низкого уровня знаний и экономики.

Революционеры из США пытаются совершить скачок из феодализма в техногенное общество для других стран, игнорируя 3-й и 4-й принципы ТХС, законы эволюции. Нечто подобное уже пытался сделать СССР и получил у себя «тритавра»: по политической системе СССР был детерминистским обществом, по производству – стохастическим, а по идеалам (но только на бумаге) – пытался попасть в ЗСПО. «Мичурины», в духе социальных Лысенко, еще долго будут пытаться скрестить березу и ольху, тиранию со стохастикой. Но это напрасные попытки. Общество в экономическом, социальном, знаниевом отношении должно подойти к определенному рубежу однородности. Более того, члены ЗСПО в большей степени должны быть однородны не только экономически или социально, но и в аспекте интеллекта. А этого ни в Ливии, ни в Египте нет! Зачем мучить людей, а из

себя изображать борцов за демократию (США), социальную справедливость (СССР) и т. д.? Хватит иллюзий, социальных экспериментов и потрясений основ принципов глобальной договоренности, синергии и мироуклада. Пора уже успокоить революционеров навсегда. Войны и насилие – это альтернатива эволюции, но они недопустимы в цивилизованном, глобальном мире! Надо научиться договариваться (хотя бы по-китайски) как внутри стран, так и на межгосударственном уровне. А еще труднее – на общемировом уровне. Все это требует обоснованности и синергии, которой пока нет ни в ООН, ни в других межгосударственных союзах (каждый заботится о своих интересах). И все это составляет основу регулирования, а не управления!

Мир уже устал от потрясений, как и Россия (по словам В. В. Путина). И надо нам всем с этим согласиться! Пора уже заниматься эволюцией. Хотите помочь – вкладывайте средства, делайте инвестиции, развивайте экономику, повышайте грамотность населения, поддерживайте ученых и науку! Все это – тривиальные истины, но нам постоянно дают информационный «мусор» в ООН, с экрана телевизора, в газетах. Постоянно пытаются исказить информацию в пользу одной стороны, а надо представлять то, что устраивает всех, надо научиться договариваться и регулировать. Эпоха феодального управления закончилась, наступил период перехода от стохастического (технологического) общества.

В целом такие процессы требуют именно управления, а не регулирования, так как регулирование затратно и сопровождается структурными изменениями в социумах (всегда будут противники экономических, социальных или религиозных преобразований, противники глобализации, однородности и, главное, объективности). Управление со стороны США затратно, кроваво и насильственно, Миру нужно китайское регулирование (в духе идеологии «у-вэй» и «Дао»).

2. Глобализация и третья парадигма

Глобальные процессы, происходящие в мире, выполняются в рамках фрактальной закономерности (законы ТХС) переходов вида «детерминизм-стохастика-хаос-самоорганизация», в рамках законов трех парадигм. Переход в ЗСПО неизбежно должен сопровождаться повышением степени однородности не только в пределах отдельных социумов, участвующих в процессах такого перехода, но и на межгосударственном уровне, то есть в пределах всей планеты. Поэтому различные международные союзы (политические, социальные, экономические) однозначно требуют стандартизации правил и выработки одних, единых норм поведения, управления, контроля. В этой связи все, что происходит в рамках глобализации, идет на пользу трансформации человечества в ЗСПО, повышает однородность мировой экономической и политической системы, стандартизирует правила взаимодействия между народами и странами, политическими элитами. Однако на этом фоне постоянно происходят отклонения вектора развития в пользу той или иной страны или даже страты общества. Это нарушает принцип однородности систем. При этом главная проблема – как такую глобализацию производить: по методам США – управления – или по методике регулирования (у-вэй).

В социально-политическом плане СССР и США производили (и сейчас еще производят США) эти отклонения (от мировых договоренностей, правил и норм). Нельзя идти революционным путем, так как в итоге все упрется в сознание от-

дельного человека. Как ни пытался воспитывать СССР нового человека, итог оказался плачевным. Все нормы морали и нравственности мы быстро растеряли за последние 23 года. Для этого были созданы и определенные условия (качественные знания мы не востребовали, науку не поддержали должным образом, одаренными людьми не занимались). Немалая роль в этом отводится и падению морали, нравственности. Если в обществе другие приоритеты (не нормы ЗСПО), то такой социум легко бомбит Вьетнам и Афганистан, вводит войска в Венгрию (1956) и Чехословакию (1968). Это все примеры революционных преобразований. Результат очевиден: хаос, кровь, насилие порождают насилие, мораль и нравственность падает глобально! Ради мнимой социалистической демократии мы расстреливали мирные демонстрации, а ради капиталистической демократии сейчас бомбят страны, устраивают перевороты и т. д. Все это примеры жесткого, глобального управления. Но это управление идет вразрез с требованиями третьей парадигмы, ТХС. В социальных системах по мере приближения к ЗСПО надо постепенно переходить от управления к регулированию. При этом ВУВы в социумах должны базироваться на знаниях, то есть необходимо мирно договариваться, разъяснять, а не бомбить! Одновременно должна нарастать и степень самоорганизации внутри социумов благодаря повышению интеллекта, знаний и синергии. Ученый человек, гуманист будет создавать условия для всех, а не только для себя. В этом смысле любой ученый – гуманист, то есть результат его труда достанется всем, наука всегда интернациональна и способствует переходу человечества в ЗСПО.

Действительно, ТХС требует эволюции СТТ, мониторинга и создания научно обоснованных ВУВов. Эти ВУВы могут быть и жесткими, но они должны давать результат, а не так, как сейчас делает США: отбомбил и забыл о последствиях. Это методы тоталитарного детерминизма, управления со стороны иерарха, и с ними пора заканчивать. Планете нужны глобальные договоренности, глобальные правила, глобальные принципы взаимоотношений, глобальное развитие интеллекта (у всех жителей) и глобальная экономика, финансы. Все это неизбежно приведет к стиранию граней и различий, повысит однородность социальных и политических систем. С этих позиций падение СССР (лучше сказать – бывшего системного противостояния) – это тоже позитив, шаг на пути к глобальной однородности. Будем надеяться, что и США изменятся до неузнаваемости в ближайшем будущем. Любая тоталитарная система неизбежно будет разрушена. В этом заключаются законы фрактальных преобразований в ТХС.

Сейчас финансовая система мира также детерминирована. Главным иерархом является доллар и непосредственно жители США (в лице федеральной системы), которые самостоятельно принимают решение о работе печатного станка. В мире сейчас действует гигантский «черный лебедь» Насима Талеба [Taleb 2007], огромный эффект масштабирования, когда 1/20 часть населения планеты создала монопольную систему гигантского перепроизводства денег (по данным ряда источников, только 5 % денежной массы мира обеспечены реальной продукцией, остальное – виртуальные деньги), а остальная часть населения находится в зависимости от этой 1/20 части. Это иерархия и детерминизм, нарушение принципов глобальной однородности. Такую систему необходимо срочно изменять (но эволюционно!).

Когда у кого-то появляется монополия в силе (США самостоятельно принимают решения о военной агрессии по отношению к другим странам), в печатании

денег (США – доллары и Евросоюз – евро), в распространении и пропаганде своего, особого образа жизни (СССР со своим социализмом или США со своей моделью мира), то всегда возникают тяжелые мировые последствия. Насилие и агрессия – это удел тиранов, иерархического, детерминистского общества. Любая СТТ, complexity после насилия дает откат, и он часто бывает ужасен. Это глобальные законы инерции и социальной упругости любой системы. В таком колебательном режиме (но в пределах одного квазиаттрактора, то есть с позиций ТХС это – стационарный режим) сейчас существуют США и Англия (в рамках двухпартийных систем). Это все примеры того, как добиться стабилизации (по законам ТХС), находясь при этом в движении, в колебательном режиме. Россия тоже пребывает в квазиаттракторе (нет реального движения квазиаттрактора, но об этом будет сказано ниже).

Заметим, что движущимися объектами легче управлять, чем неподвижными, их проще регулировать. На этом базируется и теория социального хаоса, принятая в США за одну из моделей управления миром. В стране искусственно создается хаос, управляемая оранжевая революция, и далее ВУВы (тоже создаются с помощью ЦРУ и ФБР) завершают начатые дела. Такая схема весьма удобна – нет необходимости нести ответственность за что-либо (отбомбил и улетел, сделал переворот и отошел в сторону). Естественно, что подобные методы управления хорошо использовались в слабо развитых странах с низким интеллектом населения и сильными религиозными догмами (религия – это тоже рычаги управления, как в Египте, например).

А. Н. Чумаков совершенно прав, когда особым образом выделяет значимость и необходимость глобального управления миром [Чумаков 2010]. А цитирования И. Валлерстайна уместны и своевременны, но не следует трактовать этого ученого однозначно [Вебер 2009]. Глобализация всей мировой системы в итоге приведет к ее однородности и стабилизации, переходу человечества в ЗСПО. Однако при этом мы все одновременно взваливаем на плечи громадный груз ответственности за все, что происходит в мире. Глобализация – это и огромное усложнение. Надо будет со всеми договариваться (как нелегко сейчас удержать США от бомбардировок Сирии), надо разрабатывать международные научные институты, а наука тоже должна стать глобальной для выработки необходимых ВУВов. Все это реально приведет к усложнению. И А. Н. Чумаков абсолютно прав, что «...мир глобальных отношений без эффективного глобального управления обречен на серьезные испытания...» [Чумаков 2012: 36]. Но и организация такого управления – это тоже серьезные испытания. Через них сейчас проходит Европа, пытается избежать своего распада.

Глобализация мира – это серьезные испытания для всех стран и народов, для всего человечества. Мы должны подняться на новый уровень интеллекта, знаний, науки, отойти от детерминизма и иерархии феодальных сообществ (а их еще очень много в мире!), повысить финансово-экономическое обеспечение, стабильность каждого жителя планеты (разум и знания невозможно насаждать в пещере или рабовладельческом обществе), и только после этого можно надеяться на положительные результаты глобализации.

3. Некоторые итоги и заключение

Подводя итог этому краткому обзору проблемы глобального мира и третьей парадигмы, мы должны подчеркнуть, что базироваться только на мировом управ-

лении – задача бесперспективная. В идеале, как это имеет место в любой СТТ, особенно в живом организме, мы имеем стабилизацию таких сложных систем из-за их внутренней самоорганизации и саморегулирования. Именно за счет самоорганизации так эффективно работают мозг человека, многие экологические системы и передовые промышленные организации. Сейчас мы разрабатываем теорию хаоса и самоорганизации (ТХС), которая базируется на принципах самоорганизации и предлагает формальные методы учета такой самоорганизации с помощью расчета параметров квазиаттракторов. Расчет матриц межаттракторных расстояний в настоящее время позволяет производить оценку близости или отдаленности того или иного социума от его телеологического финиша в виде ЗСПО. Если внедрить эти формальные методы по отдельным кластерам (социально-политическим, экономическим, знаниевым), то можно реально оценивать динамику развития той или иной страны по отношению к конечной цели – ЗСПО [Eskov V. M., Eskov V. V. *et al.* 2012; Eskov, Gavrilenko *et al.* 2012; Eskov *et al.* 2013].

Таким образом, управление (переходящее по мере усложнения и повышения однородности социума в регулирование) неизбежно в конечном итоге должно перейти в самоорганизацию (и саморегуляцию) социума. А по мере нарастания однородности в мире, в том числе (и в основном) за счет глобализации, мы одновременно должны разрабатывать и внедрять механизмы такой самоорганизации (сама она не возникает). Это все тоже относится к сложности глобализации глобального мира. При этом придется решать многие проблемы, устранять противоречия и конфликты, о которых говорит А. Н. Чумаков, но делать все это на основе знаний, науки, путем повышения общего интеллектуального уровня населения (а он в РФ падает). Надо действительно уходить от «варварства, а то и дикости, <...> самоистребления» [Чумаков 2012: 36].

Скажем несколько слов и о глобальной тенденции мира и кластеризации. Исходно (в первобытном обществе) основой возникновения компартамента был сам человек и его община (как в ТХС для биосистем были клетка и орган). Однако с образованием компартиментов – стран и кластеров – союзов этих стран нарастает и кластеризация мира.

Все это соответствует первому постулату Г. Хакена в синергетике и всем 5 постулатам в ТХС [Haken 1995; Eskov V. M., Eskov V. V. *et al.* 2012; Eskov, Gavrilenko *et al.* 2012; Eskov *et al.* 2013]. Кластеры должны укрупняться (сейчас мы говорим о кластерах в 400 млн человек, обладающих ВВП в 15–20 трлн долларов). При реализации глобальной системы мира мы будем иметь один кластер – человечество со слабо выраженной национальной и социальной кластеризацией и компартиментализацией. Это глобальные законы динамики поведения любых компартиментно-кластерных систем [Еськов 2011]. Компартиментализация и кластеризация социальных систем по мере нарастания степени однородности будет снижаться. Будут стираться грани между странами, народами, отдельными людьми. Это неизбежно, но насильственно это делать бесполезно, нужны эволюция, эволюционный подъем интеллекта всех народов, реализация принципов информационного изотропизма [Там же], повышения уровня науки и ученых во всех странах (гении рождаются и в Занзибаре, и в России, но им не создаются условия для развития).

Экономические и политические кластеры увеличиваются в размерах и численности (G-8, G-20, страны ШОС, БРИКС и т. д.). Все это происходит в рамках

законов ТХС и должно завершиться общей глобализацией. Перед человечеством стоит первая глобальная проблема – перехода в ЗСПО и вторая проблема – освоение других миров (что должно повысить надежность выживания всего человечества). Пока же мы погрязли в «кухонных разборках» и желании получать местечковую выгоду за счет соседей. Решение второй проблемы будет фактором объединения всех народов в один кластер (отдельные страны этого не смогут реализовать). При этом надо активно агитировать все народы на «перевод стрелок» от конфликтов с соседями в направлении осознания хаотичности всего нашего существования. Развитие человечества уникально, это единичный, хаотический процесс, и мы должны реально представлять острую необходимость «запараллеливания» наших миров. Наш дом (Земля) весьма неустойчив, и, видимо, теория смены цивилизаций Кьюве имела под собой реалии. Сознание может долго существовать (и не только на Земле), а вот сама цивилизация кратковременна и уникальна. Прогнозы И. Валлерстайна на 100 лет весьма проблематичны, если мы не будем решать первую проблему (глобализации и однородности мира) и вторую проблему («запараллеливания» цивилизаций, создания иных миров).

Решение этих двух проблем должно происходить в рамках 5 заветов В. Эбеллинга и высказывания И. Валлерстайна: «Мы были бы мудрее, если бы формулировали наши цели в свете постоянной неопределенности и рассматривали эту неопределенность не как нашу беду и временную слепоту, а как потрясающую возможность для воображения, созидания, поиска. Множественность становится не поблажкой для слабого или невежды, а рогом изобилия, чтобы сделать мир лучше» [Wallerstein 1999: 68–69]. Иного нам не дано, а глобализация неизбежно приведет к синергии взаимоотношений между странами. Мы обязательно должны уходить от детерминистской, иерархической структуры миропорядка, как это требуют принципы ТХС [Еськов 2011], и выбирать для себя иные, глобальные цели (выживание и прогресс). В рамках третьей парадигмы социумы должны усиливать самоорганизацию (при этом ВУВы в виде регулирования остаются) за счет повышения степени знаниевой однородности.

Впереди нас ожидает глобальная знаниевая и экономическая однородность, но она базируется на самосознании и саморазвитии каждого жителя Земли, а не на желаниях КПСС, политиков США, военных из НАТО и любых других стран и групп населения. Управление тогда все-таки закончится, но останутся регулирование и глобальная значимость науки и ученых, которые ее создают. Приближается эпоха прозрения, эпоха людей с высоким интеллектом, для которых регуляция и управление – это работа, а не личные предпочтения, власть или даже нажива. Мы уже сейчас говорим не о равенстве, но об однородности, а это разные понятия!

Литература

Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука / под ред. В. В. Попкова, Г. Д. Гловели, В. Д. Мехрекова. М. : Финансы, 2003.

Бондаренко В. М. Глобальные процессы: две парадигмы развития // Век глобализации. 2012. № 2(10). С. 79–88.

Вебер А. Б. Современный мир и проблема глобального управления // Век глобализации. 2009. № 1(3). С. 3–15.

- Еськов В. М. Третья парадигма: монография. Самара : Офорт, 2011.
- Еськов В. М., Хадарцев А. А., Карпин В. А., Попов Ю. М. Горизонты будущего и Мануэль Кастеллс: реальности и иллюзии относительно информационной технологии, глобального капитализма и сетевого общества // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2012. № 1. С. 72–85.
- Рыбаков О. Ю., Даниелян В. В., Гудков А. В., Гудкова С. А., Джумагалиева Л. Б. Эволюция эмерджентных свойств трех типов общества – базовый закон развития человечества // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2012. № 1. С. 48–57.
- Чумаков А. Н. Глобальный мир: проблема управления // Век глобализации. 2010. № 2(6). С. 3–15.
- Чумаков А. Н. Проблема управления как повод для дискуссии // Век глобализации. 2012. № 2(10). С. 32–42.
- Eskov V. M., Eskov V. V., Filatova O. E. Characteristic Features of Measurements and Modeling for Biosystems in Phase Spaces of States // Measurement Techniques (Medical and Biological Measurements). 2011. Vol. 53(12). Pp. 1404–1410.
- Eskov V. M., Eskov V. V., Filatova O. E., Filatov M. A. Two Types of Systems and Three Types of Paradigms in Systems Philosophy and System Science // Journal of Biomedical Science and Engineering. 2012. Vol. 5(10). Pp. 602–607.
- Eskov V. M., Gavrilenko T. V., Kozlova V. V., Filatov M. A. Measurement of the Dynamic Parameters of Microchaos in the Behavior of Living Biosystems // Measurement Techniques. 2012. Vol. 55(9). Pp. 1096–1101.
- Eskov V. M., Khadartsev A. A., Eskov V. V., Filatova O. E. Quantitative Registration of the Degree of the Voluntariness and Involuntariness (of the Chaos) in Biomedical Systems // Journal of Analytical Sciences, Methods and Instrumentation. 2013. № 3. Pp. 67–74.
- Haken H. Principles of Brain Functioning: a Synergetic Approach to Brain Activity, Behavior and Cognition (Springer series in synergetics). Berlin : Springer, 1995.
- Taleb N. The Black Swan: the Impact of the Highly Improbable. New York : Random House, 2007.
- Wallerstein I. The End of the World as We Know it: Social Science for the Twenty-first Century. Minneapolis, MN : University of Minnesota Press, 1999.

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНКУРЕНЦИЯ ГОСУДАРСТВ ЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО В БУДУЩЕМ МИРЕ

Залывский Н. П.

заслуженный экономист РФ, д. э. н., проф., заведующий кафедрой
экономической теории и экономики приарктических регионов
Северного (Арктического) федерального университета
им. М. В. Ломоносова.

E-mail: n.zalyvskiy@narfu.ru

Статья затрагивает отдельные аспекты теории глобализации, прежде всего теории конкуренции ведущих государств за мировое лидерство в экономике. Автор сжато оценивает предшествующую историческую практику взаимодействия государств, давшую повод для полемики о возможности России стать одним из геополитических лидеров и закрепить за собой лидерские позиции. При этом внимание уделяется факторам, которые могут определять конструкцию отдаленного будущего. По мнению автора, устойчивое место в нем может принадлежать только цивилизации с сильным футурологическим представлением о последствиях современной геополитической практики. Глобальная конкуренция – один из таких факторов. Она диагностируется институтом конкурса государств на долговременное присутствие на исторической сцене в качестве лидера развития мира.

Ключевые слова: *Россия, геополитика, глобальная конкуренция, футурологические перспективы, новая структура мировых лидеров, критерии глобального соревнования.*

The work touches upon some aspects of the theory of globalization, first of all, the theory of competition of the leading States for global leadership. The author briefly assesses the preceding historical practice of interaction of the States. This practice is the basis for a debate around the idea of Russia's opportunities to become and to secure for itself the position of one of the geopolitical leaders. The attention is paid to the factors that may determine the design of the distant future. According to the author, only civilization with strong futurist representation of the consequences of the modern geopolitical practices will take a stable position in it. Global competition is one of such factors. It is determined by the Institute of the constant competition between the states for a long-term presence on the historical scene as a leader of the developing world.

Keywords: *Russia, geopolitics, global competition, future prospects, the new structure of world leaders, the criteria of global competition.*

Большинство государств ведет диалог со своим населением по задачам, которые планируется решить в течение 10–30 лет. Это общеизвестный факт. Наверное, в таком интервале времени физическое ощущение народами жизненных «заказов» (проблем) наиболее болезненно, поэтому на арене мировоззренческой дискуссии всегда много альтернативных проектов по краткосрочному исцелению от недугов цивилизации. Политической элите современных государств, обязанной чувствовать потребности своей нынешней «паствы», подобный подход позволяет удерживать власть.

И все же я исхожу из того, что правление с фокусированием на ближних проблемах застигает горизонты для долгосрочной (многовековой) перспективы управления обществом и народами, которые необходимо вести вперед. *Устойчивы те государства, которые формируют путь своей исторической эволюции с учетом прогнозирования многовекового вектора общественного прогресса.* И современный ученый зачастую потому современен, что он интересуется лежащим еще в пробирках научного знания в качестве гипотез, не попавших в поле зрения научной общественности, или не вынутым из закровов исторической практики в виде предвестника нового мира, мало замечаемого в качестве нового императива. В частности, мне импонирует тезис автора одного важного исследования [Гринин 2007], пытающегося выделить контур взаимосвязи между развитием государства и глобальным историческим процессом, включая желание интерпретировать направлений развития современного государства. Однако автору данной статьи, уважающему ориентацию коллег на предшествующие эпохи, более интересен портрет мира отдаленного будущего человечества, естественно, применительно к цивилизационной роли и месту России в нем [Залывский 2012: 91–112].

Заглянуть за долгосрочный горизонт мировой истории побуждают и проблемы современной геополитики, реакция на которые уже важна для прогнозирования возможности закрепления России в будущей истории земной цивилизации в качестве мировой державы. При этом полезно уточнить, что контуры будущего для России и мира все равно невидимы, не ощущаемы и, возможно, иллюзорны, но миру нередко нужна даже иллюзия, чтобы не горевать о хлебе насущном сейчас.

Методологическим началом теоретических рассуждений, доминантой технологии изложения темы статьи выступают интеллектуальные толчки от фактов, зафиксированных на предшествующей и на данном этапе истории жизни человечества. Они уже обозначили едва различимые ростки новых версий возможного развития всех государств (народов) мира в рамках единого исторического процесса, когда многообразие портретов тех или иных государств как фрагментов всемирной истории иллюстрируют их конкретные дела. Наши дела придают специфическое содержание соответствующей фазе исторического бытия каждого народа. Если «история (то есть память о прошлом. – Н. З.) обладает огромной значимостью для людей» [Давидович, Аболина 1973: 53], то должны быть более ценны и идеи о будущем государств (народов), хотя бы потому, что *будущее бросает тень на жизнь их населения задолго до выхода его из лона матери.*

Меня всегда волновали пестрые картинки жизни людей в разных государствах (Египет, Германия, Норвегия, Швеция, Шри-Ланка, Турция, Болгария), ставших в силу служебных или личных пристрастий местами моего персонального ознакомления с Историей человечества. Я постепенно сформулировал тезис о паутине взаимных сцепок государств и их народов в историческом развитии. При этом

росло недоумение по поводу многословия об их далеком и близком прошлом, желая с радикальным тщеславием демонстрировать друг другу национальную (этническую) природу.

История жизни народов Земли и существующие глобальные проблемы их взаимодействия становятся базовыми источниками спонтанного излучения подсознанием представлений о предполагаемой конструкции ожидаемого будущего. И это неудивительно, ибо любой исследователь может прогнозировать будущие глобальные процессы на базе усвоения уроков социальной практики. Эта земная гиря «привязывает» футурологические тезисы и суждения о том, как может развиваться человек и общество, к соразмерности полета мысли и ожидаемых очертаний будущего. И мне важно не оппонирование полету моих мыслей, а возникновение у неравнодушного интеллектуала желания увеличить их, добавить в мельницу познания, перемалывающую всевозможные теории построения счастливого будущего для каждого жителя планеты, свой мешок истин и настроений в диалог настоящего и будущего.

Трудно предугадывать социальные катализаторы движения мировой истории, периодически теряющей колеса устойчивости, но никто не мешает нам быть субъектами дискуссий о наличии выбора исторической модели развития всего человечества. Требуется лишь самоопределиваться с факторами, понуждающими государства и общества к конструированию своей футурологической судьбы. Для обеспечения цивилизационной устойчивости в ближайшем тысячелетии такая интеллектуальная работа необходима и России. Дело в том, что в глобальном соревновании цивилизаций она слишком долго находится перед дилеммой футурологической перспективы. При одном раскладе Россия обречена на историческое аутсайдерство. При другом, несмотря на наличие признаков для такого варианта ее будущей истории, Россия может освободиться от дамоклова меча данной перспективы.

Конечно, хаос мирового водоворота еще не раз будет путать карты большой истории человечества. Однако здесь допустима идеализация факторной роли и миссии России как субъекта мировой динамики. Прошлое – это то, что было. Будущее – то, что надо создать. При всех возможных перипетиях мировой истории важно равенство периода государственности России до 2012 г. и после него. И эта историческая возможность предельно реалистична, если все россияне станут субъектами позитивной истории страны, добросовестными творцами новых мыслей, инновационных технологий и политической воли к лидерству на каждом рабочем месте.

Память услужливо вывела из запасников научного знания предсказание этрусских толкователей о восьми поколениях людей, каждое из которых модернизировало уклад жизни по своему разумению и опыту. Мне остается предположить о своем месте в составе восьмого поколения, призванного к пониманию того, «что в мир явились люди, и живущие, и мыслящие по-иному» [Давидович, Аболина 1973: 44–45], способные быть предсказателями далекого будущего.

Иначе говоря, многие наши предшественники пытались *загодя увидеть тренд своей судьбы через зеркало глобальной конкуренции*. Вот почему углубление теории этой конкуренции можно воспринимать как вступительный взнос в теоретическое предвидение глобальной конструкции мира за горизонтом XXI в. Это одно из ключевых условий успеха России в глобальной конкуренции супердержав

по удержанию цивилизационного первенства. Пока в России живет свежая геополитическая мысль, у нее есть шанс создавать передовое общество мира.

Создавать новую модель общества лучше, когда смотришь вперед, видишь те требования и вызовы, которые исходят из рассматриваемого горизонта будущего государства. Не случайно мозг сразу ухватился за ветки дерева растущего внимания к проектированию траектории развития России [Солдатов 1993; Григорьев и др. 2007; Россия... 2007; Global... 2008], выхватил фрагмент рассуждений Н. Петрова о целесообразности оперирования утопическими и антиутопическими моделями перехода современного мира к будущему – желательному и нежелательному. Все они, как правило, являются вариантами построения идеального будущего. Однако именно неясность или невозможность попасть в него, не освободившись от проблем современной истории человечества, и подтверждает, что «рассмотрение образов последнего во всей сложности функциональных подсистем и взаимоотношений между ними – полезный инструмент, в том числе и с практической точки зрения» [Петров 2008: 7].

Эфемерность образа далекого будущего, во многом непредсказуемого, тем не менее снимает сомнения в возможности определения вектора эволюции различных государств мира, если даже единственным инструментом толкования ожидаемой истории человечества останется гадание на кофейной гуще. Оно при логической линейности анализа вполне могло дотянуть до рациональной реалистичности исторических последствий растущего взаимовлияния существующих ныне цивилизаций, стать инструментом гносеологической свободы мысли, неформального осмысления доминирующих закономерностей в глобализационной динамике развития мира. Глобализация, будучи энергетическим генератором интеграции стран и народов всего мира, объективно будет менять параметры соотношения государств (народов) в мировой системе. Она будет выстраивать новую структуру всего мира на базе мотивации народов и стран к взаимному сближению в политике и культуре, экономике, включая показатели уровня и качества жизни.

Пожалуй, самым радикальным исходом глобализации, феноменом ныне многообразных национальных и этнических компонентов мира может оказаться унификация социокультурного мировоззрения (бытия) человечества. Не будем только цирковыми иллюзионистами, ибо подобное явление может оказаться чертой цивилизации в весьма отдаленном будущем, даже за пределами третьего тысячелетия нашей эры. Единственное, что я должен подчеркнуть именно здесь, – *непреодолимым моментом процесса перехода человечества к новой структуре мира выступает геополитическая гегемония государств за место в мире* (субрегионе) и мировой авторитет. Концепции гегемонизма будут видоизменять систему глобальных взаимоотношений стран и народов, поэтому *неизбежность приобретения миром нового облика будет сопровождаться конкуренцией стран за повышение факторного влияния на мировое развитие, на международные институты* – субъекты организации глобального порядка. Вероятный характер использования инструментария мирового лидерства, безусловно, чрезвычайно сложный объект научного предвидения.

Политики и экономисты, рядовые граждане мира и национальная элита стран обладают интуитивными и рациональными эмоциями, придающими ту или иную степень погружения в философию глобального развития мира. Все они что-то

знают о глобализации, пытаясь изложить свое представление о будущем месте в мире научными или фантастическими инструментами. В диагностике динамики глобальных тенденций не исключить системную трудность: *нельзя преодолеть время, которое невозможно увидеть и ощутить*.

Венчание наших взглядов на будущее может иметь место тогда, когда это будущее поднимет «на-гора» хотя бы одно абстрактное свидетельство, подтверждающее сходство наших размышлений с ходом истории, с направлением развития обсуждаемых процессов. Кто-то может увидеть будущее, но оно не гарантирует возврата адекватной реальности. Юношеская влюбленность двоих, благоухающая счастьем, – это еще не страховой полис счастливому браку даже на первом этапе семейной жизни!

Один из таких алгоритмов апробирован в художественной форме, а именно в романе Пьера Жиффара «Адская война» [Жиффар 1991: 212, 326–328], вышедшем в 1913 г. В какой-то мере этот фантастический роман обозначил вероятность борьбы ряда стран за лидерство в мировой коалиции государств, предложил вымышленную реальность о диспозиции разных государств. В нем были представлены две расовые модели господства в мире: белого (во главе с США, Англией и Францией) и желтого человечества (Китай и Япония), показана воображаемая война в 1937 г. с участием антикитайской коалиции европейцев. Европейцы провели по Уралу Белую линию, за пределы которой не должно распространяться влияние Китая. В романе симптоматичны два момента. Представители США впервые почувствовали способность не только справиться с японцами, китайцами, англо-французскими силами, но и смогли предвидеть слабость России в мировых делах из-за ее классических пороков: серьезного отставания от европейских стран во многих областях, злоупотреблений.

В фантастическом проектировании будущего – близкого или неведомо отдаленного – я вижу крупницы намеков на реалистичность отдельных мгновений социально-исторического процесса развития общества и человека. Последующая история, которая нам уже известна из учебников, скорректировала те или иные тенденции развития механизма отношений между ведущими державами мира. То, что не случилось, осталось пребывать в фантазийном ощущении автора. То, что близко реальной истории, лишь подтверждает: *любой прогноз будущего состояния мира находится в неравном браке с современной практикой жизни народов*. Он может двигаться к реалистичности, прислушиваясь к мнению одного из семи греческих мудрецов – Бианта из Приены (642–577 гг. до н. э.) – о времени как лучшем советнике.

Политическое и военное положение стран в будущей большой истории – нередкий предмет разыгрывания прогнозов, косвенно подчеркивающих пристрастие их авторов к признанию или отрицанию лидерского потенциала у каких-либо государств. Но вымышленность фрагментов будущего человечества уже подтверждает наличие течения общественной мысли, где предполагаемые события – возможные или желаемые (с позиции автора) – *это своеобразная мировоззренческая почка на ветке вероятного развития мировой истории*. Она уже растет на почве циркулирующих в обществе ожиданий и догадок, уже является элементом бытия современной истории того или иного народа (государства).

Ныне многим понятно, что составным звеном всемирного взаимодействия и взаимозависимости государств является глобализация мира и интернационали-

зация национальных хозяйств, культур. *Ключевым признаком современного политического мира*, системы межгосударственных отношений все явственней становится *глобальная конкуренция*. Она во многом определяет тип, характер и динамику сотрудничества (противостояния, конфронтации) между странами по поводу установления правил развития цивилизации и управления глобальными интересами человечества. Закономерно, что современники – государственные деятели, ученые разных профилей науки – часто затрагивают различные аспекты глобальной конкуренции. При этом первые подразумевают получение политической выгоды от своевременного реагирования на международное событие, вторые – от публичного декларирования своей научной состоятельности как потенциального предложения для получения выгодного предложения по анализу геополитических процессов, без которого власти трудно самоопределиваться в системе координат межгосударственных отношений.

И мне пора подчеркнуть неразрывность теории и практики развития мирового сообщества от теории глобальной конкуренции и практики отношения (участия) государств к международным событиям (процессам). Как для отдельного человека, так и для каждого государства *стремление к росту авторитета было и остается незыблемым атрибутом принципов (мотивов) деятельности*. К авторитету, то есть, в данном контексте исследования, к усилению роли государства в глобальном мире. Ему помогает использование разных способов и инструментов международной политики, к нему ведут разные методы конкурентной борьбы, выборочная интенсивность достижения ее целей (Рис.).

Незыблемой монетой глобального соперничества выступает только борьба за оптимальные режимы использования конкурентных преимуществ государства в существующей системе межгосударственных отношений, за незыблемость его места в институтах управления глобальным миром.

Далее я буду исходить из того, что глобальная конкуренция – главный институт политической и экономической экспансии ведущих государств мира в различные сферы глобального пространства (культурного, духовного, экономического) других стран, находящихся на периферии мирового развития. Если грубо, то **глобальная конкуренция – это непрерывный конкурс государств и народов на максимально долгое присутствие на карте мировой судьбы.**

Решением этой задачи занимались уже страны Древнего мира. Геоидеологическая потребность обусловила зарождение геополитического мышления в государствах Древнего Востока (Древняя Индия и Древний Китай), заложила истоки западной геополитической традиции, породила геополитические идеи Древней Греции и Древнего Рима (Римской империи).

Успехи и просчеты государств в обеспечении геополитических преимуществ во многом связаны с целями их присутствия в международных делах, участия в мировых событиях, давления или поддержки какой-либо страны. Недопустима унификация целей и предмета глобального состязания страны с окружающим миром, ибо не все вечно в подлунном мире. В нем гаснут не только звезды далеких галактик, но и закрываются книги жизни отдельных народов, стран. *Способность видеть перемены в мире должна быть признанием недостатков в воззрении государства на этот мир.* Тогда объективность условий конкурентного сообщества государств может выполнять функцию автоматического акселератора энтузиазма к заблаговременному обновлению аппарата адаптации к динамике глобальных вызовов.

Рис. Основные виды и цели глобальной конкуренции государств

Экономисты, анатомируя природу рыночной конкуренции, выделяют множество ее видов и форм, но видят прежде всего диаметрально различие между совершенной и несовершенной, добросовестной или недобросовестной конкуренцией. В геополитике также допустимо оперирование этими видами глобальной конкуренции. Любое крупное государство чувствует своих конкурентов, соизмеряет их ресурсы с накапливаемым потенциалом своего влияния на них. Ему нужна уверенность в незыблемости своего места и роли в мировых делах, свобода от тревоги оказаться в хвосте человеческой цивилизации, когда возникает обязанность глотать отходы ее развития.

Было бы уместным, учитывая большое количество государств на современной площадке глобального взаимодействия, относить их борьбу между собой к совершенной глобальной конкуренции. Каждая страна свободна входить и вправе выходить из любого международного института, из любого сегмента мировой экономики, а также распространять по всему миру идеи и ценности своих народов. Каждый выбор может диктоваться добрыми намерениями, искусствами политической целесообразности, натиском геополитического рвения (глупого, ответственного, агрессивного). Чаше, к сожалению, страны поступают как люди: там, где явственна выгода от опережения соперника, доминирует недобросовестная политика, монополистическая конкуренция, картельный сговор страны-лидера со своей группой введомых государств. Конфуз с Ираком (ноябрь 2012 г.), запустившим информацию об отмене четырехмиллиардного контракта с Россией на покупку вооружения, разное отношение России и западных стран к «арабской весне» (в Сирии), специфика интересов РФ и США в Венесуэле, интернационализация Арктики и национальная легитимность России – отзвуки этой геополитической борьбы.

Теория глобальной конкуренции позволяет понять политические тенденции эволюции присутствия того или иного государства в глобальном процессе, событий, в изменении его позиции по мировым проблемам развития. Все это делает более прозрачными уже свершившиеся факты деятельности государств. Этого знания явно мало для проектирования будущих действий, для заблаговременного прогнозирования государством-конкурентом международных условий для легитимного воспроизводства национальных интересов, сохраняющих или увеличивающих присущие ему конкурентные преимущества.

Теория глобальной конкуренции может быть как полезной наукой, так и деструктивным фактором. Последнее имеет место, ибо совпадение разных обстоятельств международного события – исключительная редкость глобальной политики. И частота извлечения урока из практики предшествующих международных коллизий зашкаливает именно тогда, когда повторение – уже не «мать учения», а стратегическая ошибка политического топ-менеджмента. Что же ведет к ней? Неадекватность выбора страной линии движения по руслу глобального процесса. Недостаток умения видеть, выделять и использовать нюансы новых исторических обстоятельств взаимодействия с глобальным миром, вплоть до учета субъективных, например морально-психологического самочувствия людей, управляющих в данный момент эпохи другим государством.

Глобализация для каждого государства, обладающего факторным потенциалом влияния на всемирную историю человечества, становится резонатором новых

стратегий геополитического позиционирования. Они реализуются в их действиях, проявляются через заявления их государственных, политических и общественных деятелей. Зачастую в них преломляется культура и этика геополитики. Но каким образом? Отдельные государства во взаимоотношениях с участниками глобальных событий нередко исповедуют этику двойного стандарта, вольную интерпретацию норм международного права, политическую мораль: розовые очки – для попутчиков своей политики; прокурорское менторство – для ее оппонентов. Поэтому история нуждается в изучении характера публичных деклараций и смысла последующих действий государств. Результаты такого изучения отразят корректность или компрометацию идеологии мирового лидерства страны, претендующей на роль субъекта организации глобального мира и морально-политический авторитет в нем.

В глобальной конкуренции лучше побеждать миром (компромиссом), чем военной силой – ограниченной или всеобщей мобилизацией. Сотрудничество и отложенные актуальности политики конкуренции продуктивнее, чем эскалация невылеченных болезней взаимного общения и агрессивное давление на партнера. В глобальной политике целесообразно правило «холодной спешки», когда феномен эмоционального нетерпения не затмевает у лидеров государств рациональную логику политического реагирования на неприятные, а тем более неожиданные события в окружающем мире. Чем продолжительнее период холодного контакта с другим государством, тем медленнее должна запрягаться лошадь с возом оружия для его исправления – политического, экономического, военного.

Теперь выделим еще один критерий участия государства в глобальном соревновании. *Это наличие у него морально-политического права на самоинституализацию идеологии глобальной гегемонии, ее инкорпорацию в общественное сознание граждан страны.* Социальной и психологической предпосылками практики ее политического культивирования не может не быть соизмерение ресурсного потенциала с фактической ролью государства (группы государств) в мировом сообществе, прежде всего природного, технологического, экономического, военного, интеллектуального. Еще важнее прогнозная корреляция сил и средств воздействия на параметры состояния и развития глобального пространства жизни человечества с футурологической перспективой изменения места государства в международном сообществе, мировой экономике. Почти все эти критерии можно свести к группе базовых индикаторов определения оснований той или иной страны (международного объединения государств) для потенциального мирового лидерства в экономике.

На наш взгляд, к ним можно отнести:

- долю страны в мировом ВВП;
- доминирование страны на мировых рынках товаров (услуг), определяющих технологическую прогрессивность национальной экономики;
- долю в мировом экспорте товаров (услуг), капитала, рабочей силы;
- более высокие темпы экономического и социального развития страны в долгосрочном интервале времени;
- существенное опережение уровня и динамики производства ВВП на душу населения по сравнению с группой индустриально развитых стран (например, «Группы 20»);

- нахождение в первой двадцатке стран по показателям сопоставления наиболее важных международных индикаторов с тенденцией движения в первую десятку;
- возможности военно-стратегического воздействия на другие страны, доля затрат на оборону в структуре ВВП и по сравнению с объемами затрат государств – других потенциальных лидеров процесса мирового развития;
- степень представительства государства в ведущих институтах глобального управления миром и высокий уровень поддержки ее субъектами позиций государства.

Конструирование места в геополитических координатах будущего мира может выполнить плодотворную работу по пересмотру нынешних притязаний отдельных стран на ведущую силу глобальной конкуренции. Для этого *политические институты государств и общество должны найти приемлемое сочетание возможностей настоящего и будущего*, выходящих из общественных ожиданий быть о молочных берегах, шоколадных реках и волшебной силе духа народов, пока пораженных потенциалом жизни на прожиточном минимуме. Футурологическое ожидание оправдывается там, где есть и обновляется комфортная социальная модель жизни для всех членов общества. Геополитика быстро превращается в стратегическую манипуляцию моральным здоровьем нации (народов), если ее субъекты уподобятся шаловливым детям, о будущем которых казенно думает детский дом, а не родная семья, заинтересованная в шедевре воспитания наследника с умением капитальной постройки конструкции нового мира, соответствующей концепции его жизни.

К тому же иллюзорно олицетворять нахождение страны в десятке современных супердержав единственным подтверждением достойной исторической судьбы государства в будущем. Не надо обещать народам рассеивание солнечного ветра, если нет необходимой для этого технологии! Лучше без спешки совершенствовать свой маленький дом, чем развенчивать миф о неспособности быть лидером цивилизации. Швейцария не похожа ни на одного современного лидера мира, но тем не менее ее граждане живут в обществе, которое радует их стабильностью развития и уверенностью в этой стабильности. *Лучше жить в обществе, где никому не требуется спасательный жилет от невзгод спешки, чем бежать за лидером, разрывая промежность от перенапряжения исторических амбиций*. При неумении страны сопрягать расходы по достижению несбыточного желания с заботой о качестве жизни своих граждан, достойном их уже сейчас, идея мирового лидерства любого государства лишена гуманитарной составляющей и соответственно уже может объявляться антиисторической утопией.

Литература

Вебер А. Б. Современный мир и проблема глобального управления // Век глобализации. 2009. № 1.

Григорьев Л. и др. Коалиция для будущего: стратегия развития России в 2008–2016 гг. М., 2007.

Гринин Л. Е. Государство и исторический процесс: монография. М. : КомКнига, 2007.

Давидович В., Аболина Р. Кто ты, человечество? Теоретический портрет. М. : Молодая гвардия, 1973.

Жиффар П. Адская война. Л., 1991.

Залывский Н. П. Миссия лидерства России в мировом движении: реальности исторической практики и теория футурологической надежды // Вестник международного «Института Управления». 2012. № 5–6. С. 91–112.

Петров Н. Время дивергенции // Pro et contra. 2008. № 5–6. С. 8–23.

Плутарх. Избранные жизнеописания. Т. 2. М. : Правда, 1987.

Россия 2017: три сценария / под ред. О. Кууси, Х. Смит, П. Тихонен. Хельсинки, 2007.

Солдатов С. Россия в поисках исцеления. М. : Вост-Ост Ренессанс, 1993.

Global Trends 2025: A Transformed World. 2008.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ЕВРОПЕЙСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА¹

Ближковский П.²

председатель Комитета по экономическим и региональным делам
Генерального секретариата Совета Европейского союза,
в 2011–2012 гг. приглашенный научный сотрудник от ЕС
в Школе государственной политики им. Ли Куан Ю.
E-mail: petr.blizkovsky@consilium.europa.eu

В настоящей статье глобальная система экономического регулирования рассматривается с точки зрения ее участников. Сначала автор рассматривает изменяющиеся политические и экономические условия, которые диктуют новые требования в управлении. Он определяет участников и их роль на разных этапах процесса регулирования. Затем автор анализирует три примера регулирования, а в заключение делает предположение о европейских перспективах и размышляет о взаимном влиянии глобальных и европейских идей и стимулов на экономическое регулирование.

Ключевые слова: глобализация, глобальный, регулирование, управление, экономический кризис, международный стандарт, финансы, Европейский союз.

The present article studies the global system of economic regulation in terms of its actors. First, the author considers the changing political and economic environment which sets new requirements in management. He defines the actors and their role at different stages of regulatory process. Then, the author analyzes three examples of regulation and makes a conclusion on the European perspectives and mutual influence of global and European ideas and stimuli on the economic regulation.

Keywords: globalization, global, regulation, management, economic crisis, international standard, finance, the European Union.

1. Глобализация и кризисы – влияние на регулирование

Глобализация – ключевой феномен современной эпохи. Но это не означает, что глобальный подход воцарился также и в регулировании. В результате возникла ассиметричная ситуация.

Под глобальным регулированием могут пониматься различные процессы, начиная от призрачного желания создать глобальное правительство и заканчивая

¹ Настоящая статья является обновленной версией доклада, представленного на Азиатско-европейском симпозиуме «Глобальное экономическое управление в Азии: Через призму европейского долгового кризиса» в Школе государственной политики им. Ли Куан Ю 19–20 ноября 2012 г.

² Взгляды, выраженные в статье, принадлежат автору и не отражают точку зрения Генерального секретариата Совета.

сдержанным руководством и неформальной дискуссией. Отправной точкой статьи стал тот факт, что мы живем в мире, где государства сами распоряжаются суверенитетом. Они могут добровольно делиться своим суверенитетом с другими, делегировать его или сохранять.

Начнем с определения. Термин «глобальный» относится к регулированию, выходящему за границы суверенитета на более масштабный, глобальный уровень (на практике он ограничивается неполным списком государств, которые имеют значение в мировой экономике). «Регулирование» – это *«совокупность инструментов, с помощью которых люди и организации, государственные и частные, управляют общими делами. Это длительный процесс, в ходе которого улаживаются конфликты, согласовываются интересы и предпринимаются совместные действия. Он включает официальные организации, наделенные полномочиями принуждать к согласию, а также неофициальные меры, на применение которых люди и организации согласны, или которые отвечают их интересам»* [The Stanley... 1999]. Проще говоря, это *совокупность правил и систем принуждения к их соблюдению, которые сильно разнятся в зависимости от характера полномочий* [Cloos 2011].

Исследуя проблему участников, важно выяснить, во-первых, какие субъекты могут инициировать принятие решения, влиять или пытаться повлиять на него и, во-вторых, что представляет собой процесс принятия решения сам по себе. Субъектами могут быть совершенно разные заинтересованные лица, однако принятие решений – это дело ограниченного числа участников. Число субъектов, на которых глобальное регулирование оказывает влияние, постоянно увеличивается, но необходимо также выделять и узкую группу официальных сторон, участвующих в принятии решения. Безусловно, сейчас многонациональные компании, города, регионы, СМИ и гражданское общество в целом больше вовлечены в процессы управления, чем раньше. Люди, капиталы, товары и идеи свободнее перемещаются между странами. Но именно правительства и парламент в конце концов принимают решения.

В мировом масштабе результатом быстрого развития глобализации в последние десятилетия стала растущая независимость стран и регионов [Global... 2003]. Международная торговля и финансы растут быстрее, чем ВВП, и, несомненно, являются источником развития и процветания [Khanna 2012]. Однако ясно и то, что внезапные изменения в торговле и движении финансов могут иметь разрушительные последствия в экономической, социальной и политической сферах. На самом деле у глобализации есть побочные эффекты, которые могут оказаться как позитивными, так и негативными.

Дэвид Майер-Фулкс [Mayer-Foulkes 2009] нашел глубокие корни современного экономического кризиса в динамике глобализации и в связи между ускорением темпов мирового роста, усилением неравенства в ведущих странах и снижением кредитной ставки в условиях, когда капитал аккумулируется быстрее, чем изменяются технологии.

Глобальная финансовая стабильность и глобальный экономический рост в этом смысле можно интерпретировать как мировое общественное благо. Укрепление системы обеспечения стабильного функционирования финансовой системы и меры по выходу из кризисных ситуаций могут послужить примером таких благ. Однако их реализация требует проведения международных встреч и функциони-

рования соответствующих организаций. Важно, что необходимость международного сотрудничества находит понимание у большинства участников, включая политиков, аналитиков и бизнесменов.

Глобальная система экономического регулирования традиционно включала Бреттон-Вудские организации и ВТО. Перемены произошли, когда «Большая семерка» не смогла предложить эффективный выход из азиатского кризиса конца 1990-х гг. Тогда была организована «Большая двадцатка», которая объединила развитые страны и государства с переходной экономикой с целью стабилизации финансового рынка. Позже, в 2008–2009 гг., в ответ на финансово-экономический кризис члены G20 призвали усилить международное сотрудничество и впервые провели саммит лидеров «Большой двадцатки».

Усилия по выходу из европейского кризиса, предпринятые на уровне ЕС, в некоторой степени повторяют мероприятия международных форумов и организаций мирового уровня. Призывы улучшить регулирование в ЕС выявили необходимость усиления стабилизационных инструментов и политической координации (укрепления организации Экономического и валютного союза).

2. Участники глобальной системы экономического регулирования

Участники в широком смысле – это субъекты, вовлеченные в процесс установления мировых экономических правил.

Чтобы понять роль участников в экономическом регулировании в последние два десятилетия, необходимо упомянуть два фактора – глобализацию и демократизацию. Глобализация привела к усилению взаимосвязей в мировой экономике и, следовательно, вызвала необходимость создания общемировых норм. Возросла взаимозависимость и необходимость придерживаться единых подходов. Под демократизацией на мировой арене мы понимаем падение железного занавеса с последующим созданием демократических рыночных обществ в Центральной и Восточной Европе, а также процесс либерализации Китая и других азиатских экономик и обществ. Оба эти процесса также повлияли на изменение правил глобального экономического управления.

Система долгосрочного глобального экономического управления формируется, с одной стороны, под влиянием рынков, а с другой – демократии. Таким образом, постоянное давление инвесторов, которое выражается в росте биржевых индексов и других финансовых показателей, уравновешивается медленным и сложным процессом принятия решений, осуществляемым парламентами и правительствами в рамках многосторонних организаций и встреч. Существует огромная разница между скоростью воздействия инвесторов и скоростью коллективного действия в экономическом управлении, особенно во времена кризиса. Это видно на примере деятельности G20, а также на примере процессов, которые разворачивались на региональном европейском уровне во время финансового кризиса.

Спусковым механизмом для развития международной системы экономического регулирования стал экономический кризис [Mayer-Foulkes 2009; Frieden 2012]. Азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг., ипотечный и финансовый кризис 2008 г. и современный кризис суверенного долга в отдельных европейских странах привели к глобальным экономическим изменениям [Lianou 2012], начиная с создания новых региональных и международных органов и форумов (процедурные изменения) и заканчивая, по сути, созданием новых правил.

Таким образом, глобальное экономическое регулирование, набравшее силу в результате долгосрочных (глобализация и демократизация) и краткосрочных (финансовый кризис) факторов и способствовавшее росту государственного сектора («государство вернулось»), – это процесс, в котором участвует множество заинтересованных сторон [Khanna 2012; Petersmann 2011].

Процесс установления норм обычно проходит в четыре этапа: сигнализирование, инициирование, формирование и принятие решения. На каждом этапе участники изменяются, при этом существует общая тенденция к сокращению их числа (табл. 1).

Таблица 1

Участники глобального экономического управления

Этап	Инструмент	Принципы	Участники
Сигнализи- рование	Сигналы финансо- вых рынков, со- общения в прессе, гражданские ини- циативы	Рыночная эко- номика, демо- кратия, прозрач- ность, ответст- венность	Широкий круг. Частный бизнес, частично государ- ственный и государствен- ный сектор. Фондовая биржа, СМИ, рейтинго- вые агентства, пресса
Иницииро- вание	Мнения, анализ, предложения	Легитимность частного, час- тично государ- ственного и госу- дарственного сектора	Широкий круг. Частный бизнес, частично государ- ственный и государствен- ный сектор
Формирова- ние	Внесение норм на рассмотрение	Компетенция экспертов, спе- циальный мандат	Среднее количество. Го- сударственные органы, международные органи- зации. Возможность по- лучения ответной реак- ции от участников фор- мирования норм
Принятие решения	Принятие норм	Демократия, прозрачность, ответственность государственно- го сектора	Узкий круг. Государст- венные органы (возможна передача полномочий частному или специаль- ному органу)

На этапе сигнализирования широкий круг заинтересованных лиц указывает на имеющиеся проблемы и подвергает тщательному анализу существующие междуна-
родные нормы (или обращает внимание на отсутствие таковых). Среди таких проблем следующие: изменение капиталов и доли компаний в различных секто-
рах экономики, границы суверенитета, а также настроения и чувства общества (в том числе некоммерческих организаций) и СМИ. Обычно круг тем очень ши-
рок, поэтому на следующих этапах участники решают, каким вопросам отдать приоритет.

На этапе инициирования участники определяют проблему и в целях пропа-
ганды коллективного действия демонстрируют ее международные последствия. На этом этапе круг участников велик: начиная с частного бизнеса, лобби, СМИ,

неправительственных организаций и заканчивая ученым сообществом и государственным сектором.

На этапе формирования число заинтересованных сторон уменьшается. Соответствующие международные организации, опираясь на свои нормы, разрабатывают проекты норм. Частный, промышленный или государственный сектор (или их сочетание) обеспечивают финансы. Ниже мы приведем примеры для каждого варианта.

На этапе принятия решения количество участников ограничивается до компетентного органа, принимающего решение. Нормативные правила утверждаются исключительно государственными органами.

Вовлеченность разных категорий участников усложняется из-за трех факторов.

Во-первых, вопросы глобального экономического управления сложны сами по себе, при этом нормы и правила оказывают сильное влияние на разных участников. Это явно прослеживается в банковском и финансовом секторе, в сфере экономической координации, валютных переговоров, торговых правил, бухгалтерском учете, уклонении от уплаты налогов и др. Примером теории расширенного участия [Pigman 2006] на этапе инициирования может послужить Давосский форум (Всемирный экономический форум). Его задача – неформальный обмен мнениями между правительствами, частными международными организациями, представителями региональной промышленности, международными и региональными организациями, НПО и научным сообществом. Его влияние на реальное управление ограничено, но он определенно играет роль катализатора.

Во-вторых, увеличивается географический охват многостороннего экономического регулирования. С развитием глобализации и появлением новых мировых игроков в экономике, таких как страны БРИК, не только растет число субъектов, но и вовлекаются новые региональные организации.

Появление новых участников также является результатом изменения роли государства. В глобализованном мире существуют задачи, которые государства делегируют на более высокий уровень (межрегиональным или многосторонним организациям) или более низкий (на уровень административно-территориальных образований или даже частным субъектам). Примером многостороннего сотрудничества являются отраслевые (например, ВТО) или географические (например, Европейский союз, Африканский союз, АСЕАН и др.) соглашения. Примером делегирования на уровень административно-территориальных образований могут служить бухгалтерские стандарты, где бизнес принимает главные решения, а государственный сектор исполняет их.

3. Глобальное регулирование и его участники: три примера

Как уже было сказано выше, на двух первых этапах – сигнализации и инициирования – наблюдается большое разнообразие участников. Это подразумевает, что степень их влияния на формирование окончательных правил невелика, но не означает, что они в меньшей степени вовлекаются в управление. Главная задача этих участников, их ключевая роль – подтолкнуть тех, кто принимает решения, и запустить политический процесс.

Когда дело доходит до следующих двух стадий – формирования и принятия решения, – влияние тех, кто конкретно участвует в принятии норм, возрастает. Ниже мы рассмотрим три примера глобального экономического регулирования

в зависимости от особенностей участников: частным, формально-юридическим и государственным. Таким образом, мы можем утверждать, что существует три модели управления: руководимое частным бизнесом, формально-юридическими организациями и государственным сектором.

Для анализа этих моделей возьмем три примера.

3.1. Глобальное регулирование и частный сектор: пример международных бухгалтерских стандартов

Первый пример связан со стандартами бухгалтерской отчетности. Поводом для их упорядочения в международном масштабе стал тот факт, что различия в системах бухгалтерской отчетности разных стран иногда приводят к искажению информации, необходимой участникам рынка, например данных, касающихся рынков капиталов и налоговой сферы. В период банковских кризисов негативное влияние искаженной информации усиливается, как это случилось в 2008 г. Результатом создания общепризнанных стандартов бухгалтерской отчетности должно стать утверждение сопоставимых прозрачных международных стандартов для экономических субъектов и в итоге создание поля с равными условиями игры.

Этим процессом руководит Совет по международным стандартам финансовой отчетности (СМСФО), который разработал свод бухгалтерских правил под названием Международный стандарт финансовой отчетности (МСФО). Их используют многие страны: члены ЕС, Индия, Россия, Австралия, Южная Африка и Гонконг. К августу 2008 г. больше 113 стран мира требовали или разрешали оформлять отчетность согласно МСФО, а 85 стран обязывали свои компании использовать МСФО.

СМСФО – это международная частная организация. На мировом уровне есть только две структуры, утверждающие бухгалтерские стандарты: Совет по международным стандартам бухгалтерского учета и Совет по стандартам финансового учета США. Конвергенция (или ее недостаток) стандартов этих двух организаций – главный сигнал региональным разработчикам, которые следят за тенденциями в этой области, и странам, планирующим принять МСФО на законодательном уровне в качестве обязательной системы финансовой отчетности.

В 2001 г. в ходе реорганизации Комитета по Международным стандартам финансовой отчетности³ была образована независимая международная организация по установлению стандартов – Совет по международным стандартам финансовой отчетности (СМСФО). В состав СМСФО входят Фонд МСФО (независимая организация, в структуре которой два основных органа – Попечители и СМСФО), а также Консультативный совет МСФО и Комитет по разъяснениям международных стандартов финансовой отчетности. Попечители Фонда МСФО назначают членов СМСФО, осуществляют надзор и изыскивают необходимые средства, при этом СМСФО ответственен за принятие международных стандартов финансовой отчетности. В состав Консультативного совета МСФО входят около 45 человек. Начиная с 2012 г. в СМСФО входит 16 членов совета, из которых назначаются Председатель и один или два заместителя Председателя. Для обеспечения многообразия международного состава с июля 2012 г. в СМСФО назначается по четыре члена из Азиатского/Австралийского региона, четыре – из Европы, еще четыре – из Северной Америки, и два – из любого региона с учетом необходимости под-

³ Комитет по Международным стандартам финансовой отчетности (IASB) был основан в 1973 г. для разработки и распространения стандартов бухгалтерского учета среди стран.

держивать географический баланс. Для опубликования Стандарта, проекта или окончательного толкования Комитета по разъяснениям МСФО не требуется единогласного голосования. Руководство Правления по принятию стандартов от 2008 г. гласит, что для решения вопроса требуется одобрение девяти членов.

Основные участники

Участники Совета по международным стандартам финансовой отчетности – это представители как частного, так и государственного сектора. К первому относятся бизнес, например инвесторы и крупнейшие предприниматели, а также аналитики, бухгалтеры, поставщики, заказчики и служащие. Государственный сектор охватывает правительства, государственные учреждения и органы, занимающиеся финансовой отчетностью.

Несмотря на то, что на этапе инициирования и подготовки проекта стандартов главную роль играет частный сектор, политики также участвуют в процессе. Так, после Питтсбургского саммита в 2009 г. лидеры «Большой двадцатки» призвали Совет по международным стандартам финансовой отчетности и Совет по стандартам финансового учета США сблизить свои стандарты. Кроме того, лидеры G20 советовали СМСФО «привлекать большее число участников», поскольку при формальной легитимности СМСФО как разработчиков стандартов существует мнение, главным образом в политической среде ЕС, что к пользователям этих стандартов не всегда прислушиваются и их не вовлекают в управление СМСФО.

Между ЕС и мировыми организациями в этой сфере существует взаимное влияние. На первом этапе Европейский союз был вовлечен в формирование и разработку международных технических регламентов. Эта проходило в двух формах: в виде дискуссий между представителями СМСФО и министрами финансов ЕС и в виде высказывания позиции ЕС в рамках G20. Но когда нормы СМСФО были приняты, они стали обязательными на территории ЕС.

Влияние глобального регулирования на ЕС

Этот тип регулирования оказывает прямое влияние на руководство ЕС. По законам ЕС зарегистрированные в ЕС компании при подготовке своих сводных финансовых отчетов обязаны придерживаться МСФО для составления подобных отчетов начиная с 2005 г. Между тем пока МСФО по существу не имеют юридической силы, они должны быть включены в нормативно-правовую систему ЕС.

Принятие новых стандартов бухгалтерского учета в ЕС происходит после комитологической процедуры. Она включает два этапа: составление проекта и принятие решения. Этап составления проектов осуществляется Европейской консультативной группой по финансовой отчетности (EFRAG) – частной организацией, созданной в 2001 г. крупными европейскими участниками европейского рынка капитала с целью помочь Европейской комиссии утвердить МСФО через рекомендации относительно качества таких стандартов. Затем комиссия на основе рекомендаций EFRAG готовит проект нормативов, а Комитет по регулированию норм бухгалтерского учета голосует по нему.

На этапе принятия решения законодатели ЕС (Европейский парламент и Совет) в рамках нормативной процедуры проверки могут отклонить стандарт, разработанный комиссией, либо проект стандарта становится нормативной регулирующей базой.

Продолжительность процедуры

Промежуток времени между выявлением проблемы на стадии инициирования и принятием обязательных стандартов может сильно отличаться.

В сложных ситуациях процесс регулирования оказывается неудачным. Так было с МСФО по страхованию, работа над которым ведется 15 лет и до сих пор не закончена. Аналогичная ситуация с МСФО-9 по финансовым инструментам: процедура одобрения в ЕС была приостановлена в ноябре 2009 г. сразу после того, как EFRAG представил свои рекомендации по проекту, и с тех пор не сдвинулась с места.

В более удачных ситуациях, например в случае с МСФО-10 для сводных финансовых отчетов, между опубликованием проекта СМСФО и датой начала фактической реализации прошло три года. Это было политически деликатное дело, и политическое давление финансового кризиса помогло достаточно быстро добиться принятия окончательных стандартов.

Внедрение международных стандартов в законодательство ЕС занимает приблизительно 8 месяцев, если процедура одобрения проходит гладко. Если говорить конкретно, законодательный процесс принятия отдельных стандартов в ЕС происходит в соответствии с комитологической процедурой и осуществляется в несколько этапов:

- СМСФО представляет стандарт;
- EFRAG проводит консультации, выносит рекомендации и оценки (приблизительно 2 месяца);
- Комиссия утверждает проект нормативов (1 месяц);
- Комитет по регулированию норм бухгалтерского учета проводит голосование (2 месяца);
- рассмотрение Европейским парламентом и Советом (до трех месяцев);
- Комиссия одобряет и публикует стандарт.

3.2. Глобальное регулирование на формально-юридическом уровне: пример регулирования банковского капитала

Управление достаточностью банковского капитала – типичный пример глобального регулирования. Глобализация экономики и связанная с ней финансовая интеграция привели к взаимозависимости этих сфер деятельности⁴. Риск негативных международных последствий в случае неисполнения договора системообразующими финансовыми институтами очень велик, как мы убедились во время финансового кризиса 2008 г. Поэтому на благо всего общества необходимо укреплять финансовую стабильность частных кредитных организаций, требуя от них держать более крупные и ликвидные активы. Ввиду глобального характера международного финансового сектора необходимы международные регулирующие нормы. В то же время введение подобных правил имеет серьезные финансовые последствия: от них зависят до 20–25 % доходов банков. ОЭСР подсчитала, что среднесрочное влияние третьего Базельского соглашения на рост ВВП колеблется от – 0,05 % до – 0,15 % в год.

Основные участники

Процесс регулирования проходит в рамках так называемого Базельского соглашения. Его главными участниками являются регламентирующие органы, выступающие как эксперты, и специализированные организации, осуществляющие надзор за банковским сектором. Также участвуют частные, государственные и смешанные субъекты (см. табл. 2). Количество участников в данном случае сов-

⁴ «Предотвращение последствий глобальной экономики». Выступление Жан-Клода Трише, председателя правления Европейского центрального банка в Бреттон-Вудском комитете на заседании Международного совета в Вашингтоне 23 сентября 2011 г.

падает с количеством наиболее важных официальных органов, в рамках которых вопрос о финансовом регулировании ставится на международном уровне – Банк международных расчетов (BIS, Базель) и в первую очередь входящий в него Базельский комитет по банковскому надзору (BSBS).

Таблица 2

Участники Базельского процесса

	Государственные	Частные	Смешанные
Наднациональные	G10 ⁵ , G20 ⁶ , G77 ⁷ , Европейский союз, Банк международных расчетов, Базельский комитет по банковскому надзору, Ведущая Базельская группа по надзору, Совет финансовой стабильности, МВФ ⁸ , Всемирный банк, Международная организация комиссий по ценным бумагам ⁹ , Совет по международным стандартам бухгалтерского учета, Совет по стандартам финансового учета	Ведущие банки, финансовые рынки, хедж-фонды, разработчики финансовых инструментов, аналитики финансовых рисков, агентства кредитных рейтингов, СМИ	Банки и инвестиционные компании, агентства кредитных рейтингов и управления рисками, профессиональные экономисты, G30 ¹⁰ и Институт международных финансов
Национальные	Исполнительная ветвь власти, финансовые министры, центральные банки, финансовая инспекция, законодатели и подкомитеты	Крупные национальные банки и корпорации, пенсионные фонды, индустрия страхования, промышленные ассоциации и лоббисты	Федеральный резервный банк Нью-Йорка, предприятия, финансируемые правительством
Субнациональный	Государственные органы банковского надзора	Местные банки, частные лица	

Этот в значительной степени юридически обусловленный процесс был одобрен политическими лидерами G20. На саммите 2010 г. в Сеуле лидеры «Большой двадцатки» подписали Базельское соглашение III. В ноябре 2011 г. на саммите

⁵ «Группа десяти» (экономическая) – группа, состоящая первоначально из десяти, а сейчас из одиннадцати промышленных стран.

⁶ «Большая двадцатка» ведущих экономик – это 19 стран плюс Европейский союз, которые контролируют более 80 % мирового товара/торговли и охватывают две трети мирового населения.

⁷ «Группа семидесяти семи», действующая в рамках ООН, – это широкая коалиция развивающихся стран, цель которых – продвигать свои коллективные экономические интересы и укреплять совместную позицию в ООН.

⁸ Международный валютный фонд.

⁹ Международная организация комиссий по ценным бумагам – ассоциация организаций, которая регулирует мировые ценные бумаги и фьючерсные рынки.

¹⁰ «Группа тридцати» – международный институт, объединяющий ведущих финансистов и ученых, цель которых – углубить понимание экономических и финансовых проблем и изучить последствия решений, принятых в государственном и частном секторе для их решения.

в Каннах лидеры подтвердили важность применения рекомендаций третьего Базельского соглашения.

Влияние глобального регулирования на ЕС

Финансовый кризис в ЕС побудил международные и межрегиональные силы ЕС развивать эффективную политику для преодоления фундаментальных проблем. Необходимость нового капитала была вызвана соотношением собственного и заемного капиталов, качеством капитала, ростом кредитов, уровнем запаса ликвидных средств, необходимостью проводить политику управления рисками и наблюдения за банковским сектором [Bill... 2010].

В условиях ЕС расширение финансового кризиса подвергало регулирование финансовых институтов нежелательному риску. Согласно оценкам МВФ, потери европейских кредитных организаций в результате кризиса в 2007–2010 гг. приближались к 1 млрд евро, или 8 % ВВП ЕС.

Для того, чтобы восстановить стабильность в банковском секторе и обеспечить приток кредитов в реальную экономику, ЕС и страны – члены сообщества предприняли беспрецедентные меры, оплаченные в конечном счете налогоплательщиками. В этой связи в октябре 2010 г. Европейская комиссия выделила 4,6 млрд евро в качестве государственной помощи финансовым организациям, из которых более 2 млрд евро были использованы в 2008–2009 гг.

Что касается утверждения стандартов в ЕС, то «Базельский процесс» стал исходной точкой законодательного процесса по юридическому закреплению обязательного применения Базельского соглашения.

Этот процесс осуществляется сверху вниз. Сначала ЕС принимает юридически обязательные нормы, а затем, на втором этапе, эти нормы внедряются в национальное законодательство. Таким образом, постановления ЕС могут быть двух видов: во-первых, директивы, не имеющие прямого действия и требующие внедрения в национальное законодательство через национальные парламенты; во-вторых, постановления, напрямую действующие в национальной юрисдикции. В обоих случаях на уровне ЕС законодателями выступают Европейский совет и Европейский парламент. Впоследствии государства – члены ЕС предпринимая необходимые законодательные шаги на национальном уровне, чтобы законы ЕС имели полную силу.

Что касается реализации постановлений в ЕС, контроль над новыми требованиями к капиталу возложен на европейские контролирующие органы (Европейскую банковскую организацию, Европейскую организацию по ценным бумагам и рынкам, Европейскую организацию страхования и пенсионного обеспечения) и Европейский совет по системным рискам. На национальном уровне их исполнение (надзор за институтами, упомянутыми в IV Директивах о требованиях к капиталу) поручено соответствующим национальным органам.

Ярким примером формально-юридического регулирования на уровне Европейского союза является доклад Жака де Ларозиера. В октябре 2008 г. Европейская комиссия попросила его совместно с группой ведущих экспертов разработать и внести свои предложения по дальнейшему финансовому регулированию и контролю в ЕС. В скором времени эта информация нашла свое отражение в законодательных предложениях Комиссии и в законах ЕС.

Продолжительность процедуры

Формально-юридическое регулирование в рамках Базельского процесса занимает около 7 лет от выявления проблемы до принятия юридически обязательных правовых норм (табл. 3). Четыре года требуется для технического согласования на международном уровне, около двух лет – для принятия законопроектов в ЕС, оставшееся время необходимо для внедрения законов ЕС в национальные правовые системы и их реального исполнения.

Таблица 3

График реализации Базельского процесса

Год	Деятельность	Примечание
2007	Выявление проблемы	Начало кризиса субстандартного ипотечного кредитования
2009 апрель	Глобальное управление – политический уровень – G20	Решение о борьбе с кризисом совместными международными усилиями
2009 сентябрь	Глобальное управление – формально-юридический уровень	Соглашение между центральными банками и руководителями органов государственного надзора о мерах по усилению регулирования банковского сектора
2010 ноябрь	Глобальное управление – политический уровень – G20	Формальное принятие Базельских соглашений III
2010 декабрь	Глобальное управление – формально-юридический уровень	Публикация третьего Базельского соглашения («Базель III»)
2011 июль	Региональное (ЕС) управление – формально-юридический уровень	Публикация предложений Европейской комиссии по пересмотру Директив о требованиях к капиталу (IV Директивы о требованиях к капиталу)
2011 ноябрь	Глобальное управление – политический уровень – G20	Обязательство начать переход на «Базель III» с 2013 г.
(Предположительно) 2012 декабрь	Региональное (ЕС) управление – уровень принятия решений	Принятие четвертых Директив о требованиях к капиталу в законодательстве ЕС
с 2013	Национальное управление (ЕС) – реализация	Правовое обеспечение исполнения в рамках национального законодательства

3.3. Государственное регулирование: координация экономической политики

Глобальный финансовый кризис, начавшийся в 2008 г., выявил необходимость усиления координации экономической политики ведущих глобальных экономик. Цель – определить общие задачи, разработать политику для их решения и общую оценку развития. Основой глобальной системы экономического регули-

рования в данном случае является стремление сократить, насколько это возможно, накопление экономических диспропорций.

На саммите 2009 г. в Питтсбурге «Группа двадцати» обязалась работать сообща, чтобы обеспечить устойчивое восстановление и рост в среднесрочной перспективе. Для этого было разработано Рамочное соглашение об уверенном, устойчивом и сбалансированном росте (FfG). Возможность для каждой страны достичь своих целей частично зависит от действий других. Рамочное соглашение – это совместное признание членами G20 необходимости работать сообща. Признается, что национальные мероприятия выиграют от глобального подхода. Выявление самых эффективных методов и побочных эффектов структурной политики в одной стране или группе стран может положительно повлиять на их политику в области развития и обеспечения занятости. Основой FfG является процесс взаимных оценок (MAP). Процесс взаимных оценок – инструмент мониторинга и координации внутренних экономических политик. Предполагается, что этот процесс помимо всего прочего поможет государствам избежать глобального дисбаланса и постепенно исправить его, усилить устойчивый и сбалансированный рост, увеличить количество рабочих мест способствовать структурным реформам.

Подобного рода политическая координация на глобальном уровне – новое явление. Учитывая, что экономическая политика – это сущность государственного суверенитета, она не может развиваться быстро и требует исключительно мягких мер.

На практике процесс взаимной оценки может быть успешным только в том случае, если он поддерживается анализом сбалансированной политики. Именно поэтому «Группа двадцати» попросила МВФ проанализировать, действительно ли политика каждой страны соответствует задачам более устойчивого и сбалансированного роста в целом. G20 обратилась в фонд с просьбой оказать техническую поддержку: разработать примерные рекомендации по выявлению дисбалансов и оценить прогресс, достигнутый в исполнении обязательств, взятых членами G20. Кроме того, Всемирный банк попросили высказать свое мнение по поводу успехов в содействии развитию и снижении бедности как части политики по достижению сбалансированного глобального роста.

Основные участники

В данной сфере регулирования на этапе формирования и принятия решений участвуют государственные акторы: страны и государственные финансовые органы. Они участвуют потому, что объектом управления является макроэкономическая, финансовая и структурная политика, которая находится в ведении выбранных через парламентский процесс субъектов и исполняется правительствами и центральными банками.

Характер данного типа управления сдержанный. Оно не имеет обязательной юридической силы и представляет собой скорее политическое соглашение. В конце каждой встречи глав правительств и министерств стран «Большой двадцатки» публикуется заключительное коммюнике, в котором прописываются согласованные направления работы и общие обязанности членов. Кроме того, G20 не имеет учредительного документа и постоянного секретариата. Большинство методов работы лидеров G20 были заимствованы у G7/G8.

Влияние глобального регулирования на ЕС

Взаимодействие глобального и регионального регулирования на уровне ЕС происходит в двух направлениях. С одной стороны, ЕС активно выступает за глобальную координацию действий в рамках G20. С другой стороны, ЕС и его члены должны придерживаться подписанных международных соглашений.

ЕС может стимулировать развитие глобального регулирования. После мирового кризиса 2008 г. Европейский союз действительно провел различные мероприятия в одном направлении, на двух из них мы остановим свое внимание. Первое имело принудительный характер (что невозможно представить на глобальном уровне) и было направлено на устранение чрезмерных дисбалансов. Комиссия оценила макроэкономические дисбалансы в 27 странах – членах ЕС и предложила Совету ряд мер. Совет принял решение рекомендовать странам-членам применить данные меры. В случае их несоблюдения для членов еврозоны предполагались санкции. Другой пример юридически обязательных норм, на этот раз межправительственного характера, – Соглашение о стабильности, координации и управлении в рамках экономического и валютного союза. Он устанавливает обязанности для подписавших его сторон – членов еврозоны среди прочего в финансовой сфере.

Второе мероприятие имело необязательный характер. Оно представляло собой политическое обязательство развивать меры для предотвращения дисбалансов и было реализовано через «Пакт евро плюс» (политическое соглашение между 25 членами ЕС).

Как объект глобального управления ЕС и его члены подчиняются порядкам G20, которая определяет общие задачи и принципы для стран-членов и международных финансовых организаций. Что касается общего надзора, прямую поддержку «Большой двадцатке» оказывает МВФ; контролем соблюдения экономических нормативов, регулированием и надзором на микроуровне занимается Совет по финансовой стабильности.

Реализация процесса взаимной оценки членами G20 заключается в общей ответственности за проведение политики по поддержанию жизнеспособной международной финансовой системы. С этой целью разные страны разрабатывают свои стратегии. В еврозоне всеобщая стратегия кризисного управления реализуется на базе бюджетной консолидации и реформы, направленной на восстановление надежности государственных финансов и регулирование конкуренции.

Продолжительность процедуры

Чтобы достичь заключения политических соглашений, которые на глобальном уровне регулировали бы проведение такой политики, потребовалось пять лет (см. табл. 4). Два года понадобилось для разработки принципов глобального управления в этой области. В настоящий момент лидерам еще только предстоит достичь согласия по поводу общего подхода к оценке прогресса. Пока никаких серьезных шагов не предпринято, и реальное влияние данного вида регулирования слабое. Мониторинг выполнения принятых обязательств, осуществляемый при технической поддержке МВФ, еще не окончен.

Таблица 4

Сроки исполнения Рамочного соглашения по обеспечению уверенного, устойчивого и сбалансированного роста

Год	Деятельность	Примечание
2007	Выявление проблемы	В результате кризиса признана необходимость координировать политические действия
2009	Саммит «Большой двадцатки» в Питтсбурге	Подписание Рамочного соглашения по обеспечению уверенного, устойчивого и сбалансированного роста (FfG), разработка процесса взаимной оценки (MAP)
2010	Саммит «Большой двадцатки» в Сеуле	Обязательство реагировать на ключевые дисбалансы, которые угрожают росту, улучшать процесс взаимной оценки и поддерживать политические действия
2011	Саммит «Большой двадцатки» в Каннах	Соглашение по поводу: 1) ключевых показателей (государственный долг, финансовый дефицит, норма частных сбережений, негосударственная задолженность и внешний платежный баланс; 2) ориентировочных критериев выявления крупных дисбалансов; 3) каннскому Плану действий по поощрению экономического роста и созданию рабочих мест
2012	Саммит «Большой двадцатки» в Лос-Кабос	Согласован План действий по поощрению экономического роста и созданию рабочих мест. Лидеры обязались: а) принять меры для повышения спроса, поддержки глобального роста и восстановления доверия, принять меры по избежанию кратко- и среднесрочных рисков, увеличить количество рабочих мест и уменьшить безработицу; б) улучшить процесс оценки

Подводя итоги по этим трем примерам глобального регулирования, сделаем некоторые замечания. Очень важно, что на ранних стадиях глобального экономического регулирования вовлекается много участников. Однако окончательное решение остается за суверенными, то есть национальными, государствами. Как следствие сложности экономического управления появились принципиально новые возможности вовлечения глобальных участников.

Для разработки общемировых стандартов суверенные государства делегируют полномочия другим участникам. В случае с международными стандартами бухгалтерской отчетности суверенные государства отдают право устанавливать общемировые стандарты представителям частного сектора, который обязывает страны придавать им юридически обязательный характер. В случае с требованиями к банковскому капиталу суверенные государства возлагают ответственность на формально-юридические организации, в том числе органы государственного надзора и центральные банки, чтобы те разработали проект международных норм, которые впоследствии будут внесены в законодательство отдельных государств. В таких областях, как макроэкономическая координация, не все государства готовы делегировать свои полномочия другим участникам и на данный момент согласны координировать свою политику только частично.

Во всех трех случаях Европейский союз – это часть глобального управления. С одной стороны, он выступает как агент, руководящий глобальным управлением, а с другой – как передаточный механизм, который диктует глобальные правила странам – членам ЕС.

4. Участники «Большой двадцатки»

«Большая двадцатка» играет заметную роль в экономическом регулировании. Ее участники – это государства, региональные организации и международные организации [Wouters, Van Kerckhoven 2011].

Результаты ее деятельности уже видны. Так, страны с развивающейся рыночной экономикой (например, БРИКС) используют G20 для того, чтобы усилить свои позиции в таких международных организациях, как МВФ. «Большая двадцатка» призвала МВФ к реформированию системы распределения квот и принципов управления. Когда реформа будет закончена, более 6 % квот от государств-членов с чрезмерным представительством будут перераспределены в пользу стран с недостаточным представительством и более 6 % квот – странам с динамично развивающейся рыночной экономикой и развивающимся странам. С учетом перераспределения квот Китай станет третьим по размеру квоты государством – членом МВФ, а страны БРИКС войдут в число 10 крупнейших членов Фонда.

Роль и позиция европейских субъектов в «Группе двадцати» очень важна. Что касается членства, в G20 входит четыре члена ЕС (Германия, Франция, Великобритания и Италия) и сам ЕС. Такое «двойное представительство» сложилось исторически (эти четыре страны были членами G7/8) и является абсолютно законным. Председатель Европейского совета и председатель Совета Европейского союза совместно с Еврокомиссией и Европейским центральным банком представляют Европейский союз, в то время как четыре европейские страны представляют свои собственные интересы, не входящие в компетенцию ЕС. Возможность объединения представительства членов еврозоны на международных форумах по вопросам, касающимся экономического и валютного союза, предусмотрена в ст. 138 Договора о функционировании Евросоюза, но до сих пор не была в полной степени реализована.

Расширение и открытость «Большой двадцатки» – аспекты, которые определяют легитимность G20 и ее влияние на глобальное регулирование. Более широкое взаимодействие со странами, не входящими в «Группу двадцати», и привлечение негосударственных субъектов могли бы увеличить легитимность G20. Вот почему, начиная с первого саммита, G20 приглашает на встречи страны, не являющиеся членами «двадцатки», большинство из которых представляют международные организации (см. табл. 5).

На Сеульском саммите в 2010 г. лидеры «Большой двадцатки» впервые открыто признали необходимость консультаций с более широким международным сообществом и обязались умножить усилия с целью проведения Группой двадцати консультаций на более систематической основе, опираясь на конструктивное партнерство с международными организациями, в особенности с ООН, региональными организациями, гражданским обществом, профсоюзами и научным миром.

Таблица 5

Страны – не члены G20, приглашенные на саммиты «Группы двадцати»

	Вашингтон	Лондон	Питтсбург	Торонто	Сеул	Канны	Лос-Кабос
Бенин							АС ¹¹
Камбоджа							АСЕАН ¹²
Чили							СЕЛАК ¹³
Колумбия							*
Экваториальная Гвинея						АС	
Эфиопия		НЕПАД ¹⁴	НЕПАД	НЕПАД	НЕПАД	НЕПАД	
Малави				АС	АС		
Сингапур					3G ¹⁵	3G	
Таиланд		АСЕАН	АСЕАН				
ОАЭ						ССАГП 3 ¹⁶	
Вьетнам				АСЕАН	АСЕАН		
Испания	*	*	*	ЕС	*	*	*
Нидерланды	*	*	*	*			

В 2012 г., когда председателем G20 была Мексика, негосударственные субъекты принимали наиболее активное участие как в подготовительном процессе (председатель G20 встречался с представителями деловых и научных кругов, трудовых и гражданских сообществ), так и непосредственно на самом саммите. Результатом вовлечения представителей частного и гражданского секторов стало проведение Бизнес-саммита («Бизнес-двадцатка»), Саммита по труду (Labour 20/L20), Саммита организаций гражданского общества (civil society/CS20) и Саммита научно-исследовательских центров (Think Tank-20/T20), а также Саммита молодых предпринимателей (Young Entrepreneurs Summit/G20), Молодежного саммита (Youth 20), конференции «Rethinking G20» и Саммита для девушек (Girls 20). Эти группы представляют абсолютно всех участников процесса глобального регулирования на этапе инициирования в рамках глобального управления. Свой вклад в процесс принятия решений неправительственные участники вносят в виде документов, излагающих их позицию, рекомендаций и тематических отчетов пред-

¹¹ Африканский союз.

¹² Ассоциация государств Юго-Восточной Азии.

¹³ Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна.

¹⁴ Новое партнерство для развития Африки.

¹⁵ Группа глобального управления.

¹⁶ Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива.

седателям «Группы двадцати», шерпам и/или рабочим группам. Все эти негосударственные субъекты фигурировали в Лос-Кабосской Декларации лидеров G20.

Относительно таких участников глобального регулирования, как международные организации, интересно отметить, что «Группа двадцати четырех», которая координирует позиции развивающихся стран по финансовым вопросам и проблемам развития, больше других критиковала ЕС в связи с реформой МВФ на встречах делегатов в сентябре 2012 г. В «Группу двадцати четырех» входят Аргентина, Бразилия, Южная Африка, члены G20, а также Китай и Саудовская Аравия в качестве наблюдателей.

5. Участие заинтересованных сторон в глобальном регулировании: пример ЕС

Европейский союз может рассматриваться как лаборатория регионального экономического управления. Это единственная региональная организация, которая применяет нормативный подход. С одной стороны, ЕС разрабатывает юридически обязательные правовые нормы [Louis 2011], которые проходят все четыре стадии, описанные во втором разделе. На этапе инициирования и сигнализирования привлекаются различные заинтересованные стороны, в том числе частный сектор, СМИ, регионы, гражданское общество, научное сообщество и др. Разработка норм (следующий этап) полностью возложена на Европейскую комиссию. Этот процесс обычно проходит в форме консультаций Комиссии с различными заинтересованными сторонами (частным сектором, ассоциациями потребителей, НПО, международными партнерами, университетами).

В результате Комиссия публикует «Зеленый документ» (предложения) для общественного обсуждения со всеми заинтересованными сторонами. Если Комиссия решает продолжить работу над этим документом, она обычно выпускает «Белый документ» (набор официальных предложений). На следующем этапе Комиссия, согласно существующей процедуре, закрепленной в Договорах ЕС, выдвигает на рассмотрение законодателями правовой документ. Если речь идет об обычной законодательной процедуре, законодателями выступают Европейский парламент и Совет. Предложение Комиссии выражает интересы всего ЕС. На законодательном уровне Совет изучает проект с точки зрения интересов отдельных стран – членов ЕС, а Европейский парламент обычно представляет интересы ЕС. Такой законотворческий механизм гарантирует политический баланс интересов национальных участников и ЕС в целом.

Прочие методы, используемые в ЕС, носят мягкий, необязательный с юридической точки зрения характер: метод открытой кооперации, координация и влияние других членов [Cloos 2011]. Управление ЕС является предметом обсуждений и совершенствования [Eugorean... 2011].

Таким образом, ключевым игроком в процессе управления ЕС являются государственные участники (то есть страны). Они одновременно являются законодателями и разработчиками стратегии развития ЕС. Реализацию стратегии обеспечивает Европейский совет. Характерной чертой государств-участников является их развитие в результате выборного процесса в рамках демократической системы.

ЕС всегда внимательно следит за настроениями в национальных правительствах и парламентах. Это сложный процесс. Учитывая, что в ЕС 27 стран-членов, выборы здесь проводятся очень часто: на региональном, национальном и наднациональном уровнях. В среднем житель ЕС голосует больше одного раза в год.

С тех пор как в силу вошел Лиссабонский договор (2009), Европейский совет стал полноценным институтом Европейского союза с постоянным председателем. Это увеличило влияние европейских лидеров на формирование стратегических направлений ЕС. Во время экономического кризиса это нововведение доказало свою целесообразность. Финансовый кризис 2008 г. и последующий кризис суверенного долга в некоторых странах – членах ЕС, в том числе давление кризиса на еврозону, заставили лидеров союза взять бразды правления в свои руки. Число встреч увеличилось, все внимание было обращено на экономическое регулирование (см. табл. 6).

Таблица 6

Выводы Европейской комиссии – количество страниц, посвященных экономической политике

	Общее количество страниц	Количество страниц, посвященных экономической политике
1	2	3
2008		
Март	22	12
Июнь	25	3
Сентябрь	5	0
Октябрь	12	5
Декабрь	23	5
2009		
Март	23	12
Июнь	32	6
Октябрь	25	3
Декабрь	20	6
2010		
Март	12	8
Июнь	15	7
Сентябрь	13	1
Октябрь	6	3
Декабрь	13	11
2011		
Февраль	16	4
Март	35	27
Июнь	17	6

Окончание табл. 6

1	2	3
Октябрь	13	8
Декабрь	8	2
Общее количество страниц	335	129

Источник: European... N. d.

Кроме этого в управлении ЕС появились новые участники. В результате кризиса в еврозоне помимо стран – членов ЕС и собственно союза активную роль стали играть участники еврозоны, к которым принадлежат не только государства ЕС. Члены еврозоны и некоторые другие страны шли на более тесное сотрудничество на межправительственной базе вне контекста ЕС – в рамках Европейского фонда финансовой стабильности (ЕФФС), программы Европейского механизма финансовой стабилизации, Договора о стабильности, координации и управлении в экономическом и финансовом союзе [Gloggnitzer, Lindner, 2011; Blizkovsky 2011a; 2011b; Vegg 2011]. Это не противоречило деятельности ЕС, а являлось скорее вспомогательной мерой. Число встреч, посвященных экономическому кризису, как и их разнообразие, росло (официальные/неофициальные встречи на уровне ЕС, неформальные встречи участников еврозоны, межправительственные встречи).

Взглянув на взаимосвязь глобального и европейского управления, мы увидим как взаимозависимость, так и взаимное влияние [Renard, Bishop 2012]. ЕС и его страны-члены, с одной стороны, будучи активными участниками глобального экономического управления, формируют общемировые экономические правила. С другой стороны, ЕС является объектом воздействия глобального экономического регулирования и воплощает в жизнь то, что было решено на международном уровне.

Интересно сравнить мировой и европейский подход к различным аспектам экономического регулирования (табл. 7). Как видно из таблицы, они оказывают взаимное влияние друг на друга. Иногда опыт ЕС может быть полезен для более широкомасштабных проектов. Это касается макроэкономической, структурной политики и, возможно, области налоговой координации. В свою очередь глобальный пример управления может стимулировать ЕС на развитие таких сфер, как финансовая помощь и финансовая стабильность.

Таблица 7

Глобальное и европейское экономическое регулирование

Вопрос	Глобальное управление		Управление в ЕС		Примечание
	Форум	Инструмент	Форум	Инструмент	
1	2	3	4	5	6
Макроэкономическая политика	G20, G7/8	Рамочное соглашение об уверенном, устойчивом и сбалансированном росте, диалог	ЕС-27 ЕС-17, Еврогруппа, Евросаммит	Договор о ЕС, Пакт о стабильности и росте (SGP), «six pack» ¹⁷ , «two pack» ¹⁸ . Политическое руководство	Усиленная координация в ЕС (правовое регулирование). Источник воздействия на глобальное регулирование
			ЕС-25 ЕС-23	Договор о стабильности, координации и управлении в экономическом и валютном союзе (TSCG) «Пакт евро плюс»	
Валютная политика	G7, G20	Диалог	ЕС, ЕЦБ	Единая валюта	Регулирование еврозоны полностью согласовывается
Структурная политика	G8, G20	FfG, диалог	ЕС-27	Договор о ЕС, SGP, «six pack», «two pack»	Усиленная координация ЕС (правовое регулирование, координация, давление со стороны других членов)

¹⁷ Пакет из шести законодательных актов, вступивший в силу 13 декабря 2011 г. Он ввел новые правила надзора и контроля над состоянием государственных финансов.

¹⁸ Пакет из двух законодательных актов, дополняющих «six pack». Одобрен Еврокомиссией в 2011 г.

Продолжение табл. 7

1	2	3	4	5	6
			ЕС-17, Евро- группа, Евро- саммит ЕС-25 ЕС-23	Политическое руко- водство. Договор о стабильно- сти, координации и управлении в экономическом и валютном союзе «Пакт евро плюс»	Источник воздействия на глобаль- ное регули- рование
Финансо- вая по- мощь	МВФ	Займы	ЕС-27 ЕС-17	Займы для стран, не являющихся членами ЕС. ЕФФС ¹⁹ , Европей- ский стабилизацион- ный механизм, займы участникам еврозоны	Источник воздействия глобального регулирова- ния на евро- зону
Финансо- вая ста- бильность	G20, G8, ФФС ²⁰	Выяв- ление рисков	ЕС	ЕФФС – выявление рисков	Источник воздействия глобального регулирова- ния на ЕС
Финансо- вое регу- лирование	G20	Поли- тиче- ские обяза- тельств- ва	ЕС	Юридические обяза- тельства	Принуди- тельное ре- гулирование ЕС в соот- ветствии с политиче- скими обяза- тельствами
Требова- ния к бан- ковским капиталам	G20	Поли- тиче- ские обяза- тельств- ва	ЕС	За Базельским про- цессом следуют пра- вовые обязательства	ЕС регулиро- вание являет- ся продолже- нием гло- бального ре- гулирования
Базель- ский про- цесс	Базель ский про- цесс	Утвер- ждение стан- дартов			

¹⁹ Европейский фонд финансовой стабильности.²⁰ Форум финансовой стабильности.

Окончание табл. 7

1	2	3	4	5	6
Финансовое регулирование	G20	Политические обязательства	ЕС	Юридические обязательства	Принудительное регулирование ЕС в соответствии с политическими обязательствами
Требования к банковским капиталам	G20	Политические обязательства	ЕС	За Базельским процессом следуют правовые обязательства	ЕС регулирование является продолжением глобального регулирования
Базельский процесс	Базельский процесс	Утверждение стандартов			
Бухгалтерский учет	G20	Политические обязательства	ЕС	Правовые обязательства являются результатом процессов в Совете по международным стандартам бухгалтерского учета	ЕС регулирование является продолжением глобального регулирования
	Совет по международным стандартам бухгалтерского учета	Утверждение стандартов			
Координация налоговых систем и налоговой политики	Не применяется	Не применяется	ЕС	Добровольная координация	Мягкая координация в рамках ЕС. Источник воздействия на глобальное регулирование
			ЕС-25	«Пакт евро плюс»	

6. Заключение

В данной статье глобальное экономическое управление рассматривалось с точки зрения его участников. Можно сделать следующие выводы.

- В ходе глобализации возникла асимметричная ситуация: экономические процессы развиваются на глобальном уровне, но глобальное управление не успевает за ними.

- Говорить о субъекте глобального экономического управления необходимо с особой осторожностью. Его нельзя путать с глобальным экономическим *правительством*. Как бы ни была сильна взаимозависимость глобальной экономики, ответственность за принятие норм лежит на суверенных государствах.
- Глобальное управление обычно проходит четыре стадии: сигнализирование, инициирование, формирование и принятие решения. Что касается количества участников, то здесь вырисовывается пирамида: в начале процесса (основание пирамиды) участвует много заинтересованных сторон, в конце (на вершине пирамиды) их значительно меньше.
- На ранних этапах глобального управления, когда в процессе участвует большое количество сторон, привлекаются частный сектор, гражданское общество, СМИ, научное сообщество и государственный сектор. Число участников увеличивается с развитием глобализации, рыночной экономики, ростом взаимозависимости глобальных экономик. Недавний экономический кризис в разных частях света стимулировал развитие более глобального управления и новых процедур и институциональной организации.
- Те, кто принимают решения (имеются в виду суверенные государства), остаются на вершине пирамиды глобального регулирования. Только они принимают решения или делегируют право на принятие решения.
- ЕС одновременно является и субъектом, и объектом глобального регулирования. Разделение труда между ЕС и его членами затрудняет участие ЕС в глобальном управлении.
- Кризис суверенного долга в некоторых странах – членах ЕС способствовал появлению новых субъектов (еврозоны), а также новых процессов и норм.
- ЕС можно рассматривать как лабораторию экономического регулирования и пример сложности такого регулирования. В связи с этим стоит обратить внимание на те эффективные механизмы, которые могут способствовать усовершенствованию глобального управления. Сюда можно отнести хорошо отрегулированные правила и механизмы привлечения заинтересованных сторон к процессу принятия решений, а также разделение между разработкой и процессом принятия решений. С другой стороны, система глобального регулирования стимулирует ЕС к развитию регионального управления.

Перевод с английского К. А. Уховой

Литература

Begg I. The EU's Response to the Global Financial Crisis and Sovereign Debt Crisis: Economic governance under Stress? Workshop on Leadership, Decision-making and Governance in the EU and East Asia: Crisis and Post-crisis. EU Centre in Singapore, 21–22 November 2011. Singapore, 2011.

Bill Coen. The Basel Committee on Banking Supervision: Its Global Role and Current Initiatives. 2010. URL: <http://www.un.org/esa/ffd/events/2010GAWGFC/5/Coen.pdf>.

Blizkovsky P. Economic Governance and Solidarity: A Complex Relationship // The European Union and Economic Governance, *Studia Diplomatica* / Ed. by M. Lepoivre, J. Keller-Noellet, S. Verhelst. Vol. LXIV. № 4. Ghent : Academia Press, 2011 a.

Blizkovsky P. The New Economic Governance of the European Union: What it is and Who does What? Policy Brief Series, Issue 4, Dec 2011, National University of Singapore, Lee Kuan Yew School of Public Policy, Singapore, 2011b.

Cloos J. 'Incentive Governance // The European Union and Economic Governance, *Studia Diplomatica* / Ed. by M. Lepoivre, J. Keller-Noellet, S. Verhelst. Vol. LXIV. No 4. Ghent : Academia Press, 2011.

European Commission 2011: European Governance. A White Paper. COM(2001)428 final, Brussels, 25 July 2001.

European Council. N. d. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.european-council.europa.eu/council-meetings/conclusions?lang=en>.

Frieden J. Global economic governance after the crisis // Harvard University, Department of Government April 2012. Paper based on a lecture delivered to the German Economics Association (Verein für Socialpolitik), Frankfurt, 5 September 2011.

Global Studies Encyclopedia / Ed. by I. I. Mazour, A. N. Chumakov, W. C. Gay. Moscow : Raduga Publishers; Dialog, 2003. Pp. 283–286; 407–412.

Gloggnitzer S., Lindner I. Economic Governance Reform and Financial Stabilisation in the EU and in the Eurosystem – Treaty-based and Intergovernmental Decisions. *Monetary Policy and the Economy Q4*. 2011. Pp. 36–58.

Khanna P. How Multi-stakeholder is Global Policy? // *Global Policy*. 2012. Vol. 3. Pp. 384–390. doi: 10.1111/j.1758–5899.2011.00140.

Lianou M. Lessons from the Greek Tragedy: Europe Needs Economic Governance. *International*. N. p., 2012.

Louis J. V. The 'Enforcement' of Economic Governance // The European Union and Economic Governance, *Studia Diplomatica* / Ed. by M. Lepoivre, J. Keller-Noellet, S. Verhelst. Vol. LXIV. № 4. Ghent : Academia Press, 2011.

Mayer-Foulkes D. A. Long-term Fundamentals of the 2008 Economic Crisis. *Global Economy Journal*. 2009. Vol. 9, Issue 4. Article 6. *Advanced Studies in Economic Research* 18 (2012). Pp. 241–242.

Petersmann E. U. International Economic Law, 'Public Reason', and Multilevel Governance of Interdependent Public Goods // *Journal of International Economic Law* 14.01. 2011. Pp. 23–76.

Pigman G. A. A Multi-Stakeholder Approach to Global Governance. New York, NY : Routledge, 2006.

Renard T., Bishop S. The European Union and Emerging Powers in the 21st Century: How Europe Can Shape a New Global Order. Farnham : Asghate Publishing, 2012.

The Stanley Foundation. The Stanley Foundation's Thirty-Fourth United Nations of the Next Decade Conference Global Governance: Defining the United Nations' Leadership Role Adare Manor. Limerick, Ireland. June 13–18, 1999.

Wouters J., Van Kerckhoven S. The OECD and the G20: an Ever Closer Relationship? Leuven Centre for Global Governance Studies, Working Paper 71, July 2011.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ДИАЛЕКТИКА ИСТОРИЧЕСКИХ ФОРМ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

Гранин Ю. Д.

д. ф. н., заведующий кафедрой истории и философии науки
Академии медиаиндустрии, ведущий научный сотрудник
Института философии РАН.
E-mail: maily-granin@mail.ru

В статье анализируются социально-философское содержание понятия «глобализация», многообразие исторических форм осуществления глобализации человечества. Одной из последних и наиболее успешных исторических форм глобализации оказалась евроатлантическая модель объединения человечества, получившая название «вестернизация». Но будущее глобализации не связано с неизбежной вестернизацией стран второго мира. Нынешняя волна глобализации побуждает крупные региональные державы выработать собственные, культурно иные формы глобальных стратегий, препятствующие ее распространению в форме вестернизации.

Ключевые слова: глобализация, вестернизация, интеграция, империя, модернизация, нация, национализм, национальное государство, социальная философия.

The socio-philosophical meaning of the term «globalization», the diversity of historical forms of globalization of humanity are analyzed in the article. One of the last and most successful historical forms of globalization was the «Euro-Atlantic» unification model of humanity, called the «westernization». But the future of globalization is not associated with the inevitable westernization of the «second» world. The current wave of globalization induces major regional powers to produce their own cultural and other forms of global strategies to prevent its spread in the form of «westernization».

Keywords: globalization, westernization, integration, Empire, modernization, nation, nationalism, national State, social philosophy.

На протяжении последних лет тема глобализации и ее последствий остается в центре самых оживленных дискуссий. Казалось бы, формирование международных рынков, свободное движение капиталов из страны в страну, увеличение потоков мигрантов и туристов, образование транс-, интер- и наднациональных финансовых, экономических и политических институтов должны были бы сплотить народы и страны в некую глобальную целостность. Но глобализация пока идет таким образом, что не разрушает, а консервирует планетарную иерархию различных народов и наций. Ее очевидные, прежде всего экономические, преимущества для стран «Большой семерки» во главе с США для многих других оборачиваются значительными потерями, вызывая защитную реакцию противодействия.

Означает ли это, что будущее глобализации связано с неизбежной вестернизацией стран мировой «периферии» и «полупериферии»? Какой выбор сделают страны? Точный ответ, разумеется, даст будущее. А в данной статье, проанализировав основные интерпретации термина и уточнив социально-философское понимание глобализации, снимающее односторонность многих подходов, я попытаюсь показать, что нынешняя волна глобализации побуждает крупные региональные державы «полупериферии» вырабатывать собственные формы глобализационных стратегий, препятствующие ее распространению в формах вестернизации или культурной гибридизации. В теоретическом плане решение этой задачи осложняется тем, что в научном сообществе нет единства взглядов на природу, формы, характер и направления эволюции процессов глобализации.

* * *

Невзирая на то, что термин «глобализация» стал систематически использоваться лишь с конца 1980-х гг., уже спустя десятилетие был отмечен парадокс: хотя никому не понятно, что собой представляет глобализация, никто не сомневается в ее реальности. С тех пор ситуация не изменилась. По существу, каждый автор вкладывает в этот термин собственный смысл, содержание которого варьируется в зависимости от его идеологических предпочтений и дисциплинарной принадлежности. Поэтому любая серьезная попытка писать о глобализации должна, по мнению Р. Робертсона и Х. Хондкера, включать в себя анализ сходства и различия между дискурсами о глобализации [Робертсон, Хондкер 2004]. Но в корпусе работ, посвященных глобализации, эти дискурсы оказались переплетены так тесно, что произошла идеологическая абсолютизация концепта глобализации, с помощью которого зачастую пытаются объяснить все значительные изменения в современном мире, предварительно не выяснив сущности этого исторического феномена.

В отечественной литературе эта тенденция была замечена В. Л. Иноземцевым, остроумно сравнившим теорию глобализации с религиозной доктриной, «поскольку ряд основополагающих ее тезисов принимается на веру, а самые авторитетные ее адепты обычно уходят от обсуждения принципиальных проблем, словно боятся нарушить какое-то идеологическое табу» [Иноземцев 2004: 58]. К числу таких принципиальных проблем автор справедливо отнес вопросы о субъектах и движущих силах глобализации, которая, по его мнению, на самом деле есть не что иное, как вестернизация – начавшаяся с середины XV в. «экспансия “западной” модели общества и приспособление мира к потребностям этой модели» [Там же: 60].¹

Оставляя пока в стороне вопрос о наличии теории глобализации и продуктивности отождествления глобализации с вестернизацией, обратим внимание на реальные эпистемологические затруднения, возникающие в связи с возможностью ее существенно разных дисциплинарных и междисциплинарных (комплексных) трактовок, своеобразие которых, в свою очередь, объективно обусловлено, с од-

¹ Процесс глобализации, отмечает В. Л. Иноземцев, не может быть описан строгой теорией, поскольку глобализация «основана на привлекательности образов, которые мастерски создает, и на стохастических действиях миллиардов людей, которые и определяют тенденции, неизвестные ее “архитекторам”» [Иноземцев 2008: 37].

ной стороны, проникновением в социальные науки фундаментальных идей современной научной картины мира (НКМ), а с другой – конкурентоспособностью различных концептуализаций истории человечества, в пределах которых вопросы о движущих силах и субъектах глобализации либо элиминируются, либо интерпретируются различным образом.

Так, используя идеи универсального эволюционизма и категориальный аппарат синергетики, претендующей на то, чтобы стать ядром современной НКМ, глобализацию истолковывают, например, как «объективную эволюцию геобиосоциосистемы» [Чумаков 2005: 407]², или как *целевую функцию* нелинейного процесса самоорганизации социальной системы в суперсложный организм – Мегасоциум, который, будучи представлен локальными социальными организмами (социумами), в свою очередь, имеет идеальную программу жизненного цикла: проходит стадии зарождения, роста и умирания [Азроянц 2002: 65, 66, 248, 250]. В границах этой, как многие считают, новой парадигмы исторического знания глобализация человечества интерпретируется как этап «универсальной» или «глобальной истории», имеющей циклический характер.

Хотя категориальный аппарат синергетики и теории систем весьма активно используется почти во всех крупных работах, попыток последовательного системно-синергетического истолкования глобализации в контексте «универсальной истории» пока немного и они неудачны. Не только из-за метафоричности использования в качестве метаязыка языка синергетики, но и из-за неясности эпистемологического статуса как самой синергетики [см., например: Синергетика... 2006: 27, 31–33], так и проблемы «универсального эволюционизма», которую не без оснований считают метафорой для «обозначения традиционной философской проблемы», «исследовательским проектом» постнеклассической науки, философские и научные основания которого «далеко еще не прояснены, а зачастую даже не осознаются» [Казютинский 2006: 93–94]. Поэтому большинство исследователей предпочитают работать в пределах традиционных – социологических – истолкований истории человечества, в границах которых глобализация понимается либо как *одна из нескольких* противостоящих друг другу *тенденций истории*, либо как *одна* – результирующая – *тенденция исторического развития*.

В первом случае, помещая глобализацию в один ряд с такими тенденциями, как локализация, национализация и регионализация, ее истолковывают как «процесс (или совокупность процессов), который воплощает в себе трансформацию пространственной организации социальных отношений и взаимодействий, ...порождающую межконтинентальные или межрегиональные потоки и структуры активности, взаимодействий и проявлений власти» [Хелд и др. 2004: 19].³ Во втором случае, по сути, тот же самый процесс – изменение пространственно-временных характеристик (увеличения скорости, масштабов, «уплотнения») либо

² Правда, в последней статье автор в контексте философского исследования определил глобализацию «прежде всего как объективный исторический процесс, сопряженный с борьбой различных интересов» [Чумаков 2012: 14].

³ Под потоками авторы понимают «перемещения физических артефактов, людей, символов, знаков и информации в пространстве и времени», а под структурами – «отрегулированные, соответствующие определенным образцам взаимодействия между независимыми агентами, точками пересечения деятельности или центрами власти» [Хелд и др. 2004: 19].

«сжатия») и порядка («новый мировой порядок») экономических, политических, культурных и иных взаимодействий и отношений между народами и государствами – интерпретируется как обретение историей качества глобальности (всеобщности). На роль главных детерминант процесса глобализации исследователи выбирают: 1) развитие науки и техники, техносферы (техницистский подход); 2) развитие экономической (капиталистической), политической или культурной мир-системы (миросистемный подход); 3) распространение (столкновение) культур и цивилизаций (социокультурный подход); 4) модернизацию обществ по линиям: «аграрное – индустриальное – постиндустриальное» или «традиционное – общество модерна – постмодерна» (модернистский подход).

Во многих работах эти подходы совмещаются или пересекаются. Но в подавляющем большинстве исследований доминирует позиция, согласно которой глобализация воплощает очевидное увеличение взаимозависимости и взаимосвязанности человечества на основе одной – евроатлантической – модели развития, экспансия которой разделила мир на развитый «центр» и отсталую «периферию», вынужденно усваивающую научно-технические, политические и культурные достижения и стандарты Запада. Соответственно этому выстраиваются исторические периодизации вестернизированного варианта глобализации: ее первый этап обычно относят к «долгому XVI веку» (И. Валлерстайн), связывая со становлением капитализма в Европе и колонизацией мира европейцами, второй – к XIX столетию, веку индустриальной революции и формирования мирового рынка, третий – к середине XX в.: эпохе НТР и международных организаций [см., например: Валлерстайн 2003; Пантин, Лапкин 2006; Спикер 2003 и др.]. Существуют иные, более масштабные периодизации, относящие начало глобализации к неолитической революции [Чешков 1999; 2008: 8] или Осевому времени [Хачатурян 2002: 235–236]. В этих случаях глобализация интерпретируется, например, как циклически-волновой «никогда не завершающийся, но стремящийся к завершению процесс интеграции различных государств и цивилизаций» [Пантин 2003: 6].

В нашу задачу не входит подробный сравнительный анализ этих наиболее распространенных трактовок и периодизаций глобализации. Многие из них, как уже отмечалось, интерпретируют глобализацию как некий спонтанный, самоподдерживающийся процесс, исходят из подразумеваемой бессубъектности этого феномена. Но все они будут дополнять друг друга, если мы интерпретируем глобализацию как *мегатенденцию к объединению* цивилизационно, экономически, культурно, политически и иначе *разделенного человечества в глобальную (планетарную) общность*, реализующуюся (но с разной скоростью и успехом) одновременно по всем из указанных разделительных линий и в многообразии конкретно-исторических форм. Важно лишь вовремя снимать обычные в таких случаях абсолютизации и избегать объективизма. Лучшим лекарством от этого была и остается философия, интерпретирующая социальную историю вида *Homo sapiens* не как поле действия неких безличных «сил» или «систем», реализующихся вне и помимо совместной социально организованной деятельности людей, а как процесс, целостность и единство которого обеспечивается «вплетенным» в него сознанием. В этом социально-философском аспекте глобализация не редуцируется

к одной из многих своих сторон, а рассматривается как сложный исторический феномен, от эпохи к эпохе меняющий свои содержание и формы.

* * *

Точка зрения социальной философии и – шире – философии истории определяется таким подходом к историческому материалу, в пределах которого обосновывается необходимость изучения исторических событий в контексте диалектико-деятельностного единства Бытия и Сознания. В контексте нашего исследования это означает недопустимость изучения глобализации вне связи с эволюцией интересов (потребностей), мировоззрения и форм сознания взаимодействующих пространственно локализованных коллективных субъектов истории, подвергающихся в процессе взаимодействия разнообразным трансформациям и поглощениям. Известная нам письменная история человечества – это не только *история внешних взаимодействий и отношений* (в том числе господства и подчинения) между объединенными в малые и крупные, социальные, политические и социокультурные целостности индивидами – обществами (социумами), государствами и цивилизациями, но и внутренняя история возникновения, развития и исчезновения этих государств, обществ или цивилизаций. Только будучи расчлененными скальпелем категориального аппарата теории и абстрагированными от своей феноменальной данности и одна от другой, они существуют как независимые «истории» в пределах различных дисциплинарных онтологий. Но в действительности метадисциплинарного философско-методологического синтеза, подчеркивающего диалектику внутреннего и внешнего, социального, политического и культурного, одна без другой они попросту невозможны, как невозможно внесоциальное, в широком значении термина, существование составляющих человечество индивидов.

Следовательно, *глобализация может и должна быть рассмотрена как мегатенденция к становлению и последующему объединению человечества*, воплощенная в диалектике пространственно-временных перемещений, взаимодействий и трансформаций антропосоциальных (то есть культурно и политически связанных) целостностей. То есть *не только как уже отмеченное распространение людей, артефактов, символов и информации за пределы регионов и континентов (географический аспект), но и как сопутствующая и детерминирующая этот процесс предметно-практическая и духовная организация и реорганизация внешнего и внутреннего социального (экономического, политического и иного) пространства совместной жизни интегрированных и интегрирующихся в социумы (роды, племена, этносы, нации), государства и цивилизации индивидов*. Соответственно источниками и движущими силами глобализационных процессов оказываются потребности (интересы) объединенных в социальные целостности людей, невозможность удовлетворения которых в локальном ареале существования стимулировало их распространение в пределах и за пределы регионов и континентов, сопровождавшееся, невзирая на постоянную борьбу за ресурсы, выработкой и установлением ценностей, норм и институтов совместной жизни.

Сформулированное таким социально-философским способом понимание глобализации как мегатенденции к становлению и объединению человечества – предельно общая, но совсем не пустая абстракция. Она не только учитывает оба зна-

чения термина «глобальный», восходящих к латинскому “globus” (планетарный) и к французскому “global” (всеобщий, всемирный), но и способна нейтрализовать представление о «бессубъектности» этого процесса и хотя бы отчасти устранить почти повсеместную редукцию глобализации к экономической, политической или какой-то иной из многих сторон (составляющих) исторического процесса.

В качестве мегатенденции истории человечества, способом существования которой является предметно-практическая и духовная жизнедеятельность интегрированных в социокультурно, экономически и политически различные антропологические целостности индивидов, глобализация реализуется по всему спектру отношений и взаимодействий между ними. Поэтому ее можно рассматривать как совокупность процессов экономической (торговой, финансовой, производственной и др.), политической (военной и дипломатической) и/или культурной (религиозной, идеологической, научно-технической и др.) глобализации, осуществлявшихся с разной скоростью, последовательностью и успехом в разных местах и различные исторические эпохи.

Важно не забывать и постоянно иметь в виду взаимосвязь, пространственно-временную динамику и незавершенность этих процессов: учитывать, что в длительной исторической ретроспективе *глобализация всегда выступала как последовательность сосуществующих и сменяющих друг друга исторических форм*, источником которых обычно оказывалась пространственная и сопутствующая ей политическая, экономическая и культурная экспансия выходящих на авансцену региональной истории обществ, государств и цивилизаций, а содержанием – исчезновение, поглощение и/или трансформация сталкивающихся антропологических целостностей, изменение географического масштаба и инфраструктуры взаимодействий между ними⁴ и формирование всякий раз иначе организованного, но постоянно расширяющегося, общего внешнего и внутреннего социального пространства совместной жизни. Обобщая, можно сказать, что глобализация человечества изначально воплощает в себе становящееся единство социальной истории, обеспеченное конкуренцией и «эстафетностью» (М. Розов) бытия и сознания образующих ее антропологических целостностей. Не претендуя на полноту, рассмотрим характерные черты этого процесса, акцентируя внимание преимущественно на собственно социальной и политической его компонентах.

* * *

Предыстория глобализации человечества уходит в глубокое прошлое. Известная нам антропоистория представляет собой двуединый биосоциальный процесс *эволюции и распространения вида Homo sapiens по планете*, сопровождавшийся его антропобиометрической (расовой, внутривидовой) дифференциацией, и *трансформации этого вида в «человечество»*, развитие которого, в свою очередь, было связано не только с увеличением его численности и географического пространства жизни, но и с перманентным усложнением и увеличением разнообразия форм целесообразной осознанной жизнедеятельности, процессами социальной, экономической, политической и социокультурной интеграции – образования все более

⁴ Выражающееся в увеличении числа и протяженности транспортных, торгово-экономических, политических и информационно-культурных сетей и коммуникаций.

сложных и географически более обширных социумов, культур и цивилизаций, постоянно порождающих новые линии политических, экономических, культурных и иных дифференциаций.

Выделение человека из природы и его победа в конкурентной борьбе с животными и гоминидами были обусловлены не только изменением способов производства материальных благ, но и трансформацией духовно-практических форм производства и организации социальной жизни, первоначально связанных, по видимому, с нереплексивным осознанием базовой потребности в общении и существовании вместе с другими людьми, в развитии отношений родства (семьи), кооперации и солидарности, осуществляемом на основе закрепленных устной коллективной памятью категорий очевидности [подробнее см.: Кармадонов 2005: 56]. Так или примерно таким образом на заре человечества формировалось общее социальное пространство совместной жизни людей в составе первых человеческих обществ (социумов), целостность которых обеспечивалась общими для них неинституциональными нормами общежития.

Вектор последующей трансформации социальных целостностей во все более крупные (пространственно и численно) общества и их союзы был связан с расширением поля контактов между лингвистически и культурно разными социумами, становлением и развитием письменности, универсальных (логических) форм и категорий мышления, абстрагирующая сила которых вместе с продуктивной способностью воображения глобализовала сферу представлений о взаимосвязях людей с окружающим миром, помещая их в сферический пространственно-временной континуум совместной с богами жизни. Так поверх всех локальных социокультурных различий в теогониях и мифопоэтических традициях выстраивалась символическая связь времен, формировалась идея происхождения изначально единого человечества, которая затем в так называемое Осевое время (между 800–200 гг. до н. э.) обрела широкое распространение, оригинально трансформировавшись в различных религиозных и философских учениях, заложивших основы последующих глобальных (мировых) культур, религий и цивилизаций. Именно в этот период усилиями первых греческих философов, иудейских пророков, основателей зороастризма в Иране, буддизма и джайнизма в Индии, конфуцианства и даосизма в Китае формировалась идея глобальности мира, единства человечества и личной ответственности индивида за существование и сохранение анонимного мира-бытия. Впоследствии эта идея была подхвачена и своеобразно развита сначала христианством, а затем исламом. Параллельно и вместе с развитием глобализующих мир и человечество философских и религиозных представлений шел интеллектуальный поиск политических и правовых форм совместной жизни.

Начиная с неолитической революции вся известная нам история вида *Homo sapiens* – это история миграций, великих переселений и войн первобытных и постпервобытных, догосударственных и государственно оформленных групп и обществ за географическое пространство: территории проживания и сосредоточенные на этих территориях ресурсы, в том числе и человеческие. Удержать эти территории и ресурсы достаточно долго пришельцы и победители могли, лишь организовав *общее* экономическое и политическое *пространство совместной*

жизни для населяющих эти территории людей путем выработки универсальных (для них) норм общежития. Так возникали сначала ранние государства и их аналоги, а позже – этнические, имперские и собственно национальные государства, в пределах которых и помимо непреднамеренных культурных диффузий, сначала усилиями племенных и этнических элит, а затем государственной «бюрократии» осуществлялась ассимиляция и интеграция лингвистически, религиозно и культурно разного населения в новые относительно *гомогенные социальные целостности*: территориально, экономически, культурно и/или политически связанные в общества (племена, союзы племен, этносы и нации) группы людей, эмоционально-символически и концептуально идентифицирующие себя как одно целое и стремящиеся распространиться до пределов известной им Ойкумены.

В подавляющем большинстве случаев это распространение имело характер военных и колониальных экспансий, следствием которых, помимо увеличения числа транспортных потоков и коммуникаций, оказывался перенос за пределы локальных территорий, регионов и континентов произведений литературы и искусства, техники и технологий, религиозных и светских идеологий, научных знаний и типов рациональности, норм и образцов экономической, политической и социальной жизни. Неизбежная в таких случаях «встреча культур» сопровождалась различного рода заимствованиями, непреднамеренными ассимиляциями и намеренно осуществляемыми «метрополиями» аккультурациями, «символическим насилием», вызывавшими сопротивление лингвистически и культурно разного иноверного населения покоренных и колонизируемых территорий. Но в любом случае знания, артефакты и институты одних народов оказывались доступными другим, обретали статус мировых ценностей, раздвигали горизонты и трансформировали мировоззрения, шаг за шагом делая экономически, социокультурно и политически разделенное человечество материально, интеллектуально и духовно все более взаимосвязанным, идею человечества и его антропобиологического единства – субъективно представимой и психологически приемлемой, а объединение человечества в глобальную целостность – философски и политически фундированным проектом [подробнее см.: Гранин 2011: 69–83].

Таким образом, в контексте социальной и политической истории человечества глобализация связана с появлением и развитием *интеграции* внутри и между большими и малыми, традиционно и политически организованными, культурно разными социумами. Конкуренция между ними неизбежно приводила либо к новым социокультурным и политическим слияниям, либо к распадам прежних целостностей, влекущим за собой очередную реконфигурацию внешнего (международного) пространства отношений между интегрированными в социумы индивидами. По сути дела, *социально-политическая история глобализации – это история превращения локальных историй* первобытных и постпервобытных (кочевых и аграрно-ремесленных) обществ, политически оформленных в ранние государства и их аналоги, *в региональную историю* древних и средневековых этнических государств и империй, *а затем и во всемирную историю* наций, национальных государств и образованных ими колониальных империй, связавших человечество не только силою государственных форм территориального контроля, но и создавших новые «анонимные» системы власти: транснациональные организа-

ции и многонациональные корпорации. Иными словами, становление всемирной истории – противоречивый процесс, связанный с приливами и отливами «волн глобализации» на тех или иных территориях планеты, имеющих свой временной и географический масштаб.

В контексте нашего обсуждения учет последнего обстоятельства имеет принципиальное значение, которое подчеркивает ограниченность построения западоцентричных интерпретаций и периодизаций глобализации, редуцирующих многообразие прошлых и будущих конкретно-исторических форм осуществления этой тенденции к одной из потенциально возможных. Таковыми, в частности, являются все концепции глобализации, связывающие ее начало со становлением и развитием европейского капитализма XVII–XIX столетий, сопутствующими ему развитием науки и техники, рыночных отношений и формированием национальных государств, имперский порыв которых привел к формированию капиталистической «миросистемы» и последующей вестернизации мира. Именно вестернизация, считают авторы этих концепций, – единственная из реально существовавших и возможных форм глобализации человечества в прошлом и обозримом будущем. Но это не так.

* * *

Интерпретация глобализации как вестернизации, безусловно, хорошо согласуется с большим массивом исторических фактов конца XIX – середины XX столетия. Но в более длительной исторической перспективе и ретроспективе ее нельзя считать удовлетворительной, поскольку она основывается на двух достаточно спорных гипотезах: идее последовательного одновекторного смещения «центра» мирового развития с Востока на Запад и идее однополярного мира, разделенного на экономически, научно-технически, военно-политически и культурно доминирующий «центр» (Запад) и «догоняющую», стремящуюся интегрироваться в него «периферию» (Восток, Азия). Эти идеи, в свою очередь, опираются на предположение о линейном характере исторического развития, берущее начало в оформившейся в XVIII–XIX столетиях особой традиции европейского мышления, получившей в 1970–1980-х гг. в трудах арабо-мусульманских, индийских, китайских и других неевропейских историков и культурологов название «ориентализм».

Эта свойственная всей европейской культуре (и, как считают, непреодоленная до сих пор) традиция бинарного, культурно-оценочного противопоставления «энергичного», «свободного» и «цивилизованного» Запада «ленивому», «сонному» и «рабскому» Востоку стимулировалась и поддерживалась двухсотлетней практикой колониального освоения ведущими европейскими империями Азии, Африки и (в меньшей степени) Америки. В ходе этой практики выковывалась «европейская идентичность» белого человека, формировалось представление о его «бремени», «цивилизаторской миссии», в конечном счете основанное на идее расового превосходства. Так первоначальное географическое разделение мира превращалось в геополитическое, обрастало культурными смыслами и, проникая сначала в европейскую историографию и историософию, а затем и в антропологию, этнологию, психологию, в конце концов сделало ориенталистский (западо-

центричный) подход к изучению иных народов и цивилизаций чем-то само собой разумеющимся. Специфика ориентализма, считают его исследователи, заключается в том, что Запад всегда имел дело не с Востоком или Азией как таковыми, с их презентациями, а с вторичными по своей сути «образами Востока и Азии» – системой их репрезентаций (представленных в поэзии, литературе и академических исследованиях), которые сам для своих нужд и создал [подробнее см.: Саид 2006: 78–114].

Солидаризуясь с этим наблюдением, добавлю, что и Восток всегда имел и имеет дело не с Западом как таковым, а с его многочисленными репрезентациями, в пределах которых, особенно в последние годы, Запад оценивается отнюдь не лучшим образом. Да и вообще, тезис о соотношении презентаций и репрезентаций в научном исследовании требует глубокой проработки. Поэтому, отдавая должное исследованиям ученых-реориенталистов, результаты которых обогатили науку новыми фактами и обобщениями, не следует впадать в крайности оксидентализма⁵ и перемещать центр прошлого (и современного) глобального развития из Европы в Азию. «Белые» мифологии⁶ ничуть не лучше «желтых», а «востокоцентризм» и «азиациентризм» не лучше евро- и западоцентризмов. Предпочтительнее, снимая односторонность и цивилизационную «нагруженность» дискурса о глобализации, опираться на весь массив исторических знаний, которые свидетельствуют о том, что «центр» и «периферия» постоянно менялись местами и история человечества, даже в Евразии, никогда не была «улицей с односторонним движением», неизбежно ведущим к его объединению на основе какого-то одного типа экономического, социокультурного и политического развития. История – нелинейный процесс и результат взаимодействия, конкуренции и борьбы многочисленных индивидуальных и коллективных субъектов исторического развития: индивидов, обществ, государств и цивилизаций. Соответственно и *глобализация как одна из ее тенденций была результирующей многих попыток организации общего пространства совместной жизни народов и государств на основе разных «цивилизационных» (социокультурных) и политических моделей.* Итогом таких попыток оказывалось временное доминирование и распространение в пределах нескольких географических регионов одной из локальных цивилизаций, политической формой существования которых в большинстве случаев выступала империя.

По справедливому замечанию А. Г. Франка, перемещение «центра мира» – колебательный процесс, отмеченный «сменяющимися друг друга движениями относительно воображаемой линии, которая отделяет Восток от Запада в Евразии» [Frank 1998: 1]. Эту мысль подтверждают многочисленные историко-экономические и историко-культурные исследования ученых-реориенталистов, убедительно доказывающих, что начиная с XII в. н. э. и вплоть до середины (или конца) XVIII столетия центром торгового, экономического и даже индустриального прогресса (до XV в.) была Азия⁷. Крупнейшие азиатские империи значительно пре-

⁵ Оксидентализм – обратная сторона ориентализма: концепция, приписывающая Западу отрицательные черты, якобы не свойственные высокодуховным и коллективистским восточным культурам.

⁶ Именно так – «Белые мифологии. Сочинение истории и Запад» – называется обобщающий труд по ориентализму А. Янга, в котором он, ссылаясь на Э. Левинаса, обвинил всю западную историографию в «онтологическом империализме» [Young 1990: 14].

⁷ Не говоря уже об использовании пороха в военных целях и строительстве океанских флотилий, даже производство чугуна в Китае базировалось на передовой технологической базе (использование кокса

восходили любые европейские государства своей военной мощью, размерами культурного и политического влияния [Frank 1998: 123–127]. Уже в XI в. уровень образованности (20–30 % населения) в средневековом Китае был довольно высок, значительными темпами росли тиражи печатных книг по истории, философии, медицине, сельскому хозяйству и военному делу. К XIV в. в Китае имелись многие предпосылки промышленной революции, которые историки отмечают в Англии конца XVIII столетия. Это была, полагают исследователи, «относительно развитая рыночная экономика», формировавшая стремление к получению прибыли и обеспечивавшая быстрое распространение передовой техники. Сельскохозяйственная революция, которая в Англии произошла в XVIII в., в Китае осуществилась на 700 лет раньше, обеспечив существование гигантских городов-миллионеров.

Тем не менее в борьбе за мировое господство победа досталась Европе. Объясняя этот исторический парадокс, многие связывают его, например, с добровольным отказом Китая и Японии от научно-технической и промышленной модернизации, которая воспринималась как угроза основам спланирующим социумы традиционным мировоззрению и культуре, с деспотизмом и сакральным характером имперской власти в мусульманских странах, многими другими причинами. Как бы то ни было, начиная с XVI в. глобализационный порыв крупнейших кочевых, аграрно-ремесленных и полуиндустриальных империй Центральной и Юго-Восточной Азии (Китая и Индии) иссяк. И с тех пор, невзирая на упорное сопротивление возглавляемого Османами «исламского мира», последующие четыре столетия глобализация шла рука об руку с колониализмом национальных государств Западной Европы, а позже и США, промышленное, экономическое и военно-техническое развитие которых позволили им распространить свое присутствие в Америке, Азии и Африке, навязав народам этих континентов евроатлантическую модель развития. Означает ли это, что будущее глобализации связано с неизбежной вестернизацией стран мировой «периферии» и «полупериферии»?

В значительной мере конкретный ответ на этот вопрос зависит от того, удастся ли данным странам, приспособившись к нынешней, в значительной мере скроенной по американским лекалам вестернизации, выработать собственные, национальные (национально-государственные) формы глобализационных стратегий.

* * *

Разумеется, шансов на равных войти в глобальную экономику у подавляющего большинства стран «периферии» почти нет. Зато вполне реальны национальные формы глобализационных стратегий индустриальных стран, связанные с отказом слепо следовать рекомендациям МВФ, ВТО и других институтов международного неоллиберализма, взамен которых предлагается признание приоритета национальных интересов, модернизация экономики, опирающаяся не только на заимствованные у Запада формы экономической и политической жизни, но глав-

и непрерывная продувка домны), которая стала известна в Англии 500 лет спустя, и осуществлялось на предприятиях, насчитывавших сотни рабочих. Существовали и разветвленная транспортная сеть, и развитая финансовая система.

ным образом на собственные социокультурные и политические традиции и ресурсы. Ключевым моментом таких национальных стратегий является мера сочетания этих – западных и собственных – форм модернизации. Варианты здесь могут быть самыми разными: от весьма высокого уровня вестернизации нескольких сфер жизни государства до незначительного, охватывающего главным образом экономическую сферу.

Пример первого варианта глобализационного развития дала Япония, заимствовавшая западные экономические и политические стандарты без потери цивилизационной идентичности. После Второй мировой войны оккупационный режим США в Японии потребовал дезинтеграции коллективных структур как проводников милитаристского сознания, но начавшаяся либерализация не привела к простому разрушению традиционного общества. Правящие элиты выдвинули иную программу: не ломать традиционные структуры общества, а изменять цели государства, используя общинные структуры в качестве проводников государственного воздействия. Таким образом, в Японии не культура адаптировалась к задачам модернизации, а руководящие элиты, желающие осуществить модернизацию, адаптировались к культуре. Японцы модернизировались на собственной цивилизационной основе: не меняясь социокультурно, они провели технологическую революцию.

По этому же пути пошли новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии и Индия, успехи которых в долгосрочной перспективе оказались не столь значительными в сравнении с Китаем, занявшимся освоением хозяйственных и технологических систем Запада, кардинально не меня системы собственных социальных и политических ценностей. Более того, по мнению российских ученых, «Китай дает образец развития на основе собственной, а не западной рациональности. В этой рациональности политический класс и особенно бюрократия – не просто носители функций, а прежде всего патриоты. ...Рациональное здесь – не декартовское, а конфуцианское» [Буров, Федотова 2007: 18], сочетающееся, добавим, с изрядной долей политического прагматизма.

Прочие страны мира скорее приспособляются к существующей глобализации, чем вырабатывают собственную национальную стратегию. У одних это приспособление получается успешно – как, например, у аравийских монархий, у других – например, у стран Тропической Африки к югу от Сахары – не получается совсем. Причины того и другого в меньшей степени связаны с национально-культурными особенностями, в большей – с использованием ресурсов этих стран глобальной экономикой.

Между тем по мере нарастания гегемонистских устремлений США и укрепления ШОС все больше вырисовывается перспектива создания треугольника «Россия – Индия – Китай» как союза трех полиэтнических и поликонфессиональных цивилизаций, государственные интересы которых не обеспечиваются в однополярном мире. Все три страны выступают за демократизацию международного порядка, укрепление роли ООН, против расширения НАТО и имеют общего противника в лице исламского фундаментализма и экстремизма. Существуют и более амбициозные проекты, связанные с возможностью присоединения к ШОС Ирана

и Малайзии. И поскольку известная нам история – нелинейный процесс структурного усложнения человечества и одновременно становления его целостности и единства, реализующийся в череде попыток формирования общего пространства совместной жизни сообществ людей на основе разных форм общежития и разных цивилизационных моделей развития, то может статься, что спустя несколько десятилетий вновь наступит «эпоха Азии».

Литература

Азроянц Э. А. Глобализация: катастрофа или путь к развитию? М. : Новый век, 2002.

Буров В. Г., Федотова В. Г. Китайский опыт модернизации: теория и практика // Вопросы философии. 2007. № 5. С. 7–20.

Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века / пер. с англ. В. Л. Иноземцева. М. : Логос, 2003. С. 78–82.

Гранин Ю. Д. Глобализация и национализм: история и современность. Социально-философский анализ. Саабрюкен : LAP LAMBERT, 2011.

Иноземцев В. Л. Вестернизация как глобализация, и «глобализация» как американизация // Вопросы философии. 2004. № 4. С. 58–69.

Иноземцев В. Л. Современная глобализация и ее восприятие в мире // Век глобализации. 2008. № 1. С. 31–44.

Казютинский В. В. Эпистемологические проблемы универсального эволюционизма // Философские науки. 2006. № 7. С. 91–98.

Кармадонов О. А. Глобализация и символическая власть // Вопросы философии. 2005. № 5. С. 47–56.

Пантин В. И. Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении. М. : Новый век, 2003.

Пантин В. И., Лапкин В. В. Философия исторического прогнозирования. Дубна : Феникс+, 2006.

Робертсон Р., Хондкер Х. Дискурсы о глобализации: предварительные размышления // Глобализация: контуры XXI века. Реферативный сборник. М. : ИНИОН РАН, 2004. Ч. I. С. 127–131.

Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб. : Русский мир, 2006.

Синергетика: перспективы, проблемы, трудности (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 2006. № 9. С. 3–33.

Спикер Г. Глобализация и развитие: перспективы христианской социальной доктрины // Глобализация и столкновение идентичностей. М., 2003.

Хачатурян В. М. Возможна ли глобальная история? (По материалам докладов XIX Международного конгресса исторических наук в Осло. 2002) // Цивилизации. Вып. 5. Проблемы глобалистики и глобальной истории. М., 2002. С. 235–236.

Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура. М. : Практис, 2004.

Чешков М. А. Глобализация: сущность, нынешняя фаза, перспективы // Pro et contra. 1999. № 4. С. 114–127.

Чешков М. А. Глобальность как базовое понятие глобалистики // Век глобализации. 2008. № 2. С. 3–11.

Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира. М. : Проспект, 2005.

Чумаков А. Н. Глобалистика в системе научного знания // Вопросы философии. 2012. № 7. С. 3–16.

Young R. White Mythologies. Writing History and the West. London; New York, 1990.

Frank A. G. ReOrient: Global Economy in the Asian Age. Berkeley, LA, 1998.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Самкова В. А.

к. ф. н., доцент УрФУ им. первого президента России Б. Н. Ельцина.

E-mail: artbog@el.ru

Анализируя современную глобализацию, автор исходит из того, что синергетическая модель глобального мира представляет собой функционирование, самоорганизацию и эволюцию открытых систем, к которой она относит как совокупность глобальных процессов, так и всю систему глобального мира в целом. Значительное внимание уделяется межкультурной коммуникации, которая в условиях глобализации представляет собой форму межкультурного диалога, когда все культуры оказываются втянутыми внутрь глобального коммуникативного пространства. В заключение делается вывод, что синергетическое единство структуры глобализирующегося пространства открывает возможность понимания универсальных законов и закономерностей развития общества и человека.

Ключевые слова: глобализация, идентификация, культурная идентичность, глобализирующееся пространство, интересубъективность.

When analyzing current globalization, the author proceeds from the assumption that the synergetic model of the global world implies functioning, self-organizing and evolution of the open systems to which she attributes both the aggregate of global processes and the whole system of the global world. The author also pays considerable attention to the intercultural communication which within globalization obtains a form of intercultural dialogue with every culture being involved into the global communicative space. The conclusion is made that the synergetic uniformity of the structure of the globalizing space gives new perspectives to the understanding of the universal laws and regularities of the development of society and humans.

Keywords: globalization, identification, cultural identity, globalized space, intersubjectivity.

Современность заново определяет логику исторического развития общества. Сегодня характер и облик современного общества в целом формируют три важнейших процесса: инновации, модернизация и глобализация. Большинство аналитиков глобализация интерпретируется не только как расширение политических и экономических границ, а как тотальная интеграция. В целом можно утверждать, что в проблемном поле глобализации явно определились, с одной стороны, угрожающее сокращение населения в странах «золотого миллиарда», с другой стороны, неконтролируемый рост численности населения в странах периферии, что усиливает, в свою очередь, процессы миграции и эмиграции в западноевропейском пространстве. С одной стороны, пределы исчерпаемости природных ресурсов, с другой стороны, смертельная опасность гонки вооружения выявляют

Век глобализации 1/2014 104–110

серьезную угрозу для поступательного общественного развития и дальнейшего существования жизни вида *Homo sapiens* на планете в целом. Сегодня очевидными становятся экологические, демографические, гуманитарные проблемы, они тесно связаны с другими проблемами и противоречиями планетарного масштаба. Глобализация определяет факторы, критерии дисбаланса в отношениях человека с окружающей средой. Дисбаланс в отношениях общества и природы, человека и общества достиг предельно допустимых значений. Для ряда аналитиков, специалистов по вопросам глобализации стали очевидными фрагментарность морально-этических норм и ценностей, разобщенность человечества перед лицом глобальных проблем, что, в свою очередь, позволяет нам рассматривать глобализацию как социально-синергетический процесс.

На наш взгляд, основными признаками глобализации являются: всесторонность как «многоаспектность»; массовость, или «демократичность»; планетарность как «глобальность» в собственном смысле слова. Глобальность может быть рассмотрена как спонтанность или самопроизвольность, как самоорганизация. Синергетический подход позволяет нам определить глобализацию как хаотичность или «неупорядоченность интеграционных процессов, наличие в них случайных флуктуаций». Глобализация характеризуется в целом не структурами, а процессами, «потоками», которые могут изменить направление вектора развития многоликой цивилизации. Важнейшим свойством глобализации, по авторитетному мнению аналитиков, является *эмерджентность*, заключающаяся в том, что «свойства системы как целого не являются простой суммой слагающих ее частей или элементов». Что в целом позволяет нам утверждать: синергетическая модель глобального мира представляет собой функционирование, самоорганизацию и эволюцию открытых систем, к которой можно отнести как совокупность глобальных процессов, так и всю систему глобального мира в целом.

Трансформационные процессы глобализации протекают в *трехмерном социальном пространстве*, осями которого служат: 1) уровень человеческого потенциала обществ как макросубъектов и макроакторов саморазвития и трансформации; 2) легитимность и динамизм социально-групповой структуры, позволяющие обществам успешно реализовать свой потенциал; 3) эффективность институциональных систем, проявляющаяся в способности политических, правовых, экономических, социальных и иных институтов направлять энергию индивидов, организаций и групп в творческое социально-конструктивное русло [Заславская, Ядов 2009: 84]. Соотношение положения разных обществ в *трехмерном социальном пространстве* позволяет нам более обоснованно оценивать их динамизм, жизнеспособность и конкурентоспособность в глобализирующемся пространстве.

Сегодня не представляется возможным объяснить всю сложность мировой обстановки исключительно экономическими причинами. Глобализация, связанная с интеграцией человечества, шире и глубже, чем того требуют нужды хозяйствования. Перед лицом глобальных вызовов велика вероятность борьбы идей *солипсизма и рациональности* [Фукуяма 2004: 177–180]. Солипсистские ценности противостоят собственной цели и ведут к дисфункциональному обществу, где люди не могут работать совместно ради общей цели. Человечество способно двигаться в направлении того, что Макс Вебер называл «сущностной рациональностью», то есть к рациональным ценностям и целям, достигаемым посредством коллектив-

ных и разумных целей. В условиях потери общего основания ценностей и потери доверия индивид оказывается перед новым определением своих прав. При отсутствии доверия к другим он доверяет только самому себе. Сегодня глобализационные процессы охватывают все социальные, культурные, экономические и политические сферы, при этом глобализация не столько формирует единый мир, сколько способствует усилению его фрагментарности и в конечном итоге представляет собой продукт «индивидуализированного» общества [Бауман 2004: 23]. В то же время в процессе глобализации индивид обретает качества социотехнического субъекта, а индивидуализация оказывается мнимой, она выступает новой формой одиночества массового человека, где личностное пространство индивида захвачено технологической реальностью. Массовое производство, распределение и потребление товаров и услуг требует всего индивида, индустриальная психология уже не ограничивается территорией производственных помещений [Бранский, Пожарский 2004].

Многообразные процессы интроекции отработаны до механической реакции. Результатом их является не приспособление, а *мимезис*: непосредственная идентификация индивида со своим обществом как целым. Эта «автоматическая идентификация, характерная для примитивных форм сообществ», как говорит Г. Маркузе, по-новому выступает в глобализирующемся социокультурном пространстве [Маркузе 1996: 119–144]. Поток благ и услуг, производимых цивилизацией, обрушивается на индивида, перед фактом тотального потребления современному человеку невозможно устоять. Арсенал предписываемых отношений и привычек, духовных и эмоциональных реакций связывает потребителей с производителями, формирует, таким образом, единое целое. Товары поглощают людей, манипулируют ими, они производят ложное сознание индивида, который становится невосприимчивым к собственной лжи. *Индоктринация* перестает быть рекламой, она становится стилем жизни, препятствуя качественному изменению. Так возникает образец «одномерного мышления и поведения», в котором идеи, стремления и цели, трансцендирующие, согласно своему содержанию, существующий универсум языка и действия, либо отбрасывается, либо редуцируется до понятий этого универсума. Они по-новому определяются рациональностью данной системы и ее количественными показателями [Там же: 131–133].

Одномерное мышление индивидов систематически поддерживается политическими и экономическими институтами, включая поставщиков массовой информации. Их языковой универсум полон гипотез, которые сами себя поддерживают и которые, непрестанно и монополистически повторяемые, становятся гипнотическими дефинициями и стереотипами; таковыми дефинициями являются *свобода и прогресс*. Массмедиа образуют особое расширение человеческого бытия за счет событий, свидетелем которых становится человек. В глобализирующемся пространстве возрастает количество и скорость обработки информации, что влияет на характер индивидуального и группового общения. Объем информации переполняет жизнь человека, возрастает доля неосмысленной или излишней информации. При одновременном количественном заполнении сознания объемом информации возникает ситуация смысловой пустоты, или «трансцендентальной иллюзии», понятие которой ввел И. Кант, в результате чего человек отождествляет реальность с тем ее срезом, который освещается массмедиа. События становятся виртуальной приправой в «малом» мире человека. Массмедиа способствуют

неограниченному расширению поля человеческого опыта, «разрыву горизонта опыта, нарушая его естественный ход и строй» [Фролов 2009: 318].

Сегодня представления о новых глобальных социальных, культурных системах являются актуальными в философском и социологическом анализе. Качественные изменения этих систем будут зависеть от того, что и кем предполагается предпринять ради блага глобального целого. Глобальное общество будет разумно и свободно в той мере, в какой оно будет организовано социальными институтами и будет поддерживаться и воспроизводиться существенно новым историческим субъектом. Возникает необходимость конструктивного взаимодействия мирового сообщества в масштабе всей планеты для решения общечеловеческих задач в условиях целостного мира. Глобализм определяет не только социально-политическую, экономическую стратегию, когда люди должны действовать экономически целесообразно, обеспечивая себе гарантии безопасной жизнедеятельности, глобализм формирует новую парадигму *глобального этоса*. Несмотря на сохранение противоречий современного мира и коренные различия в социальном и культурном контексте государств мирового сообщества, сегодня в процессе глобализации современному обществу и индивиду необходимо осуществлять социокультурные интеграционные процессы по реализации условий коэволюции и формированию глобального этоса. Социальные идеалы имеют утилитарные и духовные компоненты. Роль первых, по утверждению В. П. Бранского [Бранский, Пожарский 2004: 194], играют экономические и политические идеалы, а роль вторых – этические, эстетические и мировоззренческие. Негативные явления в преобразовании природы и общества возникают тогда, когда духовные идеалы приносятся в жертву утилитарным, либо наоборот: утилитарные – духовным. Коэволюция определяет согласованное гармоничное развитие утилитарной и духовной компонент в рамках глобальной социальной системы. Сегодня очень важно понимать, что межличностные взаимодействия субъектов обретают глобальную протяженность и означают собой соединение локального и глобального уровней историчности, идентичности, социальности современного человека [Заева 2009: 428]. Коммуникативный опыт становится важнейшим фактором, связывающим воедино различные уровни историчности, идентичности и социальности современного человека.

Социально-экономическая, культурная детерминация поставила перед социальной синергетикой сложную задачу определения духовных и материальных пределов роста человека, пределов его психофизиологического и интеллектуального совершенствования в глобализирующемся пространстве. Влияние социально-экономических условий на жизнедеятельность человека и общества повысило роль творческих способностей в достижении результатов труда в продуктивной деятельности. На данном этапе развития современной философии ставится вопрос о понимании законов и закономерностей развития современного глобализирующегося общества, понимании процессов, происходящих в ходе глобализации, о достижении человеком и человечеством тех вершин, которые оправдывают существование и сущность человека. Сегодня необходим новый взгляд и новое отношение к глобализирующейся современности как реальности. Необходимо переосмысление целей и задач, перспектив дальнейшего развития человека и общества. Совершенствование индивида осуществляется через мыслетворческую активность, нравственно ориентированное поведение. Знание как основной ресурс

глобализирующегося пространства позволит человеку сохранить, совершенствовать себя и управлять собой. Человек как субъект «экономики знания» в глобализирующемся пространстве предстает высококвалифицированным индивидом, чутким к изменениям на глобальном рынке. Сегодня высокий профессионализм немислим без информационной и лингвистической культуры, а владение определенным кодексом поведения, принципиальная *флексibilität*, позволяет субъекту быть конкурентоспособным на современном рынке труда [Чумаков 2009: 32–39]. Выход за пределы заданных культурных ареалов расширяет информационные горизонты человека, способствует симбиозу кросс-культурных тенденций. Принятие концепции *глобального этоса* повышает ответственность индивида не только за собственную судьбу, но и за будущность всего человечества.

Социальная философия, синергетический историзм и акмеология приступили к решению задач определения количественных и качественных показателей вершин жизнедеятельности индивида и общества с целью выявления закономерностей в достижении глобальных вершин. Необходимо учитывать следующее обстоятельство: пока речь идет о реализации прагматической стороны идеала, идеал движется к своему акме (вершинности), но когда он в данных исторических условиях исчерпает свой прагматический заряд, он становится чистой утопией, и попытка его реализации терпит крах. Следовательно, всякая общезначимая идеология переживает свое **акме** (вершинность) и свое **катаболе** (низинность). Поскольку идеал является критерием ценности, то идеология и акмеология оказываются тесно связанными с аксиологией. Синергетическая теория глобалистики, синергетический историзм, акмеология как современные самостоятельные направления философии позволяют нам представить динамику идеалов, то есть дают возможность изучения их эволюции, которая в конечном счете представляет нам картину самоорганизации идеалов. Исследование закономерностей самоорганизации идеалов является основной задачей современной философии, ее основных направлений, таких как синергетическая акмеология, глобалистика, а также синергетический историзм. Поскольку всякий социально значимый идеал сочетает прагматический и утопический аспекты, то история любого идеала приобретает «параболический» характер [Бранский, Пожарский 2004: 79]. По авторитетному мнению Э. Гидденса, сила современности заключается в том, что она сама содержит в себе «механизм самоисправления». Питирим Сорокин видел будущее как возвращение от господствующей «материалистической ментальности» к «идеалистической ментальности». В свою очередь Ральф Дарендорф строил свои выводы на наблюдениях, убеждающих последователей, и нас в том числе, что постепенные прогрессивные изменения в самом характере труда являются основой для освобождения человека от необходимости ежедневной работы, расширения поля свободного времени и шансов самореализации. Проблема открытости различным формам культурного опыта диктует необходимость выработки у субъекта нового, *глобального стиля мышления*, новой мировоззренческой картины мира, основными доминантами которых являются диалогичность, космополитизм и толерантность [Чумаков 2009: 32–39].

Все сказанное выше позволяет нам сделать следующие выводы. Формирование новой картины мира в условиях глобализации включает в качестве важнейшего компонента культурную и коммуникативную компетентность индивида. *Межкультурная коммуникация* в условиях глобализации представляет собой

форму межкультурного диалога, в процессе которого все культуры оказываются втянутыми внутрь глобального коммуникативного пространства. Межкультурная коммуникация в контексте глобализирующегося социально-политического, экономического, культурного пространства связана не только с развитием диалога, она сопряжена с проблемами, которые возникают в сфере культуры и международного гуманитарного общения. К ним можно отнести проблему культурной экспансии. Сегодня наблюдается доминирование западных, американских культурных образцов, что ведет к коммерциализации духовной сферы и возникновению глобальных экономических, социальных, научно-технических проблем. Без учета основных особенностей процесса коммуникации сегодня довольно сложно выстраивать контакты в современном глобализирующемся мире. В сферу внимания современных международных отношений, которые являются важной частью межкультурных коммуникаций, входят многочисленные вопросы, связанные с сохранением языка, культуры, поддержанием культурного многообразия. Сегодня необходимо формирование диалога, направленного на создание атмосферы дружбы и доверия между народами, основанного на уважении и признании многообразия культур.

Понимание архетипа культур стран и народов, особенностей национального характера, его культурных норм и ценностей способствует установлению более тесных контактов, взаимопонимания, активизации позитивного вектора в отношениях стран и народов, что в свою очередь позволяет укреплять и сохранять мир в глобализирующемся пространстве, избегать возможных конфликтов. Как было сказано ранее, для успешного развития глобального общества необходима смена мировоззренческих оснований. Новое поколение интеллектуальной элиты, на наш взгляд, должно не просто ориентироваться на глобальные ценности, но и обладать креативным потенциалом, готовностью к непредвзятому диалогу, чувством справедливости, не позволяющим использовать этот потенциал ради отстаивания привилегированного положения «своего» общества. Современное общество и современный человек просто обязаны планомерно выстраивать, настойчиво формировать новое мышление, иной образ жизни и соответствующие им стратегии выживания. В будущем эволюция будет определяться не выживанием сильнейшего, а выживанием мудрейшего. Становление личности в новой природо-социокультурной среде возможно на основе синтеза традиции как воссозданного духовно-практического опыта поколений и новации как системы нового знания и опыта. Сегодня у мирового научного сообщества имеется возможность осмысления природы и сущности человека в качестве главных причин всех глобальных проблем и трудностей. Человеку всегда было свойственно мысленно осваивать мир, в котором он живет, строить представления о нем. Но никогда прежде в систему представлений о мире, выходящем за пределы наглядного опыта, не включался поток актуальных мировых событий, это стало возможным в эпоху развития глобальной системы. Сегодня чем более скоростными становятся средства коммуникации, тем более насыщенной оказывается информационная картина мира. Скорость передачи информации не только ускоряет время жизни человека, но радикальным образом воздействует на экзистенциальную структуру его бытия и перемещает свой центр тяжести в сторону «постматериалистических» ценностей универсалий. Сегодня нам необходимо по-новому определять роль и ценность сферы производства информации, компьютерных технологий, Интернета.

Синергетическое единство структуры глобализирующегося пространства дает нам возможность понимания универсальных законов и закономерностей развития общества и человека.

Литература

Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М. : Весь мир, 2004.

Бранский В. П., Пожарский С. Д. Глобализация и синергетический историзм. СПб. : Политехника, 2004.

Заславская Т. И., Ядов В. А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания. Вып. 2 / под ред. И. И. Абылгазиева, И. В. Ильина; отв. ред. Т. Л. Шестова. М. : МАКС Пресс, 2009.

Зазаева Н. Б. Коммуникативное измерение идентичности человека в глобализирующемся мире // Материалы международного научного конгресса «Глобалистика – 2009: пути выхода из глобального кризиса и модели нового мироустройства», Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 20–23 мая 2009: в 2 т. М. : МАКС Пресс, 2009. Т. I.

Маркузе Г. Одномерный человек // Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В. И. Добренькова. М. : Изд-е Международного Университета бизнеса и управления, 1996.

Фролов А. В. Масс-медиа и информационная экология человека // Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания / под ред. И. И. Абылгазиева, И. В. Ильина; отв. ред. Т. Л. Шестова. Вып. 2. М. : МАКС Пресс, 2009.

Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. М., 2004.

Чумаков А. Н. Глобализация и космополитизм в контексте современности // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 32–39.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

КОРЕННЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ*

Попков Ю. В.

д. ф. н., профессор, заместитель директора по научной работе,
заведующий сектором этносоциальных исследований
Института философии и права Сибирского отделения РАН.

E-mail: yuripopkov@rambler.ru

В статье проблема сохранения и развития коренных народов рассматривается как глобальная проблема современности, выделяются факторы ее актуализации. Исследуются особенности и стратегические ориентиры государственной политики Российской Федерации в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в настоящее время, делается вывод о необходимости переосмысления ее концептуальных оснований.

Ключевые слова: глобализация, коренные народы, малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока, национальная политика.

The article presents the issue of preserving and development of the indigenous peoples as a global problem of modernity and defines the factors of its actualization. The author also studies current peculiarities and strategic landmarks of the Russian Federation's state policy with respect to the indigenous people of the North, Siberia, and Far East and makes a conclusion on the necessity of reconsideration of the conceptual basis.

Keywords: globalization, indigenous peoples, low-numbered peoples of the North, Siberia and Far East, national policy.

Всесторонний интерес к проблемам развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (далее – народов Севера), которые входят в группу коренных народов мира, в настоящее время обусловлен комплексом важных обстоятельств внутреннего и внешнего, глобального и локального характера, среди которых наиболее значимыми являются следующие.

Имеет место общемировая тенденция роста этничности в ответ на унифицирующие тенденции глобализации. Реальное противоречие состоит в том, что в условиях усиления процессов глобализации имеют место эффекты как сближения и унификации культур, так и их относительного обособления. Современный

* Работа выполнена по гранту Российского гуманитарного научного фонда, проект № 12-32-06001 «Российская Арктика: современная парадигма развития».

мир переживает своеобразный этнический бум, этнический ренессанс, конкретными проявлениями которого являются повышение значимости этнической идентичности, интереса людей к своим этническим корням, традициям, культуре, истории. Со стороны мирового сообщества заметно оживился спрос на все, что связано с этнокультурной спецификой, в том числе коренных народов.

В последние годы мировым сообществом в лице его наиболее авторитетных организаций – ООН, ЮНЕСКО – предпринимаются усилия, направленные на правовую защиту коренных народов и сохранение культурного разнообразия. Утвержденные данными организациями важные международные документы хотя и не являются нормами прямого действия, оказывают серьезное влияние на политику многих государств в отношении коренных народов, вынуждая учитывать в этой политике их интересы.

Следует констатировать кризис современной государственной политики в отношении народов Севера и лежащих в ее основе концептуальных представлений, касающихся понимания места и роли данных народов в мировой истории и истории России, существа и способов решения их современных жизненно важных проблем. По этой причине за последние два десятилетия ни одна из серьезных проблем развития народов Севера не получила удовлетворительного разрешения. Многие проблемы, наоборот, обострились, добавились новые. Положение данных народов является крайне неблагоприятным по многим показателям, поэтому требуются срочные меры и особая ответственность со стороны как органов власти всех уровней, так и самих народов.

Актуализация внимания к проблемам народов Севера во многом связана с активной деятельностью Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, которая, завоевав авторитет как внутри страны, так и на международном уровне, приобрела богатый опыт ведения переговоров и организации самоуправления, решения многих текущих проблем во взаимодействии с государственными структурами, промышленными корпорациями, многочисленными союзниками. Поднимаемые Ассоциацией проблемы народов Севера уже не могут игнорироваться ни органами власти, ни общественностью.

Наконец, существенное значение имеют новые планы грандиозного промышленного освоения Арктики и Северного Ледовитого океана, которое неизбежно затронет территории проживания многих коренных малочисленных народов и окажет существенное влияние на все стороны их жизни.

Надо сказать, что в последнее время изменилось отношение к народам Севера: на международном уровне приняты важные нормативно-правовые документы, защищающие интересы и права коренных народов; работает Постоянный форум коренных народов мира; в Конституции РФ особо выделена статья, посвященная гарантиям прав народов Севера в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации; приняты несколько федеральных законов, непосредственно касающихся народов Севера; на федеральном уровне неоднократно утверждались государственные программы их социально-экономического развития; принята соответствующая концепция; в утвержденной Правительством РФ «Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года» среди приоритетов развития предусмотрены сохранение культуры народов Севера и повышение качества их жизни; при полномочном представителе президента в Сибирском федеральном

округе 10 лет работает консультативно-экспертный совет по делам этих народов, ежегодно в разных регионах России 9 августа проводится установленный Генеральной Ассамблеей ООН Международный день коренных народов мира (International Day of the World's Indigenous People), одна из задач которого состоит в том, чтобы привлечь внимание общественности и органов власти к проблемам и правам этих народов и т. п.

Однако, несмотря на это, положение народов Севера во многих сферах жизни остается плачевным. И даже тогда, когда признается, что их интересы необходимо учитывать и в отношении них требуется особый подход, для многих остается неясным, каковы эти интересы, каким образом их можно учитывать и что вообще с ними надо делать на уровне государственной и региональной политики.

Сохранение и развитие коренных народов как глобальная проблема

В последние десятилетия наблюдается стабильный рост интереса мировой общественности к положению коренных народов, в том числе и малочисленных народов Севера. Оказался несостоятельным взгляд на культуру этих народов как на реликтовую, не имеющую существенного значения для современного и будущего развития человеческого сообщества. Опыт локальных культур востребуется в связи с поиском стратегической линии мирового развития. Малочисленные этносы, составляющие, по оценке экспертов, три четверти народов планеты (всего более 5 тысяч этносов), вместе с другими народами образуют человечество как целостность. Поэтому решение глобальных проблем современности невозможно без учета их своеобразной культуры и опыта исторического развития. Мировое сообщество в настоящее время признает вклад коренных народов в социальную и экологическую гармонизацию общечеловеческого существования.

Заинтересованность в сохранении и развитии данных культур не только со стороны самих их носителей, но и представителей других народов и мирового сообщества в целом существует потому, что этнокультурное разнообразие все чаще осознается как необходимое условие жизнеспособности глобального социума. Никто не знает, какая модель жизнеобеспечения и выживания окажется востребованной в будущем. Например, современный глобальный финансовый кризис, от которого сильно пострадали многие (отдельные люди, социальные группы и целые государства), практически не затронул тех, кто живет за счет традиционного натурального хозяйства. В условиях кризиса данная модель жизнеобеспечения оказалась эффективной, спасительной. В силу неопределенности будущего нельзя отказываться от любых подобных моделей, сформировавшихся в рамках локальных культур и доказавших свою эффективность уже самим фактом своего существования на протяжении столетий. Так, выработанные малочисленными народами в экстремальных условиях Севера навыки, говоря современным языком, устойчивого развития, нормы трудовой этики, ценности кооперативности [Пилясов 2009: 460–465] оказываются крайне востребованными в современных условиях.

Мировое сообщество в лице Организации Объединенных Наций признает наличие исторической несправедливости в отношении многих коренных народов, проявляющейся в их колонизации, лишении земель, территорий и ресурсов, «что препятствует осуществлению ими, в частности, своего права на развитие в соответствии с их потребностями и интересами» [Декларация...].

Развитие коренных народов в разных регионах планеты превратилось в глобальную проблему современности. Фундаментальность ее состоит в том, что давление доминирующей культуры индустриального и постиндустриального общества оставляет все меньше возможностей для сохранения их традиционного образа жизни, материальных основ этнической культуры и самих народов как своеобразных этнических общностей. Этому во многом способствовала существовавшая до конца 1980-х гг. в международном праве ориентация на языковую и культурную ассимиляцию коренных народов, которая воплощалась в государственной политике многих стран мира.

В конце 1980-х гг. была осознана необходимость выделения специальных прав коренных народов и на международном уровне приняты важнейшие правовые документы. Наиболее значимые из них – Конвенция Международной организации труда № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» (1989 г.) и Декларация ООН о правах коренных народов (2007 г.), разработчики которой исходят из убеждения, что «все народы вносят вклад в многообразие и богатство цивилизаций и культур, которые составляют общее наследие человечества». Отметим также Всеобщую декларацию ЮНЕСКО о культурном разнообразии (2001 г.) и «Конвенцию по вопросам охраны нематериального культурного наследия» (2003 г.).

Принятие этих и других нормативно-правовых актов существенно повысило статус коренных народов, возведя проблему их сохранения и развития в ранг задачи общемирового значения. В этих документах подтвержден широкий спектр прав аборигенных народов, в том числе на ресурсы и территории исконного проживания, а также другие важные для них полномочия. Как справедливо отмечает В. А. Кряжков, только через обладание и реализацию особых прав малочисленных народов, политику протекционизма и обеспечение определенных преимуществ можно добиться их реального равенства с другими народами и тем самым обеспечить социальную справедливость [Кряжков 2010: 132–136].

Как представляется, принятие указанных международных документов стало возможным благодаря широкому распространению представлений, исходящих из признания ценности и необходимости сохранения разных культур. Другим важным обстоятельством выступила активная борьба самих аборигенов против глобального давления доминирующего общества в защиту ценностей традиционной культуры, за официальное признание соответствующих коллективных прав. Это свидетельствует о становлении коренных народов в качестве самостоятельных субъектов межкультурных взаимодействий, осознающих свои интересы и проявляющих готовность и способность их отстаивать.

Официальное закрепление за коренными народами правового статуса, отличного от статуса других народов, означает признание их права на реализацию особого пути развития, в основе которого лежат ценности традиционного образа жизни. Данный факт свидетельствует, с одной стороны, о фрагментации общего правового поля и определенном обособлении системы их жизнедеятельности. С другой стороны, это характеризует процесс интеграции коренных народов в современное общество, ибо провозглашенный особый правовой статус есть не что иное, как признание мировым сообществом и доминирующим обществом отдельных государств их равенства среди остальных субъектов общественного развития.

Коренные народы Севера, выстояв в столкновениях с доминирующим обществом и заставив признать их право на особый путь развития, готовы сегодня пойти на взаимовыгодное сотрудничество с этим обществом, но только под своим собственным контролем. Официальное признание их особого правового статуса, базирующегося на исконном праве на самоуправление и на земли традиционного природопользования, выступает одной из необходимых предпосылок такого развития. С помощью официально признанных особых правовых норм коренные народы имеют возможность сохранять ценности традиционной культуры (как правило, в форме неотрадиционализма) и в то же время осваивать атрибуты современного общества, к числу которых принадлежит и само право. Если традиционная культура – способ адаптации народов Севера к экстремальным природно-географическим условиям, то особый правовой статус – необходимое условие адаптации к современным социальным условиям.

Таким образом, специфика интеграции коренных народов в современное общество состоит в том, что она опирается на их особый правовой статус и осуществляется преимущественно на базе ценностей не доминирующего, а традиционного общества, что создает условия для сохранения их этнической самобытности.

Новый этап освоения Арктики и коренные народы

Современное промышленное развитие Арктики и Северного Ледовитого океана является очередным этапом в многотысячелетнем освоении человечеством данного региона Земли.

Добыча здесь полезных ископаемых приводит к неизбежному вмешательству в жизнь коренных народов Арктики, устоявшуюся за сотни и тысячи лет. Сами промышленные предприятия занимают незначительные площади, однако вместе с транспортными коммуникациями и другими объектами инфраструктуры, постоянным вводом в строй новых месторождений взамен выбывающих в сферу их влияния попадают значительные территории. Ярким примером данного процесса является разработка углеводородов. Дисперсное, разбросанное на большой площади размещение месторождений нефти и газа, а также наличие здесь разветвленной сети трубопроводов приводят к широкому охвату территории при разработке ресурсов. Кроме отторжения земельных угодий, в таких районах происходит загрязнение водных ресурсов и атмосферы, то есть наносится ущерб всему комплексу условий, составляющих основу традиционной системы жизнедеятельности и жизнеобеспечения коренного населения.

С точки зрения многих наблюдателей, традиционный уклад и современный мир в Арктике вступают в непримиримое противостояние. Проживающие здесь коренные народы, составляющие большинство населения в северных территориях ряда государств, а также сохранившие частичный политический и экономический контроль над этими территориями, предпринимают значительные усилия для поиска компромисса в отношениях с национальными государствами и промышленными корпорациями.

Так, в Декларации V Саммита лидеров коренных народов Арктического региона «Промышленное развитие Арктики в условиях меняющегося климата: новые вызовы для коренных народов» (г. Москва, 14–15 апреля 2010 г.) настоятельно подчеркивается, что промышленное развитие в Арктике может осуществляться при свободном, предварительном и осознанном согласии коренных народов. Ли-

деры коренных народов декларируют права на владение землей своих предков, на управление ее ресурсами, на охрану священных мест, археологических и исторических объектов, расположенных на территориях их исконного проживания. Они убеждены, что промышленное освоение ресурсов Арктики не должно разрушать жизнедеятельность сообществ коренного населения, а их развитие следует осуществлять на основе традиционных форм хозяйствования.

Лидеры коренных народов выдвинули ряд требований как к арктическим государствам, так и к промышленным корпорациям. Эти требования включают:

- гарантированное представительство коренных народов в законодательных органах;
- обеспечение участия коренных народов в разработке законов, норм, программ и в контроле над их реализацией;
- законодательное закрепление системы выплаты компенсаций за ущерб, причиненный сообществам коренного населения развитием промышленности;
- разработку национальных программ поддержки коренных народов в условиях индустриального роста;
- организацию переговорного процесса по заключению социально-экономических соглашений между промышленными компаниями и коренными народами на местном и региональном уровнях;
- полную прозрачность информации о планах и действиях промышленных корпораций, обязанность незамедлительно информировать местные сообщества о возникающих рисках экологического загрязнения и авариях;
- участие коренных народов в обсуждении планов компаний, имеющих отношение к использованию территорий исконного проживания;
- поддержку промышленными корпорациями планов развития местных сообществ, организаций коренных жителей.

Оценивая выдвинутые требования, следует заметить, что в формально-юридическом аспекте их реализация для арктических государств и промышленных корпораций не составляет особых проблем. Фактически эти требования обобщают сложившийся позитивный опыт арктической политики и не представляют собой чего-то принципиально нового. Исключением является, пожалуй, только декларативное утверждение права владения «землей предков». Разнообразие и сложность национального земельного законодательства арктических государств не позволяют решать проблему традиционного природопользования столь непосредственным образом.

Вместе с тем на фоне внимания мирового сообщества к проблеме коренных народов консолидированное выдвижение лидерами коренных народов Арктического региона пакета требований является политической акцией, которая может иметь значимые политические и экономические последствия. Как показывает опыт нефтепромышленного освоения Аляски (США) и долины реки Маккензи (Канада), политическое пробуждение коренного населения на фоне перспектив экономического роста и возникающие земельные споры могут надолго затормозить реализацию крупных недропользовательских проектов.

С точки зрения оптимизации отношений в треугольнике «государство – промышленная корпорация – коренные народы» необходимой является выработка корректной и реалистичной политики, адекватно выражающей интересы всех заинтересованных субъектов. В этой перспективе представляют интерес реальные,

фактически действующие механизмы, определяющие динамику положения коренных народов Арктики. Обозначенные выше требования можно рассматривать в качестве стратегических ориентиров для деятельности организаций коренных народов разных стран в данной области.

Изъяны существующей концепции и государственной политики России в отношении народов Севера

В настоящее время к числу коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока официально относят 40 народов. Они расселены компактными группами на огромных территориях России – в 28 субъектах федерации. По данным переписи населения 2010 г., их общая численность составляла 257,9 тыс. человек, а численность отдельных народов колеблется от 44,6 тыс. человек (ненцы) до 227 человек (энцы) [Богоявленский]. Даже в местах своего традиционного расселения они составляют меньшинство населения. Около 65 % представителей данных народов проживают в сельской местности. Их жизнедеятельность до сих пор прямо или косвенно связана с присваивающим (охота, рыболовство, собирательство) и полупроизводящим (оленоводство) типами хозяйства, определяющим особые системы природопользования, культуры, мировоззрения. Несмотря на сильное воздействие процессов модернизации и глобализации, народы Севера сохраняются как относительно самостоятельные этносоциальные образования. Даже те из них, которые на протяжении длительного времени включены в состав развитых государств, не «растворились» в доминирующем обществе, сохраняя многие элементы традиционного образа жизни.

Важно констатировать, что реальное положение народов определяется не разного рода декларациями и провозглашенными правами как таковыми, а экономической и политической ситуацией в каждой стране, общей государственной политикой в отношении данной группы народов. В России, как отмечалось, многие жизненно важные проблемы народов Севера за последние 20 лет не только не решены, но и усугубились. Это относится и к самому праву. Известно, что в период после 2000 г. наблюдаются определенная «правовая стагнация» и откат с уже завоеванных позиций, что выразилось в изъятии из федерального законодательства целого ряда ранее принятых важных положений, касающихся данных народов [Кряжков 2010: 106–107].

На мой взгляд, есть основания говорить об изъянах в разработке концептуальных основ национальной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера и практики государственного программирования, что является отражением общего кризиса сложившихся взглядов на развитие и решение проблем данных народов. В целом его можно оценить как кризис применения объектно-ориентированного подхода. Именно такой подход лежит в основе разного рода концепций и программ развития данных народов (всего было обнаружено более 30 концепций и 80 программ), разработанных в последние десятилетия в разных регионах России. Анализ их содержания показал, что неявно они содержат определенные концептуальные взгляды на судьбу и подход к решению проблем коренных народов. Характерными являются следующие черты применения объектно-ориентированного подхода:

– субъектом программирования, а также многочисленных концепций развития этих народов выступают не они сами, а внешние по отношению к ним субъекты;

- народы Севера обычно воспринимаются как однородный укрупненный объект управленческого воздействия;
- акцент делается на внешних источниках их развития, на создании материальных объектов (строительстве жилья, школ, установке оборудования, создании объектов энергообеспечения и др.);
- подход совершенно не стимулирует актуализацию позитивных жизненных сценариев развития самих народов.

В современных условиях необходима реализация нового концептуального подхода. Его суть должна состоять в субъектно-ориентированной политике в отношении народов Севера. Главное – создать систему учета социокультурного потенциала каждого из них и механизм его задействования в процессе современного развития.

Субъектно-ориентированный подход не заменяет, а дополняет объектно-ориентированный. Ясно, что нельзя отказываться от строительства школ, детских садов, других объектов социальной инфраструктуры, создания условий для развития экономических структур и т. п. Но этим нельзя ограничиваться.

В феврале 2009 г. Правительство РФ утвердило «Концепцию устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ». Ее целью провозглашается создание условий для формирования устойчивого развития народов Севера, которое, в свою очередь, «предполагает укрепление их социально-экономического потенциала, сохранение исконной среды обитания, традиционного образа жизни и культурных ценностей на основе целевой поддержки государства и мобилизации внутренних ресурсов самих народов в интересах нынешнего и будущих поколений» [Концепция... 2011].

В целом это правильные ориентиры. Верными являются и многие другие провозглашенные задачи, а также обоснование необходимости особой государственной политики в отношении народов Севера, характеристика ее реальных позитивных достижений, диагностика современного положения. Заслуживает поддержки и то, что обозначено в качестве принципов устойчивого развития народов Севера – от признания гарантий их прав в соответствии с Конституцией РФ до необходимости «оценки культурных, экологических и социальных последствий предлагаемых к реализации проектов и работ в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера» и возмещения «ущерба, нанесенного исконной среде обитания, традиционному образу жизни и здоровью малочисленных народов Севера» [Там же].

В то же время существенно значимые недостатки имеют и сама концепция, и ее «привязка» к базисным интересам народов Севера, а также к ныне существующей системе международного права в отношении коренных народов.

Во-первых, для нее, как и для многих других концепций, характерным является рассмотрение народов Севера в качестве укрупненного, однородного, недифференцированного объекта управленческого воздействия. При таком подходе вряд ли можно рассчитывать на реальный практический эффект от ее реализации. В этой связи заметим следующее. Декларация ООН о правах коренных народов специально обращает внимание на то, что их положение «различно в разных регионах и в разных странах» и что «необходимо принимать во внимание важность национальных и региональных особенностей и различных исторических и культурных традиций» [Декларация...]. Разработчики анализируемой концепции при-

менительно к России почему-то на это внимания не обращают. И даже не оговаривают наличие серьезных региональных и этнокультурных различий в рамках интерэтнической общности «народы Севера».

Во-вторых, в концепции провозглашается, что в результате реализации мероприятий последнего, третьего, этапа к 2025 г. предполагается достигнуть средне-российских показателей качества жизни малочисленных народов Севера. По сути, это главная цель концепции. На деле же к ним должны применяться другие качественные критерии оценки успешности (или неуспешности) соответствующей политики в силу этнокультурной специфики их исторического развития и современного положения. А если говорить о количественном измерении, то для оценки необходимо иметь в виду более высокие показатели уровня жизни – уже по той причине, что стоимость жизни в этих районах гораздо выше, чем во многих других регионах и в среднем в стране.

В-третьих, в качестве одной из главных ставится, как отмечалось, задача сохранения традиционного образа жизни, культуры, культурных ценностей. Но речь должна идти не просто о сохранении, а об их возрождении в обновленном виде в соответствии с нынешними условиями. Культуру, очевидно, следует понимать (и это как раз концептуальный вопрос) не в обыденно-жизетском смысле – как традиционную материальную и духовную культуру, а в точном научном значении, определяемом в культурологии как адаптивный оптимум этносоциальной системы конкретного народа. Культура есть определенный механизм адаптации данного народа к конкретным условиям природной и социальной среды.

В-четвертых, в рамках предлагаемой модернизации традиционной хозяйственной деятельности планируется развитие сети факторий, но вообще не затрагивается вопрос о развитии стационарных поселений народов Севера, которые играют важную роль в сохранении и развитии традиционной культуры, а также в их общей социально-территориальной организации.

В-пятых, в качестве главнейшего механизма реализации концепции предусматривается совершенствование законодательной базы РФ в сфере защиты прав, традиционного образа жизни и исконной среды обитания малочисленных народов Севера. Но в последнее время произошел «правовой откат» в области аборигенного права, многие ранее принятые нормы аннулированы, а Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования» вообще не действует. Поэтому было бы важно показать причины и реальные возможности для изменения создавшегося положения. Иначе получается, что законы приняты, но они не работают.

В-шестых, другим важным механизмом претворения концепции в жизнь обозначается осуществление федеральных, региональных, ведомственных целевых программ и планов мероприятий, но кажется странным, что как раз перед принятием данной концепции отменена и до сих пор не воссоздана соответствующая Федеральная целевая программа. Мало того, с момента принятия концепции произошло сокращение и без того мизерного государственного целевого финансирования, направленного на решение актуальных проблем народов Севера.

В-седьмых, очень актуальным и совершенно оправданным является пункт о необходимости «мобилизации внутренних ресурсов самих народов в интересах нынешнего и будущих поколений». Однако из текста концепции неясно, как именно будет решаться эта важная задача.

Государственно-правовые и традиционные формы местного самоуправления у народов Севера

Среди проблем развития самих народов Севера важное значение имеют вопросы местного самоуправления. От их правильного решения будет во многом зависеть состояние не только текущих, но и перспективных проблем, в конечном итоге – возможность укрепления собственного внутреннего потенциала и превращение коренных народов в активных субъектов трудовой, экономической, политической и культурной деятельности.

Особо важную роль местное самоуправление играет в отдаленных районах с низкой плотностью населения, в ситуации дисперсного расселения на больших территориях, при неразвитости транспортной системы и других форм коммуникации. В таких обстоятельствах сильное, работоспособное и самостоятельное самоуправление является чуть ли не единственным условием благополучного существования населения.

Местное самоуправление может быть не только государственно регулируемым, на чем настаивает большинство экспертов, но и негосударственным, не только официальным (институционально-правовым), но и неофициальным. Оно реально включает и современные, и традиционные формы.

Россия не создавала местное самоуправление на Севере. Оно там существовало издревле: в форме как потестарных родоплеменных структур, так и протогосударственных образований коренных народов. Историческая роль России заключалась не столько в создании местного самоуправления на Севере, сколько в интеграции традиционных институтов местного самоуправления коренных народов в общеимперскую систему государственного управления.

Опыт России в создании местного самоуправления на Севере состоял: во-первых, в формировании институтов местного самоуправления для пришлого населения во вновь создаваемых населенных пунктах (они формировались, как правило, там, где не было постоянно проживающих представителей коренных народов); во-вторых, в создании нетрадиционных форм местного самоуправления для коренных народов (родовых или кочевых советов, туземных районных съездов, соответствующих комитетов и т. п.).

Местное самоуправление на Севере, следовательно, представляет собой сложный комплекс, интегрирующий традиционные его формы у местного населения и формы самоуправления, сформированные российским государством. Соответственно характеристика места и роли коренных народов в системе местного самоуправления на Севере должна охватывать анализ: 1) всего многообразия традиционных форм местного самоуправления коренных народов; 2) исторического опыта участия этих народов в формах местного самоуправления, создававшихся российским государством; 3) форм участия коренных народов в современной системе местного самоуправления.

В современных условиях народы Севера сохранили многие традиционные формы местного самоуправления. Они существуют на уровне родовых общин (то есть небольших групп родственников), на уровне родоплеменных, клановых связей, а также на уровне авторитетных неформальных лидеров, выполняющих важные функции по жизнеобеспечению представителей коренных малочисленных народов в условиях рыночных преобразований. Влияние последних особенно

сильно там, где слабы лидеры формальные, где существующие институциональные структуры местного самоуправления не обладают достаточными ресурсами для решения актуальных проблем жизнедеятельности и жизнеобеспечения населения.

Реализация интересов коренных малочисленных народов Севера в органах местного самоуправления в современных условиях осуществляется разными способами. Основными из них являются:

- самоорганизация в различных общественных организациях, принимающих участие в решении жизненно важных вопросов; наиболее активной в данном отношении является Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации и ее региональные отделения (заметим, что 1 ноября 2012 г. распоряжением Министерства юстиции Российской Федерации деятельность данной организации была приостановлена);

- квотное представительство в законодательных органах власти субъектов федерации (автономных округов) и представительных органах местного самоуправления (данная форма была предусмотрена статьей 13 Федерального закона о гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации, и хотя в настоящий момент эта норма исключена из Закона, в некоторых случаях на практике она продолжает действовать);

- уполномоченное представительство коренных малочисленных народов Севера в органах местного самоуправления (данная инициатива нашла отражение, например, в Законе об уполномоченном представителе коренных малочисленных народов Севера в Хабаровском крае);

- выделение в органах местного самоуправления департаментов (отделов) коренных малочисленных народов Севера (они существуют в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах и существовали в Долгано-Ненецком, Эвенкийском округах до момента ликвидации этих округов);

- прямое участие в выборах глав муниципальных образований и занятие соответствующих должностей.

В реальной практике нетрадиционные формы местного самоуправления взаимодействуют с традиционными формами. Это создает сложную мозаику актуально реализуемых форм самоуправления коренных малочисленных народов Севера. Поэтому усиление роли и повышение эффективности местного самоуправления предполагает задействование потенциала не только официальных и современных, чем часто ограничиваются, но и неофициальных и традиционных форм и механизмов самоуправления коренных народов. Значимость последних вряд ли можно оценить как имеющую выраженную тенденцию к снижению. Напротив, можно говорить об известном ее возрастании в условиях нестабильности социально-экономической ситуации и несовершенства законодательной базы в отношении коренных народов Севера.

Отсюда вытекает важная задача по изучению всего многообразия форм местного самоуправления в их реальном взаимодействии, а также по использованию соответствующих знаний в практической политике. Без этого даже подключение серьезных материальных, финансовых и административных ресурсов не может быть достаточно эффективным.

Стратегические ориентиры политики в отношении народов Севера

С учетом проведенного анализа можно предложить для дальнейшего обсуждения и возможной практической реализации, кроме сформулированных выше, также следующие положения.

1. Требуется изменить основополагающий подход и рассматривать народы Севера не только как нечто единое, не только как один укрупненный объект, но и как множество конкретных объектов. Коренные народы Севера во многом сходны в своем развитии и образе жизни. Но они и различны – по своей культуре, мировоззрению, традициям, социальной самоорганизации, интересам и конкретным историческим возможностям. Следовательно, формат устойчивого развития для каждого из этих народов будет своеобразным. Все это требует реализации субъектно-ориентированного подхода при разработке соответствующих концепций и программ, поскольку такой подход дает возможность учесть социокультурные особенности исторического развития и современного состояния разных северных этносов.

2. Поэтому существует потребность в разработке этноориентированных концепций устойчивого развития народов Севера применительно к отдельным субъектам федерации, в которых должны быть учтены особенности конкретных проблем и конкретных локальных условий существования народов. Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера должна быть не концепцией развития коренного населения отдельных субъектов федерации, а концепцией развития населяющих ее коренных народов. В своем не абстрактно-обобщенном, а конкретном и развернутом виде Концепция должна предусматривать доктрины (подконцепции) устойчивого развития отдельных народов: эвенков, ненцев, селькупов, долган и др. Региональные этноориентированные концепции комплексного устойчивого развития народов Севера на среднесрочную перспективу должны выступать в качестве основы специализированных региональных целевых комплексных программ, реализующих позитивные сценарии устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера.

3. Это не отменяет необходимости воссоздания Федеральной целевой программы устойчивого развития народов Севера, направленной на решение комплекса проблем их развития в масштабе всей страны, а также увеличение объема соответствующего целевого финансирования.

4. Наряду с активно пропагандируемой и успешно проводимой в ряде регионов политикой обустройства факторий целесообразно развивать национальные поселки как значимые компоненты социально-территориальной организации населения. Это будет способствовать возрождению традиционной культуры и устойчивому развитию коренных народов в условиях современных модернизационных процессов.

5. Важной задачей является создание действенного механизма задействования потенциала самих народов и повышения их ответственности за собственное развитие. Для этого необходимо, в частности, совершенствование существующих социальных структур, органов политической самоорганизации и самоуправления данных народов, подготовки соответствующих специалистов.

6. Требуется более тесное, чем в настоящее время, сотрудничество всех заинтересованных субъектов в процессе обсуждения, принятия и реализации нормативно-правовых актов, концептуальных основ и практических решений, касающихся народов Севера: лидеров общественных организаций коренных народов,

специалистов органов власти и управления, ученых, представителей нефтегазового комплекса и других промышленных предприятий, действующих на территории традиционного расселения народов, а также средств массовой информации.

7. Необходимо усилить научную составляющую при разработке концепций и программ устойчивого развития народов Севера, а также при организации мониторинга их реального положения, имея в виду в том числе увеличение объемов финансирования на конкретные исследования. Без знания того, что думают о своих проблемах рядовые жители и чего они хотят, никакие концепции и проекты не могут быть эффективными и оправданными.

8. С целью оценки реального состояния развития народов Севера, а также уточнения содержания специализированных региональных целевых программ их устойчивого развития органам власти совместно с научно-образовательными учреждениями целесообразно произвести комплексную научно-статистическую оценку достигнутого уровня развития человеческого потенциала коренных малочисленных народов Севера.

9. Целесообразно наладить систему индивидуального учета представителей народов Севера и их реальных потребностей в режиме мониторинга, решив при этом задачу документального подтверждения принадлежности отдельных людей к числу данных народов.

Фундаментальная задача для народов Севера состоит в том, чтобы избежать опасности превращения в музейные экспонаты в заповедниках глобализирующегося информационного общества, чтобы в этих условиях вновь продемонстрировать собственную историческую состоятельность. Решение данной исторической задачи во многом зависит от их собственной активности, от того, как и насколько они смогут задействовать свой этнокультурный потенциал с учетом реализованных в прошлом сценариев развития, современных условий и реальных потребностей. В то же время такое решение невозможно без действенной государственной поддержки, существующие формы и механизмы которой нуждаются в серьезном концептуальном переосмыслении.

Литература

Богоявленский Д. Последние данные о численности народов Севера // Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.raipon.info/component/content/article/1-novosti/2637-2011-12-27-11-54-03.html> (дата обращения: 17.01.2013).

Декларация ООН о правах коренных народов [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения: 15.08.2011).

Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://raipon.org/Официально/Документы/tabid/345/Default.aspx> (дата обращения: 15.08.2011).

Кряжков В. А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М. : Норма, 2010.

Пилясов А. Н. Игра за белых: чему могут научить мир народы Севера? / А. Н. Пилясов // И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знаний. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. С. 460–465.

ОСОБЕННОСТИ ГЛОБАЛЬНОЙ ТЕХНОСФЕРИЗАЦИИ БИОСФЕРЫ В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ

Дергачева Е. А.

докторант кафедры философии МПГУ, к. ф. н., доцент,
заместитель декана факультета экономики БГТУ.

E-mail: dergacheva@hotmail.ru

Глобализирующиеся на основе научно-технических производительных сил техногенные общественные системы не просто разрушают биосферу ради удовлетворения своих потребностей, но и создают искусственный мир техносферы, замещают им биосферный, не считаясь с необходимостью сохранения биосферы как универсальной саморазвивающейся системы биосферно-биологической жизни на Земле. В результате интеграции социальных, техносферных, биосферных компонентов и усиления роли техносферы получают распространение социотехноприродные процессы, а вместе с ними – социотехноприродная глобализация. Такое понимание глобальной техносферизации биосферы позволяет по-новому интерпретировать процессы и проблемы в социально-философской области глобалистики.

Ключевые слова: техногенное социоприродное развитие, техносфера, биосфера, глобальные социотехноприродные процессы, глобализация.

The globalization of technogenic societies based on the scientific and technical productive forces not only destroys the biosphere for satisfaction of constantly growing requirements but creates new artificial world of technosphere which replaces biosphere. The fact that biosphere as a unique system of regulation of natural biological life must be preserved is not taken into consideration. As a result of integration of social, technospheric and biospheric components and strengthening of role of technosphere social, techno and natural processes including social, techno and natural globalization are widely spread. Such interpretation of the global technospheric change of biosphere gives an opportunity to make new sense of processes and problems in social and philosophical area of Global Studies.

Keywords: technogenic social and natural development, technosphere, biosphere, global social, techno and natural processes, globalization.

За два последних столетия (XIX – начало XXI в.) в развитии современного общества и биосферного мира произошли значительные количественные и качественные перемены, которые были подготовлены всем периодом социоприродной эволюции человечества, особенно наступившим ее новым этапом – техногенным [Степин 2006: 19–23; Демиденко, Дергачева 2010; Дергачева 2011]. Человечество в результате промышленного переворота (конца XVIII – начала XIX в.) добилось огромных успехов в удовлетворении своих потребностей, в социализации человека и окультуривании природы планеты. Была создана обширная искусственная неживая предметно-вещественная, материально-энергетическая, электромагнитная и информационно-коммуникативная среда обитания человечества – техно-

Век глобализации 1/2014 124–132

сфера; за 1800–2010 гг. более чем в 7 раз выросло население мира (с 0,9 до 6,7 млрд), городское – в 70 раз (с 0,05 млрд до 3,5 млрд), а объем техносферы в расчете на каждого человека увеличился в тысячи раз, особенно в урбанизированных регионах; более чем в два раза возросла средняя продолжительность жизни (с 30 до 65–80 лет); более чем в двести раз увеличилось количество социально обеспеченных людей, что приближается к половине населения мира. Масштабы воздействия онаученного человеческого разума, творящего техносферу и преобразующего биосферу, по своим размерам и степени влияния на экологические системы планеты в XX в. стали сопоставимы с естественными природными процессами. В глобальной экосистеме биосферы Земли неимоверно разрослась, укрепилась и продолжает интенсивно расти социальная подсистема и создаваемая ею техносфера.

Промышленная революция конца XVIII в. ознаменовала наступление определенного рубежа между аграрными и постаграрными общественными системами, обусловила создание качественно новых производительных сил – научно-технических, пришедших на замену биологическим. Промышленность, зародившаяся вначале в районе «лотарингской оси» в Западной Европе (от Манчестера в Англии до Турина в Италии), стала постепенно распространяться на весь мир. Основную энергетическую нагрузку вместо мускульной силы человека и животных (как это было в аграрном обществе) стала нести индустриальная техника, а с развертыванием НТР – интегрированная совокупность науки, техники и технологий (то есть наукотехника). В начале текущего столетия на долю промышленной энергетики приходится до 99 % объема всех работ в мире, в то время как в начале XIX в. – всего лишь 2 %. Мощные производительные силы человечества в массовом масштабе получили возможность перерабатывать ресурсы биосферной природы. Благодаря технократическому использованию достижений наукотехники в мире формируются во многом уже постаграрные, техногенные общественные системы – вначале как индустриально-техногенные, а с конца XX в. – как постиндустриально-техногенные, которые эволюционируют преимущественно на основе рыночного либерально-экономического техногенеза [Дергачева 2005; 2009].

В техногенном обществе в ходе процессов урбанизации, индустриализации, информатизации и глобализации как социальных механизмов технологизации социума и биосферы складывается техносфера. Цель ее создания – удовлетворение насущных и элитных социально-экономических и социокультурных потребностей населения в более комфортной среде обитания (по сравнению с естественной, биосферной средой). Города, мегаполисы, городские агломерации и отдельные поселения становятся центрами промышленного производства и процессов интенсивной техносферизации. Основу техносферы составляют машинная техника и технологии, благодаря которым происходит ее усложнение (в форме промышленно-технических, агропромышленных и урбанизированных комплексов) и распространение по планете. Так, если сейчас антропогенно изменено более половины поверхности суши планеты, то к концу XXI в. будет изменено не менее 4/5 [Кацура, Отарашвили 2005: 44]. Крупнейшие города мира, объединенные транспортными и информационно-коммуникационными системами, образуют гигантский техносферный геополис со своеобразной урбан-техносферной жизнедеятельностью, которую можно рассматривать уже как постбиосферную, а со временем, в третьем тысячелетии, возможно и становление всепланетарной тех-

носферной жизнедеятельности. В техносфере осуществляется почти вся трудовая и социально-бытовая жизнедеятельность современного человека, ускоряются процессы социализации, формируется материально-техническая база для удовлетворения потребностей растущего населения. Глобальная техносферизация происходит в форме объединения производственных комплексов разных стран, подключаемых на разных стадиях технологического цикла с целью решения единых хозяйственных задач, совершенствования технологий производства, обмена и потребления продукции, получаемой с наибольшей экономической эффективностью. Такое переплетение национальных производственных процессов приносит сверхприбыли странам, обладающим научно-технологическим преимуществом. На этой основе формируются звенья единого мирового механизма воспроизводства и распространения техногенных процессов, начиная от внедрения техники и технологий и заканчивая техногенными изменениями биологического вещества биосферы, включая и изменения, происходящие в самом человеческом организме.

Либерально-экономическое развитие общества, основанное на постоянном приращении производства новых товаров и услуг, ускоряет научно-технический прогресс и процессы глобальной техносферизации, при этом противоречивая и даже опасная направленность техногенеза остается за пределами интересов рыночного хозяйствования. Техногенное развитие осуществляется в направлении постепенного вытеснения естественных природных систем и замещения их искусственными комплексами. Разрушение биосферы происходит в значительно большей степени, чем ее самовосстановление. Так, если в начале XX в. была уничтожена лишь пятая часть экосистем, то в начале XXI в. сопутствующие становлению глобальной техносферы процессы деградации затрагивают уже более двух третей систем биосферы [Николайкин и др. 2003: 361]. И этот техно-урбанистический каркас, пронизанный информационно-техносферными сетями, представляет ядро глобального техногенеза современного мирового сообщества. По нашим исследованиям, на смену биосферной системе жизни приходит не просто социоприродная система, а более обширная, включающая и техносферу, – глобальная социотехноприродная система. Последняя, возможно, утвердится уже в третьем тысячелетии, если социум не предпримет решительных шагов по сохранению биосферной жизни и порожденного ею человека.

Машинная техника и техносфера имеют искусственное (то есть технико-технологическое) происхождение и участвуют в изменении техногенным социумом биосферы ради удовлетворения своих потребностей и интересов. Они вступают во взаимосвязи по линии «социум – техносфера – биосфера», то есть являются компонентами более сложных процессов и явлений. Техносфера – это противоположность биосфере, то есть естественному, природному миру, саморазвивающемуся на планете на протяжении около 4 млрд лет. Это не просто техника и технологии, а все материально-искусственное неживое, включая химические вещества промышленного и иного искусственного, небiosферного происхождения, отходы производства и других форм жизнедеятельности населения, а также последствия их воздействия на биосферу и человека. Техносферизация – это процесс расширения всего искусственного; это также процесс сложной и непредсказуемой интеграции техносферы с социумом и биосферой. Среди последствий техносферизации особое место занимают процессы трансформации биосферных ме-

ханизмов регуляции природной среды (то есть биогеохимического круговорота веществ) и изменения биологии современного мира.

Как известно, биосфера представляет собой системную целостность живых организмов («живого вещества», по В. И. Вернадскому) с окружающей их естественной природной средой, с которой они находятся в постоянном физико-химическом взаимодействии и обмениваются веществом, энергией и информацией. Живое вещество эволюционирует, что и определяет состав биосферы (в том числе химический состав – биосферную химию). Биота поддерживает природную среду в жизнепригодном состоянии благодаря биогенной миграции атомов между живой природой и ее природно-биосферным окружением. Благодаря глобальному замкнутому биогеохимическому круговороту биосфера аккумулирует огромные потоки вещества и энергии, перераспределяет их, сохраняя динамическое равновесие. Постоянно воспроизводя биологические формы жизни (в том числе и людей), биосфера сама непрерывно изменяется под воздействием жизненных биогеохимических процессов. В техногенном обществе эти процессы особенно стремительно насыщаются небiosферной химией – супертоксикантами, ксенобиотиками и др. искусственными веществами. Это происходит в результате загрязнения экосистем промышленными, бытовыми и особенно синтезированными искусственными химическими веществами (их уже более 18 млн [Глобалистика... 2006: 328]), которые представляют различную степень опасности для биосферы и ее организмов. Искусственные супертоксиканты не выводятся из оборота, так как для большинства из них не существует механизмов их естественного разложения. Процессы глобализации производства синтетических химических веществ приводят к расширенному их накоплению не только в природной среде, но и в организме людей. Так, только в тканях человека находят до 2 тыс. объектов антропогенного происхождения [Там же]. Искусственные вещества распространяются через пищевые цепи, постоянно включаются в биосферный биотический круговорот веществ, трансформируют его, формируя техногенный круговорот веществ. Из техносферных островков искусственных веществ в процессах их распространения и слияния с социумом и биосферой в ходе урбанизации, индустриализации, информатизации, биотехнологизации возникает глобальная техносфера. Эти качественно отличные от биосферы части техносферы интегрируются с естественными природными организмами и человеком, создавая промежуточные формы между естественным и искусственным миром – технобиосферу, техногенного человека, трансгенные растения, клонированных животных и т. д.

«Био» – это не просто биологическое вещество, а это вещество, имеющее биосферное происхождение, – биосферное биологическое вещество¹ [Демиденко и др. 2011: 57], включающее живое и биогенное (то есть неживое биологическое вещество). Его состав, структура, функции и эволюция определяются многовековой жизнедеятельностью биосферы. Такое вещество сохраняет относительное качественное постоянство внутренней микроэлементной биологической структуры, характерной для организма биосферы, а также постоянство скорости обмена веществ с окружающей естественной природной средой. Биологические системы способны к самовоспроизводству, обладают наследственностью признаков и изменчивостью под влиянием спонтанных факторов естественной среды, что обу-

¹ Понятие введено Э. С. Демиденко.

словливает их генетические адаптации, видообразование, а в итоге – рост биологического разнообразия живых организмов биосферы.

Эволюция биосферного биологического вещества обусловлена не только саморазвитием биосферы, но также процессами изменения естественной природы земледельческим, а впоследствии техногенным социумом. Такие изменения начинаются в период перехода к первому типу производящей экономики – земледелию и связаны с целенаправленным окультуриванием диких растений и приручением животных на основе искусственного отбора и применения биосферных (земледельческих и селекционных) технологий, их адаптацией к культурным потребностям человека и дальнейшему совершенствованию социоприродной среды. Земледельческий социум существенно не изменял качественный состав биологического вещества биосферы. С переходом к техногенезу техногенным социумом активно начинают использоваться уже небiosферные, искусственные технологии – вначале в промышленности, а затем с разворачиванием научно-технической революции с середины XX в. – в земледелии и других сферах жизни общества. К небiosферным относятся индустриальные, информационные, нано-, био- и др. технологии как составные элементы техносферы. Их применение предполагает перевод живого биологического вещества биосферы и ее организмов в постбиосферное, искусственное состояние – трансгенное, биотехнологическое. Измененное под воздействием глобальной техносферизации биологическое вещество становится уже техногенным.

По мере нарастания процессов техносферизации биосферного биологического вещества происходит удаление его от естественных первооснов, присущих дикой природе. Отсюда необходимо различать: естественное природно-биосферное биологическое вещество, формируемое саморазвивающейся биосферой; биосферное биологическое социально-окультуренное вещество, сохраняющее свою структуру практически неизменной и связанное с развитием земледелия, присущих ему биосферных технологий и искусственного отбора; биосферное биологическое вещество с техногенными изменениями, возникающими в результате загрязнения (или обработки) его химическими и другими искусственными веществами [Демиденко и др. 2011: 58]. В ходе сочетания технико-технологических процессов производства и биосферных технологий в таком веществе формируются, наряду с существующими биосферными, новые его свойства (позитивные и негативные). По сути, биосферное биологическое вещество в своей совокупности и есть тот жизнеподдерживающий «каркас» биосферы, без которого невозможно само существование жизни человека. Именно это вещество, несмотря на содержание в нем синтетических веществ и химических элементов, обладает способностью к воспроизводству и распространению жизни на Земле (конечно, в определенных пределах изменений под воздействием антропогенных факторов внешней среды). Но, к сожалению, этот «биосферный каркас» человечество нарастающими темпами разрушает и трансформирует, тем самым игнорируя безопасность собственного существования на Земле. В ходе техносферизации биосферного биологического вещества на основе небiosферных, искусственных технологий создается уже постбиосферное биологическое вещество (искусственное живое и биогенное, то есть обобщенно – искусственная жизнь), интегрирующее гены самых различных растений и животных, в результате чего формируются уже новые для биосферы виды. И такие трансформации распространяются по планете в результате рыночно ориентиро-

ванных достижений научно-технического прогресса. Соответственно разрушающийся генофонд естественной природы (сокращение ее биоразнообразия) человечество может восполнить (а на деле получается, что заменить) с помощью новейших биотехнологий для сохранения и дальнейшего развития жизни на Земле. Однако с переходом к техногенезу в биосферном биологическом веществе происходят существенные трансформации, которые в основном неоднозначно (в большинстве своем негативно) сказываются как на самом веществе, так и на формирующихся из него организмах биосферы.

Трансгенные, генно-модифицированные организмы и продукты питания разрушают биосферу и человека уже «неклассическим» путем, ослабляют биосферную жизнь, миллионами лет складывающуюся на планете. В мире уже сотни гектаров земли засеяно трансгенными растениями. Таких растений уже более 120 видов. Кроме того, пищевой рацион современного потребителя в значительной степени состоит из биотехнологических продуктов. В этом нас убеждают следующие факты. Сейчас, в начале XXI в., в мире выращивается уже более половины объема трансгенной сои и пятая часть хлопка, а в США, широко использующих искусственно синтезированные продукты питания, почти вся соя, две трети кукурузы и половина хлопка являются трансгенными [Уокер 2008: 240]. Биосфера и ее организмы насыщаются искусственно созданными техносферно-биологическими компонентами, многие из которых обладают способностью к самостоятельной эволюции и их уже невозможно устранить из естественной природной среды. Все это сопровождается потерей биосферного биоразнообразия, загрязнением трансгенами генетически не модифицированных растений в результате стихийной миграции трансгенов на другие виды. Внедрение технологий техносферы значительно затрудняет понятие «биосферный биологический организм». В связи с этим возникает необходимость принятия глобальных мер по сохранению нетрансгенных традиционных культур. Трансформируемая под воздействием расширения техносферы биосфера переходит в новое качественное состояние – технобиосферу.

Техногенные продукты питания обычно создаются на базе агропромышленных комплексов с использованием «передовых технологий» повышения урожайности растений, высокой устойчивости к вредителям и других достижений биотехнологической индустрии. Однако содержание питательных веществ в таких продуктах питания существенно отличается от биосферных продуктов. С одной стороны, биосферные питательные вещества в них постоянно сокращаются из-за минерального истощения обрабатываемых земель, а с другой – происходит насыщение пищевых продуктов искусственно-химическими веществами, что отрицательно сказывается на здоровье человека за счет обеднения его пищевого рациона. Последний должен содержать не менее 600 питательных ингредиентов, в том числе 17 витаминов и 20 аминокислот. Так, если в начале XX в. человек, съев два яблока средней величины, получал суточную норму железа, то в начале текущего столетия для этого требуется уже примерно 25–50 яблок [Ларионова, Алексеев 2008: 94] или же прием биодобавок. Снижающаяся пищевая ценность продуктов питания человека (растительного и животного происхождения) не позволяет обеспечивать его организм необходимыми микроэлементами, приводит к нарушению пищевого статуса и как следствие – к заболеваниям, необходимости медицинского вмешательства или же постоянного приема витаминно-мине-

ральных комплексов и лекарственных препаратов, хотя и эти меры не позволяют компенсировать в достаточной степени снижающиеся адаптационные возможности организма к техногенным условиям жизнедеятельности. Несмотря на то, что более двух третей населения развитых стран мира принимают «витаминные» таблетки, то есть биодобавки (а в России – всего лишь 5 %), количество людей, страдающих от «болезней цивилизации» (ожирения, диабета и т. д.), в этих странах не только не снизилось, а, наоборот, продолжает расти. Конечно, под воздействием техносферизации стремительно развиваются социальные качества населения: совершенствуется его мышление, усложняются трудовые функции и образ жизни, формируются новые потребности, удовлетворяемые в большей степени за счет биосферы. Но в то же время разрушаются природные свойства человека, что отрицательно сказывается на состоянии его здоровья. Ведь только за последнюю треть XX в. в 2,5 раза увеличилось количество генетических дефектов в результате ослабления иммунной системы и снижения сопротивляемости человеческого организма болезням [Глобалистика... 2003: 93].

Формируется сложное и непредсказуемое взаимодействие в системе «социум – техносфера – биосфера», то есть социально-техносферно-биосферные взаимоотношения. Взаимосвязь этих компонентов основывается на нарастающем доминировании социально-техногенных и искусственных систем в развивающемся социоприродном организме, что приводит к изменению биосферных биогеохимических циклов и других биосферных процессов и формированию на планете новых, переходных форм биологической жизни – от естественных к искусственным (то есть от биосферных – к постбиосферным). Такие формы жизни, создаваемые социумом на основе небiosферных технологий и внедрения небiosферных веществ, то есть интеграции с искусственным миром техносферы, являются уже социотехноприродными (техногенно трансформированными, трансгенными и т. д.). В то же время эти творения человеческого разума еще нельзя относить к миру техносферы, в котором искусственные, технико-технологические процессы качественно отличаются от мира живого, биосферно-биологического. В ходе глобализации техносферы происходят многоступенчатое усложнение биосферной биологической жизни и ее переход на надприродно-искусственный уровень своего существования.

Современный эволюционирующий социоприродный мир не имеет жестко разделяемых границ природно-биосферных и социальных закономерностей, где четко отделить социальное от природно-биологического, а теперь уже и от техносферного, очень сложно. Речь в глобалистике должна идти уже не просто о социально-экономических и социоприродных процессах [Дергачева 2008], на изучении и прогнозировании которых концентрируют свое внимание последователи В. И. Вернадского, Э. Леруа и П. Тейяра де Шардена, а о более обширных – социотехноприродных – процессах (и проблемах), которые являются переходными от естественной к искусственной детерминации жизни. Ведь общество и мир сейчас развиваются не по биосферному, а по *социально-техногенному* пути [Демиденко и др. 2011; Дергачева 2010]. Такие процессы представляют собой развитие явлений с участием техногенного социума, его техносферы и трансформируемой биосферы. В теории глобалистики не учитываются совершающиеся сейчас в ходе техногенеза глобальные трансформации по формированию новой системной целостности социоприродной жизни, переходу жизни от ее естественных, биосферных

форм к искусственным, замене естественной эволюции жизни социотехноприродной и формированию социотехноприродного, техногенного мира. Но это уже не просто социоприродная, а *социотехноприродная глобализация*² [Дергачева 2009]. Новое направление исследований *социотехноприродных процессов*, расширяющее границы понимания техногенности эволюции общества и природы, находит отражение в трудах В. И. Гнатюка, Э. С. Демиденко, А. М. Ковалева, С. В. Кричевского, Б. И. Кудрина, В. А. Кутырева, Н. Н. Лапченко, А. П. Назаретяна, Н. В. Попковой, В. С. Степина, С. Н. Чувина, А. Ф. Шустова и др. [см., например: Демиденко 2003; 2006; Демиденко и др. 2007; Попкова 2008; 2009; 2010].

Либерально-экономическое развитие техногенного социума в совокупности с транснациональными корпорациями ориентировано на рыночный экономический рост и получение сверхприбылей в краткосрочном периоде за счет совершенствования наукотехники и техносферы и использования ресурсов биосферы. Со становлением техногенных общественных систем и расширением процессов техносферизации формируется новая, социотехноприродная форма эволюции жизни на планете Земля. Процессы такой интеграции охватывают в большей или меньшей степени все пространство планеты. Развивается не просто социоприродная, а уже социотехноприродная система, к которой постепенно переходят функции по воспроизводству и организации жизни от утрачивающей свою мощь и биоразнообразие биосферы. Достаточно отметить, что скорость сокращения площади естественных экосистем в настоящее время составляет около 0,5–1 % в год и, по прогнозам, по мере разрушения биосферы они будут почти полностью ликвидированы на суше уже к 2030 г. А скорость исчезновения биологических видов в сотни и даже тысячи раз выше, чем в доиндустриальный период развития общества [Данилов-Данильян и др. 2007: 38–39]. Это неоднозначный процесс, так как неизвестно, будут ли в дальнейшем положительные изменения для социума и человека превалировать над негативными. Пока такого не наблюдается в свете разворачивающегося экологического кризиса. Эти социотехноприродные процессы и проблемы необходимо исследовать на уровне как социально-философской области глобалистики, так и всего междисциплинарного комплекса наук. Ведь на «балансе» человечества стоит разумное согласование технократических закономерностей социотехноприродной глобализации и создание возможностей для поддержания механизма воспроизводства естественной биосферно-биологической жизни на планете Земля.

Литература

Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М.; СПб.; Н.-Й. : Елима; Питер, 2006.

Глобалистика: Энциклопедия / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «ДИАЛОГ». М. : Радуга, 2003.

Данилов-Данильян В. И., Залиханов М. Ч., Лосев К. С. Экологическая безопасность. Общие принципы и российский аспект. М. : МППА БИМПА, 2007.

Демиденко Э. С. Ноосферное восхождение земной жизни. М. : МАОР, 2003.

Демиденко Э. С. Формирование метаобщества и постбиосферной земной жизни. М.: Всемирная информ-энциклопедия; Брянск : Ладомир, 2006.

² Понятие введено автором.

Демиденко Э. С., Дергачева Е. А. Техногенное развитие общества и трансформация биосферы. М. : Красанд, 2010.

Демиденко Э. С., Дергачева Е. А., Попкова Н. В. Техногенное общество и земной мир / под ред. Э. С. Демиденко. М. : Всемирная информ-энциклопедия; Брянск: БГТУ, 2007.

Демиденко Э. С., Дергачева Е. А., Попкова Н. В. Философия социально-техногенного развития мира. М. : Всемирная информ-энциклопедия; Брянск: БГТУ, 2011.

Дергачева Е. А. Техногенное общество и противоречивая природа его рациональности. Брянск : БГТУ, 2005.

Дергачева Е. А. Социоприродная проблематика в современной глобалистике // Философия и общество. 2008. № 3. С. 109–122.

Дергачева Е. А. Тенденции и перспективы социотехноприродной глобализации. М. : ЛИБРОКОМ, 2009.

Дергачева Е. А. От техногенного общества – к социотехноприродной глобализации // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 4. С. 7–13.

Дергачева Е. А. Философия техногенного общества. М. : Ленанд, 2011.

Кацура А., Отарашвили З. Экологический вызов: выживет ли человечество? М. : МЗ Пресс, 2005.

Ларионова И. С., Алексеев А. А. Системное мышление в практике биолога и врача: философский анализ. Т. 2. М. : ЛКИ, 2008.

Николайкин Н. И., Николайкина Н. Е., Мелехова О. П. Экология. М. : Дрофа, 2003.

Попкова Н. В. Антропология техники: Становление. М. : ЛИБРОКОМ, 2009.

Попкова Н. В. Философия техносферы. М. : ЛКИ, 2008.

Попкова Н. В. Философская экология. М. : ЛИБРОКОМ, 2010.

Степин В. С. Философия и эпоха цивилизационных перемен // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 16–26.

Уокер Ш. Биотехнология без тайн. М. : Эксмо, 2008.

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГЕГЕМОНИИ США: ИМПЕРСКОЕ ДОМИНИРОВАНИЕ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В XX В.

Шишков В. В.

к. полит. н., доцент кафедры государственной службы и кадровой политики Института государственной службы и управления персоналом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

E-mail: fh55@mail.ru

В статье прослеживается становление и развитие гегемонии США. Рассматриваются факторы, способствовавшие росту американского могущества и позднейшей специфике его проявления. Анализируются основные геополитические цели США в период XIX–XX вв. и порядок их достижения. Определяются основные компоненты американской гегемонии. Представлена концепция, согласно которой глобализация стала формой имперского доминирования США в мире, предоставив в их распоряжение экономические, финансовые, интеллектуальные мировые ресурсы и поставив их самих в зависимость от успеха направленности и контролируемости этого процесса.

Ключевые слова: империя, гегемония, геополитика, глобализация, США, Первая мировая война, Вторая мировая война, холодная война.

The article traces the emergence and development of U.S. hegemony. The factors that contributed to the growth of American power and the specifics of its later manifestations. The major geopolitical goals of the USA during the XIX–XX centuries and the ways of achieving them are analyzed in the article. The major components of American hegemony are determined. The article presents the concept according to which globalization became a form of imperial domination of the USA in the world providing them with the economic, financial and intellectual resources and thus they were held in dependence from the success of direction and accountability of the process.

Keywords: empire, hegemony, geopolitics, globalization, the United States, World War I, World War II, the Cold War.

Становление и развитие политической гегемонии США представляет собой процесс образования неформальной имперской системы, отличающейся от могущественных держав прошлого – традиционных и колониальных империй. Реализации гегемонистских устремлений США способствовали объективные факторы, обеспечившие рост американского могущества и позднейшую специфику его проявления.

Век глобализации 1/2014 133–146

Во-первых, США стали первым самостоятельным государством в Новом Свете, за пределами евразийской ойкумены. Геополитически Америка представляет собою остров между берегами гигантской Евразии [Киссинджер 1997: 740]. В силу этого их не затрагивали политические и другие противоречия государств Европы и Азии. Вследствие этих обстоятельств политике США не свойственно видеть ограничители собственной мощи и устанавливать самоограничения.

Во-вторых, в политическом, социальном и культурном аспектах строительство государства и общества осуществлялось заново, без учета предыдущего политического опыта. Основатели США воплощали грандиозный проект политической реализации идей эпохи Просвещения по созданию нового мира. Социально-культурной основой становления американского имперского универсума были переселенцы – колонисты, заселяющие и переделывающие под себя и свои представления Новый Свет.

Политическая, социальная и культурная новизна американской «неформальной империи» стали факторами, определившими ее претензии и амбиции на исключительное положение среди других политико-территориальных сообществ.

В-третьих, США в своем имперском развитии не испытывали давления со стороны адекватных региональных соперников. С 1814 г., с завершением войны с Британией, «второй войны за независимость», и до XX в. США не сталкивались с политической конкуренцией со стороны державы, соответствующей им по мощи и по способности к ее применению.

В силу рассмотренных и перечисленных обстоятельств, особенностей американского мировосприятия имперская доктрина США, складываясь, утверждала принципы исключительности и мессианства, универсализма и интернационализма, амбиций и экспансии, присущих американскому мировидению [Богатуров 2004: 80–84], а также специфический американский изоляционизм, требующий от США полного контроля за ходом вещей [Ливен 2004: 5–6], то есть в ней сохранились позиции, характерные для имперской идеологии.

Имперская доктрина США складывалась постепенно и находила выражение в политических документах и сочинениях, реализация положений которых приводила к удовлетворению амбиций и увеличению имперского могущества. Политические идеи имперской доктрины содержались в документах, различных по своему формальному статусу. Среди них есть и официальные заявления («доктрина Монро», «длинная телеграмма» Дж. Кеннана), исторические исследования (теория Мэхена) и статьи («Manifest Destiny», работа Дж. Кеннана). Их объединяет то влияние, которое было оказано на американское общество, его политическое руководство, проводимую им политику. Политика, осуществляемая под влиянием идей, содержащихся в этих сочинениях, последовательно привела к обретению США имперского господства (сначала на американских континентах), морского могущества и построения глобальной имперской системы, победившей в холодной войне.

На основе этих документов политическим руководством США формировались доктринальные основы политики, известные как «доктрина Трумэна», «доктрина Эйзенхауэра», «доктрина Кеннеди» и т. д. до современности. Положения доктрин, адаптируя политический курс в соответствии с актуальными задачами, оставались неизменными в следовании рассмотренным принципиальным идеям. Основное их содержание было направлено на необходимость сохранения лидер-

ства США, курса на достижение мировой гегемонии, то есть сохранение американского имперского превосходства.

Американская гегемония, исходя из доктринальных основ, последовательно шла к укреплению могущества Штатов, шаг за шагом распространяя свои амбиции на окружающий мир. «У США есть пять геополитических целей, – пишет зарубежный исследователь Дж. Фридман, – которые определяют их стратегию. Эти цели постепенно, шаг за шагом становятся все масштабнее, амбициознее и сложнее» [Фридман 2010: 59–64].

Первая цель – полное господство США в Северной Америке; вторая – устранение любой угрозы США со стороны какого-либо государства Западного полушария; третья цель – полный контроль над морскими доступами к США и предотвращение любой возможности вторжения с моря; четвертая – полное господство над Мировым океаном для укрепления физической безопасности и обеспечения контроля над международной торговой системой; пятая цель – лишение любой страны возможности оказывать сопротивление глобальному превосходству США.

В своей имперской экспансии США последовательно достигали указанных целей. Со времени высадки первых пилигримов «Мейфлауэра» на американском побережье в 1620 г. складывалась социальная и культурная основа протоимперского образования, чертами которой стали свободолюбие, чувство особого предназначения и мессианство.

В 1776 г. тринадцать колоний британской короны объявили о своей независимости и создании Соединенных Штатов Америки, приняв Декларацию независимости. В ходе Войны за независимость США 1775–1783 гг., принявшей черты антиколониальной борьбы и социально-политической революции [Согрин 2005: 88], определялась судьба нового политического образования. Революционный характер Войны за независимость отражал модернизационную направленность происходивших в тринадцати колониях изменений.

Модернизационные трансформации, происходившие в американском обществе, требовали соответствующего политического утверждения, что привело к закреплению в Конституции 1787 г. идеи централизованного государства, за которую выступали авторы «Федералиста» А. Гамильтон, Дж. Мэдисон, Дж. Джей.

По мнению В. В. Согрина, мотивация и идеология авторов конституции были достаточно сложны и направлены на формирование модели активного участия в политике групп элиты, сформировавших две национальные партии, предлагавшие избирателям для одобрения своеобразный контракт, в котором так или иначе учитывались массовые социальные интересы [Он же 2004: 10–12]. Тем самым формировались основы политической системы США.

Достижению геополитических целей США препятствовала лишь их внутренняя амбивалентность, разделенность штатов на две группы по вопросу рабства [Он же 2010: 21]. Государство было разделено в экономическом, социальном и культурном плане на две части: промышленный, модернизирующийся Север, благодаря которому США вошли в четверку индустриальных держав мира [Новая... 1986: 490], и аграрный, традиционалистский Юг.

Преодоление разделенности США было достигнуто в ходе Гражданской войны 1861–1865 гг. и Реконструкции Юга 1865–1877 гг.

После завершения Гражданской войны обретшие политическое единство США приступили к достижению второй и третьей геополитических задач имперской экспансии – контролю над Западным полушарием, провозглашенным еще в «доктрине Монро» (1823 г.), и контролю над морским пространством у берегов США. Экспансионистский характер внешней политики США нашел проявление во все возрастающем интересе американской стороны к островам Вест-Индии как базам для военно-морского флота Америки [История... 1983: 506].

По сути, США вслед за другими ведущими модернизированными державами приступили к колониальной экспансии с той оговоркой, что экспансия США представлялась в форме вытеснения европейских колониальных империй из Западного полушария [От миропорядка... 2005: 45]. Отсчет колониальной экспансии принято вести с 1867 г., когда под власть США официально перешли атолл Мидуэй и Аляска [Миньяр-Белоручев 2009: 131].

На рубеже XIX–XX вв. с приобретением первых заморских владений, созданием могущественного флота, установлением своего господства в прилегающих океанских водах США становятся на путь империостроительства. Американо-испанская война 1898 г. и война на Филиппинах 1899–1902 гг. стали первой проверкой имперских амбиций США, которую их политическое руководство и общество с успехом выдержали. Отныне флот США господствует в Карибском море и выступает значительной силой на Тихом океане.

К 1900 г. территория США увеличилась в 10 раз [История США... 1985a: 157, 507], что является само по себе показателем экспансионистской направленности политики, являвшейся неотъемлемым показателем имперскости. США, основываясь на экономическом могуществе континентального ядра имперской гегемонии (так как по экономическим показателям они вышли на первое место в мире [Там же: 343]), расширяли зону своего контроля все дальше и дальше от своих берегов, что неизбежно должно было привести к конфронтации с ведущими державами Европы, создавшими свои колониальные империи. Их судьба, как и будущее американской гегемонии, зависела от контроля над Мировым океаном.

Владычицей морей была Британия, создавшая самую большую колониальную империю. Казалось бы, что участие США в мировом кризисе 1914–1945 гг., необходимое в силу их возрастающих имперских притязаний, должно было проходить не на стороне Туманного Альбиона. Наряду с этим обстоятельством политическому руководству США необходимо было учитывать нарастающую экономическую мощь Германии, создававшей свой «Флот открытого моря» и все более конкурентоспособной в сфере мировой торговли.

Не только непосредственно экономические факторы определили направление политики США в мировом кризисе. На протяжении нескольких десятилетий одной из основ внешней политики Америки, предпосылкой для ее экономического роста являлись мир и баланс сил в Европе, главным разрушителем чего явилась Германская империя [Козенко 1998: 141–142].

Вступление США в войну на стороне Антанты было обусловлено, помимо экономических факторов, географическим положением, национальной, языковой и культурной общностью народов США и Британии. В итоге в критический период мировой истории, пользуясь быстрым ростом своей экономической и военной мощи, а также очевидным развалом международной системы, центром которой была Европа, США выработали новую стратегическую линию, принципиальным

содержательным моментом которой было изменение всей системы международных отношений на выгодных для Америки условиях [Зырянова 2004: 2, 9].

Участие США в Первой мировой войне с 5 апреля 1917 г. стало их дебютом в европейской политике. Перебросив свои войска через Атлантический океан, Штаты создали предпосылки завершения войны в 1918 г. США вступили в Первую мировую войну позже других основных участников, но их вклад в победу Антанты позволил им принять участие в послевоенном мироустройстве на равных с главными победителями (Францией и Великобританией) и предпринять усилия по достижению своих геополитических целей.

Мировой кризис первой половины XX в., порожденный противостоянием империй Старого Света, позволял США реализовать свое экономическое превосходство в переустройстве мировой политической структуры в собственных интересах.

Эти интересы в практической политике и геополитике руководства США выступают в качестве следующих основных целей: установление господства над Мировым океаном, контроль над международной торговлей, глобальное превосходство над любой страной.

Версальско-Вашингтонская система, установленная победителями в Первой мировой войне, обеспечивала колониальным империям господство в их увеличившихся владениях, создавала площадку согласования национально-государственных интересов, необходимую для стабильности установленного миропорядка, – Лигу Наций, дискриминировала и игнорировала державы, потерпевшие крах в ходе первого этапа мирового кризиса – Германию и Советский Союз, и, что выглядит парадоксально, привела к изоляции США при неизменном сохранении имперских стратегических задач [История США... 1985б: 77].

Исследователь М. И. Мельтюхов отмечает, что основой внешней политики Соединенных Штатов было стремление занять вместо Англии положение политического центра мира, что требовало полного переустройства системы международных отношений на основе создания глобального баланса сил великих держав под эгидой Вашингтона. Соответственно в отношении стран Латинской Америки с конца 1920-х гг. начинается политика «доброе соседство», на Дальнем Востоке – политика «непризнания», а в Европе – политика «нейтралитета» [Мельтюхов 2009: 125]. Тем не менее политика изоляционизма в условиях наступления нового этапа мирового кризиса виделась Ф. Рузвельту анахронизмом [Мальков 1988: 111].

Позиция США перед Второй мировой войной позволила им вступить в нее к моменту истощения основных участников борьбы за контроль над Евразией и к моменту, когда начнутся геополитические изменения уже структурного порядка, которые кардинально изменят соотношение сил [Нарочницкая 2011: 11–12] в пользу американской гегемонии. Приняв участие во Второй мировой войне, США вступили в нее сначала в роли защитника свободного мира, союзника, а затем наследника стремления Британской империи к мировому доминированию, что представляло возможным политическое руководство США в лице президента Ф. Рузвельта [Уткин 1990: 55]. Атлантическая хартия 14 августа 1941 г., исходящая из права народов на самоопределение, экономического сотрудничества и свободы морской торговли, необходимости разоружения [Шубин 2004: 523], открывала доступ США к колониальной торговле и предоставляла им право на

участие в послевоенном устройстве мира, уже закладывала основы этого послевоенного устройства [Юнгблуд 2007: 69]. Упрочению позиций США в качестве мирового финансового центра служили результаты Бреттон-Вудской конференции (1944 г.) [Алексеев 2005: 110], санкционировавшей создание МВФ (Международного валютного фонда) и МБРР (Международного банка реконструкции и развития).

Усилия, предпринятые Соединенными Штатами в ходе Второй мировой войны, их военные достижения, ослабление и истощение других держав-победительниц позволили им достичь решающего превосходства в западном мире и приступить к созданию глобальной имперской системы через экономическую экспансию.

Кроме того, с 1930-х гг. в США торжествует модель демократического элитизма, сохраняющая свое значение до наших дней. На этом этапе реальные рычаги и возможности политического управления оставались сосредоточенными в руках элиты, и хотя объем и эффективность воздействия и контроля над нею со стороны общества и демократии возросли [Согрин 2001: 358], политическая элита Америки получила возможность реализовать свои экспансионистские замыслы. Администрация США, возглавляемая Ф. Рузвельтом, в конце Второй мировой войны возвращалась к формуле вильсоновского «идеализма» в новой ее трактовке, в которой признание лидирующей роли Соединенных Штатов в мировых делах приобретало характер абсолютного императива. Исходным принимался факт резкого экономического ослабления всех стран и превращения США в этих условиях в «образец» социально-экономического развития для остального мира, своего рода эталон для подражания, что подразумевало одновременно и отношения зависимости. Организация имперского господства должна была основываться на многочисленных военных базах США, расположенных на всех континентах, а также торговой и финансовой экспансии [Мальков 1988: 303].

К концу войны Соединенным Штатам принадлежало около 60 % мирового промышленного производства, около 61 % морского торгового флота и гражданской авиации. Экономическая и военная мощь, монопольное владение ядерным оружием, система союзов с остальными державами-победительницами позволяли США приступить к переустройству мира, приведя его к зависимости от американской экономики, а впоследствии и от их политической воли.

В 1947 г. Соединенные Штаты находились в зените своего материального превосходства, Запад получил колоссального по мощи лидера, способного установить желаемый порядок в мире и изолировать Советский Союз, которому по результатам Ялтинско-Потсдамских договоренностей [Ялта-45... 2010] принадлежал контроль над третьим миром [Уткин 2008: 195, 223, 224]. Американской гегемонии необходимо было создать и упрочить систему своего превосходства и достичь победы в противостоянии с Советским Союзом в холодной войне.

До тех пор, пока СССР оставался в состоянии оказывать сопротивление политической воле США, не могло быть и речи об установлении глобального превосходства американской «неформальной империи». Противостояние становилось неизбежным в силу политических, геополитических, экономических, идеологических и культурных причин. В своей «Длинной телеграмме» 1946 г. Дж. Кеннан писал: «Мы имеем политическую силу, которая фанатично верит в то, что с Соединенными Штатами невозможно неизменное сосуществование. Эта политиче-

ская сила, полностью подчинившая себе энергию одного из величайших народов мира и ресурсы самой богатой национальной территории, берет свое начало в глубоких и мощных течениях русского национализма. Перед нами стоит сложнейшая задача найти способ совладать с этой силой» [Кеннан 1989: 50].

После Второй мировой войны США и СССР вступили в период конфронтации, известный как холодная война. Основными источниками послевоенной конфронтации явилось различие взглядов и политики в отношении стран Восточной Европы, западных и восточной зон Германии, атомная монополия США [Ржешевский 2008: 43, 47]. Таким образом, с конца 40-х гг. XX в. развернулось противостояние двух мировых имперских систем, двух социально-политических систем и идеологий за сферы влияния и господства, подчинявшееся геополитической логике, установленной со времен первых империй.

Противостояние имперских систем привело к формированию биполярной системы, когда в состоянии соперничества находятся только две крупные державы, которые требуют лояльности от малых стран, что приводит к образованию жестких союзнических структур.

Для Соединенных Штатов противостояние с СССР было решающим на их пути к достижению мировой гегемонии, ситуации, при которой они выступят в качестве силы, направленной на подчинение всех субъектов, участников международной политики, на реализацию интересов гегемона [Бэттлер 2002: 76], то есть своих собственных. В отличие от европейских держав американцы, как отмечает В. М. Зубок, почти не оставляли СССР возможностей для договоренностей о сферах влияния, для прагматических сделок, хотя бы в духе того же циничного империализма. США не собирались мириться с существованием советской социалистической империи в Центральной и Восточной Европе и были готовы, невзирая на расходы и стратегическую целесообразность, воевать со всеми революционными движениями, которые поддерживал СССР, будь то в Азии, Африке или Центральной Америке. США, за исключением периода Второй мировой войны и разрядки Никсона – Киссинджера, никогда не признавали советский строй полностью легитимным [Зубок 2011: 496–497] или сам СССР в качестве равного партнера [Печатнов 2006: 33]. В этой радикальной политической позиции США хорошо видна их имперскость, не признающая равных себе политических субъектов.

В послевоенный период (1940–1960 гг.) в политической системе США начинает утверждаться положение о президенте как о главном администраторе и главном законодателе – «президентское лидерство», которое дополняло концепцию ответственного партийного правления. И. К. Лапшина обращает внимание на то, что соединение в одном лице функций главного администратора, законодателя и лидера партии приводит к тому, что президент выступает главным «двигателем» законодательного процесса, обеспечивая формулирование, а затем и выполнение принятой программы [Лапшина 2008: 33]. В силу данного обстоятельства можно рассматривать реальный статус президентства в США как исключительный, несмотря на издержки периодически возникающего, разделенного правления с Конгрессом США, его палатами. Президент, пользуясь поддержкой своей администрации, высокопоставленных представителей его партии, в силу своего политического положения не только определял развитие американского государства, но и направлял стратегический вектор имперской политики. Президенты США

времен холодной войны в полной мере воспользовались своим исключительным положением в политической системе США для определения и реализации стратегии в противостоянии с Советским Союзом.

Стратегией США в холодной войне стало сдерживание. На протяжении всего периода холодной войны стратегия сдерживания в различных вариациях составляла фундаментальную основу всех доктрин по применению военной силы. Под сдерживанием понимается ряд целенаправленных шагов, воздействующих на умы представителей противоположной стороны с целью изменить политику, что соответствует рациональной парадигме [Иванов 2008: 16].

Эта стратегия помимо военной составляющей, представленной стратегическим и тактическим ядерным оружием, средствами его доставки, первым в мире по своей мощи военно-морским флотом, передовыми по оснащенности военно-воздушными силами и сухопутными войсками, системой их базирования, практически по всему миру реализующей замыслы Н. Дж. Спайкмена (Rimland), воплощалась еще в четырех компонентах.

Первым из них была экономическая мощь США – первая в мире – и стартовавший на ее основе современный этап глобализации.

Америка использовала современную глобализацию, запущенную планом Маршалла, как свое главное оружие против социалистической системы, возглавляемой СССР.

В послевоенном мире американский доллар стал мировой резервной валютой, поддерживаемой в рамках системы соглашений и механизмов, обеспечивавших лидирующую роль американской экономике. Несмотря на кризис начала 70-х гг., политическому руководству США удалось сохранить его надежность и статус в мировой финансовой системе, перейдя к плавающему курсу. Возрастающий потребительский спрос в США экономически привлекал экспорт из других стран, стремившийся заполнить американский рынок. Привлекательность интегрированного американского рынка была настолько велика, что на протяжении 70-х и 80-х гг. США могли позволить себе огромный дефицит федерального бюджета, который финансировался за счет иностранных инвестиций и покупок американских долговых обязательств [Кларк 2004: 214–215]. Экономическая и финансовая успешность Соединенных Штатов в условиях развертываемого с их подачи современного процесса глобализации стали основным условием их победы в холодной войне.

Второй основой стала система политических и военных союзов, гарантировавших поддержку политики США по всему миру, благодаря чему американская имперская система получила такую характеристику, как консенсуальная империя [Kenberry 2004: 147].

В качестве центральной внешнеполитической задачи на протяжении всего XX в. Соединенные Штаты преследовали цель – не допустить чьей-либо гегемонии в Европе. Ради этого Америка участвовала в двух мировых войнах на европейском континенте и продолжала стоять на страже в период холодной войны. НАТО – Трансатлантический альянс, созданный в 1949 г., когда коммунизм представлял реальную угрозу безопасности и стабильности в Европе, – сыграл ключевую роль в решении этой задачи. Подписание Североатлантического договора имело двоякую цель. С одной стороны, оно являло собой конкретное обязатель-

во, взятое на себя США, прийти на помощь Европе в случае советских посягательств, а с другой – это был способ убедить шаткие правительства континента противостоять распространению коммунистической идеологии внутри своих стран [Далдер, Голдгайер 2006: 162–163].

С Японией и Южной Кореей США заключили двухсторонние военно-политические договоры, обеспечивавшие им защиту Америки в обмен на базы и политическую поддержку.

Благодаря системе союзов, сформировавшейся вокруг США, их рассматривают как «империю по приглашению» (*empire by invitation*) [Баталов 2003: 14]. Другие государства в обмен на защиту и помощь согласны видеть в США имперский центр.

Третьей составляющей стратегии стали тайные операции, ведущиеся на экономическом, геополитическом и психологическом фронте, имевшие своей целью подрыв и ослабление советского могущества [Швецер 1995: 10–12]. Они включали тайную финансовую, разведывательную и политическую помощь движению «Солидарность» в Польше, значительную военную и финансовую помощь моджахедам в Афганистане, устраивали кампании по резкому уменьшению поступления твердой валюты в Советский Союз, всестороннюю и детально разработанную психологическую войну, комплексные акции мирового масштаба с применением тайной дипломатии с целью максимального ограничения доступа Советского Союза к западным технологиям и многое другое.

Существенное значение имели идеологическая борьба против «империи зла». В идеологической борьбе использовались все средства воздействия на людей: радио, телевидение, секретные службы, дискуссии, культурный обмен, подкуп, публикации [Полынов 2008: 50].

Тем не менее всего приведенного могло бы не хватить для победы в холодной войне до конца XX в., если бы не понимание необходимости проникновения политики США вглубь Евразийского континента.

Евразия является крупнейшим континентом на земном шаре и занимает особое положение в геополитическом отношении. Сила, которая господствует в Евразии, контролирует два из трех наиболее развитых и экономически продуктивных мировых регионов. Евразия, таким образом, представляет собой шахматную доску, на которой ведется борьба за глобальное господство [Бжезинский 2009: 43–44].

Проникновение в Евразию влияния США стало, таким образом, еще одной императивной целью ее геополитики, достижение которой было связано с победой в холодной войне и установлением мирового господства.

В начале 80-х гг. политическое руководство США выдвинуло программу базовых стратегических целей, достижение которых должно было привести к укреплению позиций США в мире в целом, как и в противоборстве с Советской Россией. Эта программа предусматривала нарушение стратегического равновесия в мире посредством интенсивных усилий в военном строительстве, отход от принципов равенства в отношениях с Советским Союзом, консолидацию всех имеющихся антисоветских сил, включая также поиск возможностей сближения с КНР на антиросийской основе [Уткин 2005: 596–599].

Все меры, предпринятые Америкой, привели к росту и укреплению ее влияния в Евразии, уже не только на «побережье» великого континента в Европе,

Японии, Южной Кореи, но и далее – в Китае, Афганистане, Пакистане, государствах Персидского залива, Польше и других странах социалистического лагеря.

США, разрушая господство Советского Союза внутри его собственного пространства экономическим влиянием, военно-политическим давлением, тайными операциями и идеологической пропагандой, обрекали последний на пассивную геополитическую, военно-политическую стратегию, ведущую к скорому поражению.

С распадом Советской империи, не выдержавшей стратегии истощения США, началась эпоха безраздельного господства единственной сверхдержавы – американской гегемонии имперского характера, достигшей к концу XX в. своих геополитических целей.

Безраздельное превосходство Соединенных Штатов в мире вызвало необходимость установления имперской стабильности через осуществление трех миссий [Бжезинский 2007: 9]: 1) руководство направлением и формированием основных силовых отношений в мире; 2) сдерживание и прекращение конфликтов; 3) определение эффективных решений проблем неравенства в сфере человеческих отношений.

Вся совокупность имперской политики США может быть сведена к предотвращению появления империи-конкурента на Евразийском континенте, от успеха или неудачи этой политики зависит будущее американской имперской гегемонии.

США, сложившиеся вследствие антиколониальной национально-освободительной борьбы, стали одним из первых модернизированных государств. На рубеже XVIII–XIX вв. США сформировали, исходя из идей эпохи Просвещения, современное федеративное государство, основывающееся на демократических принципах.

Мировосприятие молодого американского общества, отличающееся мессианством и самоуверенностью, определяло его экспансионистские намерения по отношению к слабозаселенным и неосвоенным просторам Североамериканского континента. Новые территории в силу нахождения на том же континенте, заселенности переселенцами из самих США и общего порядка внешней и внутренней экспансии инкорпорировались в федеративное государство на общих основаниях со старыми штатами. Территориальная экспансия на континенте завершилась с победой центрального правительства США в Гражданской войне и проведении Реконструкции, создающей единое территориально-политическое ядро империи.

Внешняя и внутренняя экспансия способствовала развитию Соединенных Штатов в передовое индустриальное государство мира, что предопределяло разрастающуюся сферу экономических и политических интересов. Необходимость их реализации и защиты в условиях колониального раздела мира между европейскими империями обуславливала выход американского экспансионизма за пределы континента.

Создавая свою систему имперской гегемонии, США завоевали испанские владения в Карибском море и Тихом океане, подчинили Филиппины, Панаму, стремились к контролю над Мексикой, но вскоре отказались от проведения колониальной политики. В течение первой половины XX в. США признали независимость почти всех подконтрольных заморских владений, сохранив только незначительные зависимые территории.

Соединенные Штаты слишком поздно смогли включиться в колониальную гонку, чтобы повторить путь Испании, Британии и Франции и создать свою колониальную империю, соответствующую ее передовой мощи и мессианским амбициям.

Американское политическое сознание, основы которого выжили в ходе борьбы за независимость, исходящее из идей свободолюбия и права наций на самоопределение, негативно воспринимало колониализм и препятствовало формальному подчинению других народов.

Американская экономика – первая в мире в лице ее ведущих представителей стремилась к мировому влиянию, но не видела для себя перспектив от создания колониальной имперской системы. У США было достаточно своих ресурсов и зависимость от внешней торговли не была столь остра.

Американская имперская гегемония создавалась на основе подавляющей мощи американской экономики, политического влияния и либеральной идеологии.

Империализм США стал отрицанием классических колониальных империй эпохи Нового времени. Америка в целом оказала поддержку деколонизации в Азии и Африке, способствуя тем самым распаду колониальных систем европейских держав. Это привело к тому, что звание империи в современную эпоху в контексте международно-правовой общезначимости тезиса о праве наций на самоопределение вновь стало неудобным [Миллер 2004: 5]. Звание «империи» стало не нужным США в отличие от практики имперского господства [Вотт 2003]. Экспансия, осуществляющаяся Америкой, перестала быть просто территориальным расширением, стала расширением влияния, в том числе в сферах общественной жизни [Савченко 2010: 20].

США, отказавшись от изоляционизма, создавали свою имперскую систему, формой которой стала современная глобализация. Для нее оказались характерны: экспоненциально растущая интеграция глобальной торговли, инвестиций и финансовых потоков; усиление регулирующей деятельности международных структур (МВФ, ВТО и др.); невиданное ранее по «проникающей способности» действие информационно-коммуникационных средств [Гранин 2008: 41–42]. Через созданную глобалистскую систему экономических, политических, военных союзов и договоров США стали преобладающей силой в мире.

Свое определяющее влияние имперская гегемония Соединенных Штатов реализует через систему превосходства, сложившуюся в ходе Второй мировой и холодной войн. Она включает в себя: 1) глобальное военное превосходство и позиционирование; 2) экономическую мощь, сохраняющую первую позицию в мире, финансовое влияние, договоры, механизмы и инструменты, определяющие превосходство американской финансово-экономической системы и зависимость остальных стран мира от нее; 3) политические и военные союзы, обеспечивающие поддержку политики США по всему миру; 4) идеологию, утверждающую за США монополию на либеральную политику, исходящую из права наций на самоопределение и постулирующую американскую политическую систему и образ жизни как образцы; 5) силы проведения тайных операций, обеспечивающие скрытое воздействие в экономических, геополитических, военных, идеологических и психологических аспектах по всему миру. Благодаря своему глобальному влиянию Соединенные Штаты занимают превосходящее положение по отношению ко всем другим политико-территориальным образованиям мира.

В американской имперской гегемонии видят наследницу Римской или преемницу Британской [Vasevich 2002a: 50–58; 2002b; Ferguson 2003; 2004] империи, призванную необходимостью упорядочить глобальные отношения, обеспечить стабильность и управляемость мирового развития. Структура и компоненты имперской гегемонии США на современном этапе завершают деформацию парадигмы империй, начатую европейскими колониальными системами. Для США, центра имперской гегемонии, весь мир становится периферией, руководство, влияние и господство над которой являются их миссией. Экспансией Соединенных Штатов стало увеличение их влияния в сферах социальных отношений через современную глобализацию. Глобализация стала формой имперского доминирования США в мире, предоставив в их распоряжение экономические, финансовые, интеллектуальные мировые ресурсы и поставив их самих в зависимость от успеха направленности и контролируемости этого процесса.

Литература

- Алексеев Д. С. США и планирование мирового порядка после Второй мировой войны (геополитический аспект) // Доклады Академии военных наук. 2005. № 3(15).
- Баталов Э. Америка: страсти по империи // Свободная мысль – XXI. 2003. № 12.
- Бжезинский З. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. М. : Международные отношения, 2007.
- Бжезинский З. Великая шахматная доска: главенство Америки и ее геостратегические императивы. М. : Международные отношения, 2009.
- Богатуров А. Д. Истоки американского поведения // Россия в глобальной политике. 2004. № 6. С. 80–84.
- Бэттлер А. Контуры мира в первой половине XXI века и чуть далее (Теория) // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 1.
- Гранин Ю. Д. Глобализация и национализм: история и современность, социально-философский анализ: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2008.
- Далдер И., Голдгайер Дж. М. Глобальная НАТО // Россия в глобальной политике. 2006. № 5. С. 162–163.
- Зубок В. М. Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. М. : РОССПЭН, 2011.
- Зырянова А. В. Американо-английские отношения в годы Первой мировой войны: проблемы истории и дипломатии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2004.
- Иванов О. П. Стратегия сдерживания в политике США // Обозреватель-Observer. 2008. № 8.
- История США: в 4 т. Т. 1. / отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М. : Наука, 1983.
- История США: в 4 т. Т. 2. / отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М. : Наука, 1985а.
- История США: в 4 т. Т. 3. / отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М. : Наука, 1985б.
- Кеннан Дж. Истоки советского поведения // США – экономика, политика, идеология. 1989. № 12.
- Киссинджер Г. Дипломатия. М. : Ладомир, 1997.
- Кларк У. Как победить в современной войне. М. : Альпина Паблишер, 2004.

- Козенко Б. Д. Несостоявшееся сближение: США и Россия в 1914–1917 годах // Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998. С. 141–142.
- Лапшина И. К. Разделенное правление в США (внутриполитический аспект). М. : РОССПЭН, 2008.
- Ливен А. Борьба за душу Америки // Международная политика. 2004. № 5. С. 5–6.
- Мальков В. Л. Франклин Рузвельт. Проблемы внутренней политики и дипломатии: Историко-документальные очерки. М. : Мысль, 1988.
- Мельтюхов М. И. Генезис Второй мировой войны в контексте теории международных отношений // Труды СГА. 2009. № 7 (июль).
- Миллер А. И. Империя и современный мир – некоторые парадоксы и заблуждения // Политическая наука: Современные империи: сб. науч. тр. М. : ИНИОН РАН, 2004.
- Миньяр-Белоручев К. В. Территориальная экспансия и развитие США в XIX веке // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 41.
- Нарочницкая Н. А. «Концерт великих держав» накануне решающих событий / Н. А. Нарочницкая, В. М. Фалин и др. // Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М. : Вече, 2011.
- Новая история стран Европы и Америки: Первый период / Г. Л. Арш, В. С. Бондарчук, Л. И. Гольман и др.; под ред. А. В. Адо. М. : Высшая школа, 1986.
- От миропорядка империй к имперскому миропорядку / отв. ред. Ф. Г. Войтоловский, П. А. Гудев, Э. Г. Соловьев. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005.
- Печатнов В. «Любовь-горечь» к Америке // Международные процессы. Январь – апрель 2006. Т. 4. № 1.
- Польнов М. Ф. Холодная война как способ борьбы США против СССР // Общество. Среда. Развитие. 2008. № 3.
- Ржешевский О. А. У истоков «холодной войны» // Вестник МГИМО-Университета. 2008. № 3.
- Савченко Е. О. Имперский характер внешней политики США: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2010.
- Согрин В. В. Политическая история США. XVII–XX вв. М. : Весь Мир, 2001.
- Согрин В. В. Политическая власть в США: характер и исторические этапы // Новая и новейшая история. 2004. № 2. С. 10–12.
- Согрин В. В. Война США за независимость как социально-политическая революция // Новая и новейшая история. 2005. № 3. С. 84–98.
- Согрин В. В. Гражданская война и Реконструкция в США. Современное прочтение // Новая и новейшая история. 2010. № 1. С. 21–42.
- Уткин А. И. Дипломатия Франклина Рузвельта. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1990.
- Уткин А. И. Мировая «холодная война». М. : Алгоритм; Эксмо, 2005.
- Уткин А. И. Подъем и падение Запада. М. : АСТ; АСТ Москва, 2008.
- Фридман Дж. Следующие 100 лет: Прогноз событий XXI века. М. : Эксмо, 2010. С. 59–64.

Швецер П. Победа: Роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря. Минск : АБЕСТ, 1995.

Шубин А. В. Мир на краю бездны. От глобального кризиса к мировой войне. 1929–1941 годы. М. : Вече, 2004.

Юнгблюд В. Т. От Лиги Наций к «системе всеобщей безопасности»: идеи организации мирового сообщества в воззрениях Ф. Д. Рузвельта, 1918–1941 годы // Вестник Томского педагогического университета. 2007. Вып. 3(66). Серия: Гуманитарные науки (История. Археология. Этнология).

Ялта-45. Начертания нового мира / отв. ред. Н. А. Нарочницкая. М. : Вече, 2010.

Bacevich A. J. New Rome, New Jerusalem // *Wilsonian Quarterly*. 2002a. № 26(3), Summer. P. 50–58.

Bacevich A. J. *American Empire: The Realities and Consequences of US Diplomacy*. Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 2002b.

Boot M. American Imperialism? No Need to Run Away from Label // *USA Today*. 2003. May 6.

Ikenberry J. Illusions of Empire: Defining the New American Order // *Foreign Affairs*. 2004. March/April. Vol. 83. No. 2. P. 144–154.

Ferguson N. *Empire. How Britain Made the Modern World*. London : Allen Lane, 2003.

Ferguson N. *Colossus: The Price of America's Empire*. New York : Penguin Press, 2004.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА: ВЗГЛЯДЫ Й. А. ШУМПЕТЕРА

Антипина Е. В.

старший преподаватель кафедры экономической теории
Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова

Шапкин И. Н.

д. э. н., профессор, заведующий кафедрой экономической истории
и истории экономических учений Финансового университета
при Правительстве РФ

В статье исследуются теоретико-методологические основы капитализма, его формирования и экономического развития, роли в историческом процессе. Данный анализ базируется на теории экономической динамики, в которой австрийский экономист Й. А. Шумпетер изложил свой подход к изучению закономерностей развития капитализма и сформулировал тезис о неизбежном переходе от капитализма к социализму.

Ключевые слова: Й. А. Шумпетер, экономическая динамика, экономическое развитие, предпринимательство, прогресс, капитализм, инновации.

The theoretical and methodological bases of capitalism, its formation and economic development, a role in historical process are studied in this article. This analysis is based on the theory of economic dynamics in which the Austrian economist J. A. Schumpeter stated the approach to studying of regularities of development of capitalism and formulated the thesis about inevitable transition from capitalism to socialism.

Keywords: J. A. Schumpeter, economic dynamics, economic development, business, progress, capitalism, innovation.

В настоящее время одной из ключевых проблем глобальной экономики является определение перспектив общественного развития. Особую актуальность этой теме придают последние события, связанные с мировым финансово-экономическим кризисом, который показал, что некоторые экономические аксиомы, еще недавно казавшиеся незыблемыми, не всегда являются таковыми. Не случайно сегодня исследователи обращаются к фундаментальным трудам прошлого, пытаются найти в них ответы на злободневные вопросы современности.

Одним из таких авторов, к творческому наследию которого в последнее время наблюдается повышенный интерес, является выдающийся австрийский экономист и социолог, творчески мыслящая личность Йозеф Алоиз Шумпетер. Его теоретические взгляды до сих пор не утратили своей актуальности. По образному выражению самого Шумпетера, эволюция есть по своей сути процесс, который движется циклами, реален же только цикл сам по себе.

Шумпетер родился в 1883 г. в семье мелкого текстильного фабриканта и дочери венского врача. Он получил блестящее образование в Венском университете, считавшемся в конце XIX в. одним из ведущих научных центров Европы [Хайлбронер 2008: 374]. Его учителями были выдающиеся экономисты своего времени – Э. Бём-Баверк и Ф. Визер, основатели австрийской экономической школы, чьи идеи в немалой степени определили развитие мировой экономической мысли XX в. На формирование его теоретических представлений, особенно в ранний период, заметное влияние оказали и работы И. Фишера, Дж. Б. Кларка и особенно А. Маршалла – представителей неоклассической школы.

Основную задачу социальных наук в целом и экономической в частности Шумпетер видел в сборе, анализе и упорядочивании фактического материала для выявления закономерностей социально-экономического развития. Его теоретические взгляды отличались оригинальностью, что не позволяет отнести его ни к одной из известных экономических школ того времени. Круг его научных интересов обширен. Шумпетера интересуют не только экономические закономерности, но и политические и социальные процессы. Его концепция «экономической динамики» носит междисциплинарный характер. Центральное место в ней занимает предприниматель и его социально-экономическая функция в контексте проблемы функционирования капиталистической экономики и определения механизмов ее развития.

Шумпетера занимал вопрос о том, как происходит замена старых экономических институтов новыми. Он утверждал, что процесс эволюции порождает механизмы, являющиеся в каком-то смысле оптимальными. Одним из них является «конкуренция нововведений», которую Шумпетер подробно рассматривает в одной из своих главных работ – в «Теории экономического развития». Однако при более внимательном изучении возникает впечатление, что его неудовлетворенность традиционным понятием совершенной конкуренции вызвана скорее тем, что оно ограничивается неизменной моделью производственной деятельности. При подобном внеисторическом подходе оказывается, что экономические субъекты однородны, нейтральны к благу с точки зрения общественного положения и единичный (первичный) хозяйствующий субъект действует исключительно в собственных интересах.

В действительности же при капитализме преобладающее значение имеет другая конкуренция, основанная на открытии нового товара, новой технологии, нового источника сырья, нового типа организации (например, крупнейших фирм). Эта конкуренция обеспечивает решительное сокращение затрат или повышение качества, она угрожает существующим фирмам не незначительным сокращением прибылей и выпуска, а полным банкротством.

Таким образом, широкое поле для предпринимательской деятельности появляется тогда, когда в экономике наблюдаются изменения и переход из одного равновесного состояния в другое, происходит развитие экономики, которое проявляется как качественный рост при неизменных иных факторах, способствующих росту экономики, например рост народонаселения. Именно поэтому речь идет о поиске новых, более эффективных комбинаций ресурсов, способных принести производителю и потребителю дополнительную выгоду (одному – прибыль, другому – удовлетворенные потребности). Для динамики характерны изменения экономических элементов и их связей в разные периоды времени. При этом

именно предприниматели становятся субъектами динамической экономической системы, силой, которая сообщает системе импульсы к движению и выводит ее из статического равновесия.

Шумпетер первым поставил вопрос о различии роста и развития в статической и динамической экономических системах, обратил внимание на качественные факторы, которые обеспечивают экономическое развитие. Если судить с чисто экономической точки зрения, будущее капитализма безоблачно. Как отметил в 1939 г. сам Шумпетер в конце своей книги «Циклы деловой активности», если его идея о трех типах циклов верна, ближайшие три десятилетия должны быть гораздо более успешными, чем последние двадцать лет. Говоря о способности капитализма обеспечивать высокие темпы роста, он возвращается к своей схеме экономической динамики, стимулирующей рост производства. Подъемы экономической активности, распространяющиеся на экономическую систему и несущие с собой всеобщее процветание, всегда были связаны с увеличением расходов производителей, которые, в свою очередь, предполагали строительство дополнительных зданий и закупку оборудования. По мере исчерпания инвестиционных возможностей, по мнению некоторых экономистов, новые «технологические процессы» требуют меньше основного капитала, чем прежние.

В то же время очевидно, что с начала XX в. существование капитализма сопровождается глубоким кризисом, причина которого, по убеждению Шумпетера, кроется в сущности рыночной экономики – цикличности и повторяемости экономических явлений.

Для современных историков-экономистов период с конца XIX в. до первой половины XX в. представляет особый интерес. Именно в это время происходили кардинальные хозяйственные изменения – на смену капитализму свободной конкуренции пришел монополистический капитализм, формировалась система государственного регулирования экономики. Завершилась эпоха, когда определяющую роль в экономике играло обладание природными ресурсами.

В этой связи неудивительно, что наиболее актуальными проблемами в экономических и историко-экономических исследованиях стали вопросы, связанные с несовершенной конкуренцией, монополиями и олигополиями, ролью государства в экономической жизни, целями, задачами и методами государственного вмешательства в социально-экономические процессы, проблемами экономических реформ. В эти десятилетия многие ученые пытались осмыслить, определить дальнейшую судьбу капитализма.

Шумпетер при всем своем критичном отношении к капитализму считал его более прогрессивным строем по сравнению с феодализмом. В этом он был согласен с К. Марксом. Но противоречия, которые, по мнению Маркса, должны были привести к победе над капиталистическим обществом нового общественного строя, не были для Шумпетера неразрешимыми, а являлись противоречиями зрелого индустриального общества.

Исторические перспективы капитализма он связывал с ответом на три вопроса:

1. Какая связь существует между капиталистическим хозяйством и экономическим ростом?

2. Можно ли связывать высокие темпы экономического роста с капитализмом или существовали какие-либо иные причины и обстоятельства, которые играли роль в его динамичном хозяйственном развитии?

3. Способен ли капитализм и в дальнейшем обеспечивать высокие темпы роста производства?

Отвечая на первый вопрос, Шумпетер приходит к выводу, что существует прямая связь между капиталистическим строем и экономическим ростом, поскольку «капитализм по самой своей сути – это форма или метод экономических изменений, он никогда не бывает и не может быть стационарным состоянием» [Шумпетер 2008: 460]. Он считал, что капиталистическая система хозяйствования является динамичной и ориентированной на экономический рост.

Ответ на второй вопрос Шумпетер находит в мотивации предпринимательства, которую он связывает с деловыми циклами. На этот вопрос он дает однозначно положительный ответ. Ученый пытался увязать высокие темпы экономического роста с капитализмом. Если на переменный фактор (скажем, на изменения в технологиях) воздействуют предшествующие события внутри экономической системы, то этот фактор роста, как и сам экономический рост, можно считать эндогенным. Действительно, у Шумпетера можно найти мысль о том, что при определенных экономических условиях появляются «толпы» изобретателей (“swarms” of inventors). «Пока капиталистическая эволюция в полном разгаре, этот ответ вызывает сомнения. Окончательный характер он приобретает, когда эта эволюция начнет *постоянно* замедляться по причинам либо внутренним, либо внешним по отношению к ее экономическому механизму» [Там же: 582]. Автор представил экономическое развитие не просто как количественный рост производства в результате вложения финансовых и материальных ресурсов, а как результат действия неких внутренних механизмов, ведущих к качественным изменениям в экономике. Как считает Шумпетер, причина заключается в наличии людей особого психического склада. Он называет их «предпринимателями» (это имеет мало общего с традиционным смыслом данного слова и требует в дальнейшем некоторых пояснений).

На третий вопрос – о способности капитализма обеспечивать высокие темпы роста производства – Шумпетер дает отрицательный ответ. «Капитализм, который по существу является эволюционным процессом, истощится» [Там же: 511].

Идеи, сформулированные Шумпетером во время поиска ответов на эти вопросы, составили основу его методологического подхода к рассмотрению проблемы экономического развития. Это идеи о неравновесном характере экономической динамики, роли технических и технологических инноваций в экономическом развитии, различии первоначального внедрения новшества и его последующей имитации, о природе экономического цикла.

Уже в работе «Теория экономического развития» Шумпетер в отличие от Л. Вальраса, который исследовал условия статического равновесия, поставил в центр анализа не пассивный процесс «обращения фондов», а экономическую систему как постоянно развивающуюся динамическую систему.

Факторами, взрывающими равновесие рыночной системы изнутри, по его мнению, являются новые производственные комбинации или нововведения, к числу которых он относит создание нового продукта, использование новой технологии производства, открытие новых рынков сбыта и источников сырья. Шумпетер подчеркивает различие между комбинациями, существующими исходя из сложившихся на данный момент условий производства, и комбинациями, которые вызваны к жизни реализацией некоторой идеи, например открытия, изобре-

тения, метода производства. Анализируя причины этих колебаний, он впервые в экономической науке выделил и дал характеристику «новых комбинаций изменений в развитии» – инноваций.

Под последними Шумпетер понимал любое возможное изменение, происходящее вследствие использования новых или усовершенствованных решений технического, технологического, организационного характера в процессах производства, снабжения, сбыта продукции и т. п. Для него «новые комбинации» и есть суть понятия «инновации». Отсюда очевидно, что из новаторской функции предпринимателя он выводил сущность важнейших экономических явлений (а именно таких, как прибыль, процент, экономический цикл).

Следующим этапом развития идеи о сути предпринимательской функции стало создание концепции организационно-хозяйственной инновации, или «новых комбинаций факторов производства» [Шумпетер 2008: 142]. Функции несения риска он особого значения не придает. В понимании Шумпетера предприниматель – это не изобретатель, а человек, который экономически реализует изобретение. Функция предпринимателя отличается от рутинных функций менеджера своим новаторским характером. Нововведения нередко скептически принимаются рынком, но если новатору удастся их осуществить, именно механизм конкуренции вытесняет с рынка предприятия, использующие устаревшие технологии.

В 1920–1930-е гг. в экономическом анализе господствовал марксистский тренд, когда существование капитализма в его традиционной форме казалось сомнительным не только советским экономистам, доказывавшим, что он вступил в период перманентного кризиса, но и Дж. М. Кейнсу, а также экономистам, обосновавшим «Новый курс» Ф. Рузвельта. Раскрывая роль в экономике таких важных факторов, как инновации и предпринимательство, Шумпетер вместе с тем не сумел показать полную зависимость экономического развития от элементов, внутренне присущих экономике. И «в этом отношении, – как заметил известный американский исследователь Б. Селигмен, – теория Маркса выглядит предпочтительнее, ибо, рассматривая проблемы накопления капитала, поток экономических ресурсов в ходе простого и расширенного воспроизводства, вопросы производительности, а также тенденцию нормы прибыли к понижению, Маркс стремился показать, что движущие силы развития капитализма возникают в нем самом» [Селигмен 1968: 482].

В самом известном произведении Й. Шумпетера – «Капитализм, социализм и демократия», увидевшем свет в 1942 г., автор поднял актуальную для XX столетия проблему «самоотрицания» – умирания капитализма. Идею саморазрушения капитализма он обосновывал наличием тенденций, каждая из которых порождена развитием капиталистических отношений, а именно:

- отмиранием экономической функции предпринимателей;
- разрушением социальной базы капитализма, которая выполняет специфическую функцию защиты капиталистической цивилизации в целом;
- подрывом капиталистической собственности;
- сокращением экономических стимулов капиталистического хозяйствования.

Моделируя будущее капитализма, определяя его судьбы, Шумпетер предполагал, что постепенно произойдет отмирание функции предпринимателя. По его

мнению, это связано с наращиванием вследствие технического прогресса мощи крупного бизнеса. Как предполагал ученый (с оговоркой, что такая ситуация мало-правдоподобна), с развитием капитализма «методы производства достигли такой степени совершенства, которая не допускает дальнейшего их улучшения» [Шумпетер 2008: 511]. Он отмечает, что возникнет более или менее стационарное состояние. Предпринимателям нечем будет заняться, и они окажутся в положении генералов в обществе, где мир утвердился раз и навсегда. «Сегодня в результате технического прогресса функции предпринимателя по внедрению новшеств значительно сузились и сводятся к простой рутине» [Он же 1982: 158]. Таким образом, по мнению Шумпетера, формируется среда, непригодная для предпринимательства, и она исчезнет, а вместе с ее исчезновением прекратится социальный и общественный прогресс.

В свою очередь исчезновение фигуры предпринимателя, отмечает Шумпетер, приведет к разрушению социальной базы капитализма, основой которой является индивидуальный собственник. Так, к середине 1930-х гг. в ряде европейских стран социально-экономическое и социально-политическое положение этого слоя заметно ухудшилось, в частности из-за широкого распространения акционерной формы организации производства. «За исключением случаев, которые все еще играют значительную роль, – когда корпорацией практически владеет один человек или одна семья, – фигура собственника уходит в небытие, а вместе с ней исчезают и характерные интересы собственности» [Он же 2008: 523]. По Шумпетеру, ни менеджеры, ни акционеры не являются истинными хозяевами предприятий. По мнению многих социологов, в частности Э. Фромма, именно разрушение данного класса привело в XX в. к возникновению тоталитарных режимов.

Одновременно с этими экономическими процессами в обществе формируется атмосфера социальной враждебности к капитализму, носителями которой являются радикальные интеллектуалы. Новая среда чревата потенциальными конфликтами: «...капиталистический процесс породил... атмосферу почти всеобщей враждебности по отношению к его собственному социальному строю» [Там же: 525]. Буржуазная крепость оказывается политически беззащитной. Рисуя картину гибели капитализма от обобществления производства и рационализации общественной жизни, Шумпетер показывает, что почти автоматически возникнет самый настоящий социализм.

* * *

Представления Шумпетера о капитализме и социализме сформировались не только и не столько эмпирически (ученый работал в социалистическом правительстве Австрии, жил в капиталистических США, был современником советской индустриализации), сколько под воздействием анализа К. Марксом процессов первоначального накопления в Англии и его выводов о том, что экспроприация крестьян есть необходимое условие капиталистического развития. Согласно теории Маркса, доходы трудящихся должны падать – абсолютно или относительно – по мере роста производительных сил. Это положения, которые можно обнаружить в «Коммунистическом манифесте» и в работах, написанных им до того, как он приступил к углубленному изучению политической экономии.

Обратим внимание на несомненное сходство взглядов Шумпетера и Маркса на будущее капитализма – как непрерывно развивающейся и изменяющейся по

своим собственным законам системы; они стремятся рассматривать экономические и социальные факторы во взаимосвязи, хотя характер этой взаимосвязи понимают по-разному.

Маркс предпочитал исследовать капитализм с точки зрения экономики и политики, а Шумпетер исследует капитализм с технологической точки зрения. Заслугой и достижением Маркса, как писал Шумпетер, «было то, что он понимал слабость различных аргументов, с помощью которых наставники трудящихся масс до него пытались показать, как возникает эксплуатация, и которые по сей день поставляют этот товар для среднего радикала» [Шумпетер 2008: 508].

Принципиальные же их расхождения в отношении к капитализму сводятся к следующему.

Во-первых, Шумпетер считал основными чертами капиталистического механизма частную собственность, разделение труда и свободную конкуренцию. «Итак, мысленно представим себе основные черты хозяйственного механизма. И в первую очередь представим себе народное хозяйство, организованное на рыночных принципах (*verkehrswirtschaftlich organisierte Volkswirtschaft*), иными словами, такое народное хозяйство, где господствуют частная собственность, разделение труда и свободная конкуренция» [Он же 1982: 49]. Для К. Маркса же капитализм – исторически особый способ производства, при котором капитал (в его многочисленных формах) является главным средством производства.

Следующее различие теорий Шумпетера и Маркса касалось трактовки центральной фигуры капиталистического производства. Если, по Марксу, главной фигурой на капиталистическом этапе развития наряду с капиталистом становится наемный рабочий, то для Шумпетера центральной является фигура предпринимателя. Именно он – главное звено инновационного процесса, которое и определяет судьбы капитализма.

Еще одно существенное разногласие между Шумпетером и Марксом заключалось в том, что первый вообще не придавал решающего значения противоречиям между рабочими и предпринимателями, какое им придавал Маркс, и не верил в необходимость классовой борьбы для становления современного общества.

Шумпетер постоянно акцентирует внимание на том, что экономическая теория Маркса повторяет теорию Д. Рикардо, поэтому она является несамостоятельной и, более того, – устаревшей. Ссылаясь на растущее улучшение положения рабочего класса при капитализме, Шумпетер называет «смехотворными» и «абсурдными» утверждения марксистов о постоянном снижении жизненного уровня рабочих и об утверждении абсолютного обнищания в связи с экономическим кризисом 1930-х гг. Он указывает только на «относительное обнищание», что «нарушает смысл закона Маркса». «Есть марксисты, – рассуждает ученый, – которые действительно готовы занять смехотворную позицию и утверждать, что тенденция к снижению жизненного уровня рабочего класса наблюдается фактически» [Он же 2011: гл. 6, ссылка 6–106].

В своих работах Шумпетер большое внимание уделял отличию капитализма XIX в. от капитализма XX столетия. Маркс не видел возможности законодательной нормализации положения путем перераспределения части прибыли в пользу наемных работников через социальные фонды. Для этого требовались абсолютно неприемлемые по меркам тогдашних капиталистов налоги. Приемлемыми их сделала Октябрьская революция в России.

Как правильно отмечал Шумпетер, преимущество марксизма перед другими научными школами заключается в «понимании экономической эволюции как особого, обусловленного самой экономической системой процесса» [Шумпетер 1982: 44]. Отдавая ему должное, он вместе с тем попытался выработать собственную, более реалистичную теорию развития капитализма.

Продолжая дискуссию с марксистами, Шумпетер в статье «Социология социализма» (1918) критикует постулат об империализме как «последней стадии капитализма». Он вообще не видит в подобном определении капитализма никакого рационального содержания. По его мнению, речь скорее может идти о его инстинктивной воинственности, которая иррациональна и в конечном счете может привести к его падению.

В более поздний период дискуссия о социальной сущности капитализма была тесно связана с теорией Дж. Кейнса, считавшегося непререкаемым авторитетом среди экономистов, идеи которого на протяжении почти полувека являлись догмой для большинства теоретиков и практиков. Скрытая полемика с Кейнсом обнаруживается в работах Шумпетера 1930–1940-х гг. Он не считал необходимым использование государственных расходов как постоянного вспомогательного средства для разрешения кризисных явлений, хотя и соглашался, что с его помощью можно избавить общество от части вызываемых кризисом трудностей [Хайлбронер 2008: 374]. В отличие от Кейнса, обращавшего внимание на краткосрочные процессы, его интересовало долгосрочное развитие капиталистической экономики. Шумпетер утверждал, что в краткосрочном периоде капитализм действительно будет лишь подниматься, и, в свою очередь, уточнил, что в данном случае и век считается «краткосрочным периодом».

«После Второй мировой войны, когда кейнсианство стало едва ли не официальной религией» [Джонсон 2012: 89], когда его теория была провозглашена «кейнсианской революцией в экономике», а сам Кейнс был объявлен «спасителем капитализма», Шумпетер критиковал последнего за неправильное толкование природы капиталистической промышленности. В кейнсианской системе сбережения действительно могут быть недостатком, который является не основанием формирования капитала, а причиной безработицы и разрушения капитала. Идеи Кейнса оказали существенное влияние на развитие современной экономической мысли. Представители возникшего на рубеже 1970–1980-х гг. так называемого «эволюционного подхода» к анализу экономических изменений, критиковавшие некоторые положения кейнсианства, в качестве своего прямого предшественника рассматривают Шумпетера. Таким образом, в первые послевоенные десятилетия проявилась «родственная» связь между кейнсианством и методами экономической политики в США и Великобритании и согласованность экономической политики Японии и ФРГ с идеями Шумпетера с его ставкой на инновационную политику, направленную на конкретные отрасли промышленности.

Признавая, что Кейнс является наиболее выдающимся экономистом после Рикардо, Шумпетер критикует его за вывод о том, что экономика может функционировать только при вмешательстве извне [Schumpeter 1989: 160–161]. Согласно «шумпетерианской» точке зрения, измерение многих экономических данных не есть нечто привнесенное извне, как это имеет место в физике. «Под “развитием”, таким образом, следует понимать лишь такие изменения хозяйственного кругооборота, которые экономика сама порождает, то есть только случайные из-

менения “предоставленного самому себе”, а не приводимого в движение импульсами извне народного хозяйства» [Шумпетер 1982: 128]. Следует подчеркнуть, что прикладную экономику Кейнса невозможно отделить от теоретических положений, чего также не мог принять Шумпетер. Он утверждал, что Кейнс лишь дал теоретическое обоснование идеологии, согласно которой причина гибели капитализма заключена в нем самом, что он не так уж «далеко ушел от классической теории» [Селигмен 1968: 501].

По мнению Шумпетера, «стагнационизм», обнаруженный им еще у Дж. Милля, в теориях Кейнса достиг наивысшего предела. Это, утверждал Шумпетер, имело решающее значение для развития экономической мысли, поскольку он оказал наибольшее влияние на следующее поколение экономических теоретиков.

Полемизируя с Кейнсом и отмечая, что в современном мире экономическое развитие большинства государств, эффективных с точки зрения производительности труда и темпов экономического роста, связано с формированием в них черт постиндустриальной экономики, Шумпетер пишет: «Для постиндустриальных экономик характерно доминирование сектора услуг в валовом внутреннем продукте (объем производства услуг превышает 50 % ВВП)» [Шумпетер 1982: 116]. Свой монументальный труд «История экономического анализа» Шумпетер заканчивает взвешенной, но критической оценкой Кейнса [Он же 2001, т. 3: 1539–1557]. Он отмечает, что достижения Кейнса были характерны для определенных времени и места, а его теория совсем не была «общей».

* * *

Как отмечалось выше, основу существования капитализма Шумпетер видел в частнопредпринимательской системе классического типа, основанной на мелкой и средней собственности. Как пишет он сам, «создание неизвестной доселе организации требует крупных талантов. Но если кто-нибудь обладает всем необходимым, чтобы добиться успеха в подобной ситуации, и может получить необходимый кредит, он сможет с меньшими затратами произвести и доставить на рынок единицу продукта, и <...> он получит прибыль, которая останется в его руках» [Он же 1982: 231–232]. В дальнейшем, размышляя о судьбах капитализма, Шумпетер предложил научному сообществу такое понятие, как «созидательное разрушение», которое впоследствии стало широко использоваться в общественных науках.

На протяжении всего своего творчества Шумпетер неоднократно возвращался к теме инноваций. В «Теории экономического развития» он называл их «новыми комбинациями». В работе «Капитализм, социализм и демократия» определил их как «экономические мутации», а сам процесс их внедрения – как «созидательное разрушение».

Экономика живет и развивается, доказывал Шумпетер, благодаря уничтожению старых компаний, методов и идей, на смену которым приходят новые, более производительные и прибыльные производства. Это избавление от старых неэффективных элементов и «расчистка» места для созидания новых элементов для замещения. С его подачи в экономической науке появляется фигура предпринимателя. В его эволюционной теории именно предприниматель с помощью инноваций расширяет границы возможного, неся гибель всему косному и неэффективному.

«Созидательное разрушение» (*creative destruction*) – термин, введенный им для обозначения турбулентных процессов, возникающих по мере перехода количества (роста капиталистической экономики, в процессе которого компании рождаются и умирают, рабочие места создаются и исчезают, а новые технологии вытесняют устаревшие) в качество (перехода общества к социализму).

С его точки зрения, в процессе общественно-экономического развития происходит «созидательное разрушение» структур и институтов капитализма: подрыв конкуренции, ослабление человеческой составляющей предпринимательской деятельности. «Капиталистический процесс, как мы видели, постепенно снижает важность той функции, за счет которой живет класс капиталистов. Мы также видели, что он имеет тенденцию разрушать свой защитный слой, уничтожать свои собственные бастионы и разгонять гарнизоны, держащие линию обороны» [Шумпетер 1982: 525].

По его мнению, экономисты видят проблему в том, как капитализм «функционирует в рамках существующих структур», тогда как действительная проблема в частности состоит в том, как он создает и разрушает эти структуры. Шумпетер отмечал: «Пока исследователь не признает этого, его работа бессмысленна. Но как только он это признает, его взгляд на капиталистическую практику и ее социальные результаты претерпевает существенные изменения» [Там же: 462].

По его мнению, опасность для капитализма кроется не в экономике, низких «темпах роста», неэффективности, высокой безработице – все это преодолимо в рамках капиталистической системы, а в других [Хайек 2009: 498], менее осязаемых чертах капиталистической цивилизации, которые подвергаются разрушению именно благодаря ее успешному функционированию [Глазьев и др. 1991: 58]. Некоторые из этих инструментов: семья, дисциплина труда, романтика и героизм свободного предпринимательства, и даже частная собственность, свобода контрактов и пр. – становятся жертвой процесса рационализации, обезличивания, «дегероизации», основным двигателем которого являются крупные концерны – акционерные общества с бюрократическим механизмом управления, преуспевшие на ниве «созидательного разрушения».

А «возникновение крупного предприятия связано с большими трудностями» [Автономов 1995: 6]. При накоплении богатства в корпорациях меняются культура и характер мышления, так как корпорацией управляют менеджеры, а у них нет стремления к нововведениям, нет согласованности принятия решений на всех уровнях, а есть только стремление к карьере. Таким образом, согласно Шумпетеру, тот же самый экономический процесс, «снижая важность функций предпринимателей и капиталистов, разбивая ее защитный слой и институты, создавая атмосферу враждебности, одновременно разлагает движущие силы капитализма изнутри. Именно это является самым убедительным доказательством того, что капиталистический порядок не только опирается на подпорки, сделанные из некапиталистического материала, но и энергию свою черпает из некапиталистических моделей поведения» [Шумпетер 2008: 546].

По мере укрепления крупного капитала «буржуазная крепость <...> оказывается политически беззащитной» [Там же: 525]. В самом деле, пока буржуазия занимала прочные позиции, особой враждебности она не вызывала, хотя поводов для враждебности в те времена было гораздо больше; враждебность стала усиливаться одновременно с разрушением защитных стен [Там же: 525–526]. В резуль-

тате, как считал Шумпетер, на смену испытывающему серьезные проблемы капитализму неизбежно придет социализм – еще один тезис, отвергавшийся его коллегам.

Шумпетер неоднократно подвергает подробному анализу теоретические модели социализма, и каждый раз обнаруживает его преимущество перед социализмом практическим. Как отмечает ученый, последовательное осуществление социалистического проекта неизбежно ведет к тоталитаризму, что убедительно подтверждает история Советского Союза. Но появление тоталитаризма далеко не предопределено. Шумпетер не «пророчествует» и не предрекает его пришествие. По его глубокому убеждению, Первая мировая война способствовала приходу большевиков к власти: «Именно война и последующий военный и административный крах породили большевистский режим, и никакой антинаучный детерминизм не может опровергнуть этот факт» [Шумпетер 1982: 826].

В этой связи в работе «Капитализм, социализм и демократия» Шумпетер обращается к вопросам практической осуществимости общественной системы, альтернативной капитализму, – социализма, «где можно будет вообще покончить с такими капиталистическими ухищрениями, как рациональная калькуляция издержек, и где члены общества легко будут решать все проблемы, имея свободный доступ к изобильным общественным закромам» [Он же 2008: 557]. Социализм автор определяет как институциональную модель, в которой центральная власть контролирует средства производства и именно производство, а экономическая деятельность осуществляется преимущественно в общественном секторе. Поэтому логичен вывод ученого: «...производство в каждой отрасли должно отвечать требованиям рациональности» [Там же: 563].

Что же касается социализма в советском исполнении, то Шумпетер считает его преждевременной и, следовательно, значительно искаженной формой социализма, которая, однако, в дальнейшем имеет возможность выправиться. А пока вполне успешно решает экономические задачи диктаторскими методами.

В данной работе Шумпетер исследует не только социализм, но и историю социалистической мысли. Как отмечает ученый, социалистические учения, отдельные корни которых, по-видимому, так же стары, как сама человеческая мысль, первоначально были всего лишь фантазиями, порожденными стремлением к справедливости или ненавистью, умозрительным прожектерством, оторванным от социальных реалий, поскольку они не могли никого убедить в том, что социальный прогресс способствует их реализации. Подвижничество ранних социалистов сводилось, по его мнению, к проповедям в пустыне, поскольку они не имели прочных связей ни с одной существующей или потенциальной социальной силой, к разговорам платонического толка, до которых не было дела политикам и которых ни один исследователь социальных процессов не отнес бы к числу действенных факторов.

Когда же социалисты сталкиваются с необходимостью взять на себя реальную ответственность, они, отмечает Шумпетер, быстро сбрасывают груз марксистских догм: «...начинают делать дела, причем достаточно неплохо, учитывая, что власть им, как правило, достается только в экстремальных ситуациях» [Там же]. С другой стороны, можно любить социализм, верить в его экономическое,

культурное и нравственное превосходство и в то же время не верить, что в капиталистическом обществе действует тенденция к саморазрушению. После подробного анализа теоретического и практического социализма у Шумпетера уже не вызывает сомнения, что «все разумные люди теперь – за социализм» [Гайдар, Мау 2004]. По его меткому замечанию, «социализму перестали сопротивляться с той страстью, какую вызывает иной тип морали» [Шумпетер 2008: 28].

В противовес «классической доктрине» демократии, исходившей из идеи «общего блага» и политической системы, предназначенной для его реализации, Шумпетер трактует демократию как чисто буржуазный феномен, но не в марксистском классовом духе – как комитет по делам буржуазии. Он выделяет ряд условий, необходимых для функционирования механизма демократии:

- наличие политической элиты, способной к ее осуществлению. Шумпетер понимал демократию не как «правление народа», а трактовал ее как «правление, одобряемое народом». Политический процесс в этом случае предстает как конкуренция элит за власть и за голоса избирателей, влияние же масс на политику ограничивается выбором между конкурирующими элитами;
- самоограничение парламента;
- контроль бюрократического аппарата со стороны демократического правительства;
- демократический самоконтроль правительства со стороны оппозиции, парламентариев – со стороны избирателей, наличие «правил игры», определяющих взаимоотношения между правительством и оппозицией, депутатами и избирателями и т. д.

Для того чтобы такие правила существовали и «работали», нужна опять же элита, о которой говорилось выше, а также определенный национальный «характер и национальные привычки, для возникновения которых не везде были условия; нельзя надеяться, что сам по себе демократический метод произведет их» [Там же: 385].

Предпринятое Шумпетером исследование исторических механизмов привело ученого к выходу за рамки чисто экономической тематики на проблемы исторических судеб капиталистической цивилизации в целом.

Его переход от экономического анализа к социологическому и политологическому подходу приняли далеко не все его современники и последователи. Но практически все видные экономисты XX столетия признают вклад Шумпетера в развитие теории экономической динамики.

Тезис о том, что он опередил время, вновь становится востребованным. В 1942 г. про глобализацию еще никто не слышал, а Шумпетер уже писал про гибель капитализма. Он рассуждал в категориях реализма, не допуская, что регулирующие функции государства необходимы в такой ситуации. В настоящее время его выводы о самоуничтожении капитализма остаются актуальными, как никогда.

Литература

- Автономов В. С. Австрийская школа и ее представители. М., 1992.
- Автономов В. С. «Несвоевременные» мысли Йозефа Шумпетера / Й. Шумпетер // Капитализм, социализм и демократия. М. : Экономика, 1995.
- Джонсон П. Черчилль. М. : КоЛибри, 2012.

Гайдар Е., Мау В. Марксизм: между научной теорией и «светской религией»: либеральная апология // Вопросы экономики. 2004. № 5. С. 4–27.

Глазьев С. Ю., Микерин Г. И. и др. Длинные волны: научно-технический прогресс и социально-экономическое развитие. Новосибирск : Наука, 1991.

Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М., 1968.

Хайек Ф. Судьбы либерализма в XX веке. М. : ИРИСЭН, Мысль; Челябинск : Социум, 2009.

Хайлбронер Р. Л. Философы от мира сего / пер. И. Файбисовича. М., 2008.

Шумпетер Й. Теория экономического развития. М. : Прогресс, 1982.

Шумпетер Й. История экономического анализа: в 3 т. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов; Высшая школа экономики, 2001.

Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия / Й. Шумпетер // Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М., 2008.

Galbraith J. K. The Age of Uncertainty. Boston : Houghton Mifflin Company, 1977.

Schumpeter J. A. Essays: On Entrepreneurs, Innovations, Business Cycles, and the Evolution of Capitalism. Paris : Transactions Publishers, 1989. P. 160–161.

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ДИАСПОР

Оморова Н. И.

Казанский государственный энергетический университет, ассистент
и соискатель кафедры истории, культурологии и архивоведения.

E-mail: nargiza_kgeu@mail.ru

В данной статье автор рассматривает процессы этнической идентификации центральноазиатских диаспор в условиях поликультурного татарстанского общества, анализирует данные процессы в контексте глобализации мировой культуры, а также делает вывод о множественности идентичностей данных диаспор.

Ключевые слова: этническая идентичность, глобализация, кризис идентичности, центральноазиатские диаспоры.

In this article the author investigates the processes of ethnic identification of the Central Asian diasporas in a multicultural society of Tatarstan. These processes are analyzed in the context of globalization of world culture. The author concludes that these diasporas have the multiple identities.

Keywords: ethnic identity, globalization, crisis of identity, the Central Asian diasporas.

Процессы глобализации в современном мире затронули практически все сферы жизнедеятельности человека, в том числе и культуру. В глобализирующемся мире формирование культурной целостности сопровождается возникновением новых, ранее неизвестных проблем. Расширение межкультурных контактов влечет кризисы, деструктивные явления, трансформацию мировоззрения, инновационные поиски в каждой культуре [Садохин 2008: 251]. С одной стороны, культурная глобализация влечет за собой глубокие и сложные изменения, «грозящие современному человечеству новыми социокультурными рисками», среди которых особое место занимает проблема утраты этническими культурами базовых характеристик, следствием чего является трансформация моделей этнокультурной идентичности [Астафьева 2008: 183]. В данном случае возможно возникновение «кризисной идентичности» [Труфанова 2008: 105]. С другой стороны, в этой сложности одновременно заложен и путь к наиболее полноценному развитию индивида. Этнокультуры – участники разнообразных межкультурных коммуникаций – дополняются и обогащаются, а их носители (этнофоры) приобретают сложную многоуровневую идентичность. При этом такой этнофор может идентифици-

ровать себя одновременно с разными культурами. Наличие сразу нескольких культурных идентичностей способно гармонизировать человека, так в условиях современности он может одновременно существовать параллельно в разных культурах. Действительно, в современном глобализованном пространстве «идентичность стала конструируемой, изменчивой, неустойчивой, фрагментарной, мозаичной» и т. д. [Уханов 2009: 65].

Этнокультурная идентичность, таким образом, в условиях глобализации способна к обострению и трансформации одновременно, так как обладает свойствами гибкости и флексибельности. Иными словами, модели этнокультурной идентичности могут принимать разнообразные формы, в том числе и кризисные. В связи с этим целесообразным представляется более обстоятельное исследование проблем множественной этнокультурной идентичности и выявление факторов возможной ее трансформации по кризисному пути. В настоящей статье данная исследовательская проблема рассматривается на примере центрально-азиатских диаспор Татарстана. Центральноазиатские диаспоры республики Татарстан (ЦАД РТ) являются одними из наиболее многочисленных и активно участвующих в процессах межкультурной и межэтнической коммуникации. Все они официально представлены в Ассамблее народов Татарстана на позициях национально-культурных автономий. В мае – июне 2011 г. автором было проведено исследование межкультурной компетентности центрально-азиатских диаспор Татарстана. Всего было опрошено 165 человек при помощи метода стандартизированного интервью.

В ходе исследования было выявлено, что, с одной стороны, для членов центральноазиатских диаспор очень важна их этнонациональная принадлежность (см. табл. 1), с другой стороны, степень этой значимости определяется как неодинаковая в каждой из диаспор. Например, для кыргызской и таджикской диаспор их этническая идентичность оказывается более значимой, чем для казахской диаспоры. Также было выявлено, что для узбекской и туркменской диаспор их этнонациональная принадлежность значима в меньшей степени, чем для кыргызской и таджикской диаспор.

Таблица 1

Значимость этнонациональной принадлежности (%)

Варианты Диаспоры	Очень значима	Значима	Малозначима	Совсем не значима
Казахская	16,2	27	35,1	13,5
Кыргызская	66	30	–	–
Узбекская	38	40	20	–
Таджикская	40	52,5	2,5	2,5
Туркменская	35	40	15	–

При этом данные диаспоры в условиях Татарстана не склонны идентифицировать себя исключительно по этнонациональным признакам. Данное положение подтверждается результатами теста, проведенного автором по методике М. Куна и Т. Макпартленда «Кто я?» [Кун, Макпартленд 2006: 82–103]. Данный тест вы-

явил определенную иерархию идентичностей представителей данных диаспор (см. табл. 2). Согласно ответам интервьюированных представителей центральноазиатских диаспор, все они, в особенности туркмены и таджики, прежде всего ассоциируют себя с ролью в семье и семейным статусом (например, такими характеристиками являются: муж/жена, отец/мать, сын/дочь, брат/сестра и т. д.). Это очень характерно для традиционных культур с их клановостью и семейственностью, представителями которых являются центральноазиатские диаспоры. Второй по важности характеристикой самоописания для них являются собственные личностные качества и особенности характера («добрый», «гордый», «красивый», «умный» и т. д.). Среди качеств, по которым интервьюированные описывали себя, не присутствовали отрицательные, что говорит о позитивном этническом самообразе данных диаспор. Несмотря на частое упоминание личных качеств как основных характеристик самоописания, осознание себя как личности для членов ЦАД является более редким явлением.

Таблица 2

Иерархия характеристик самоописания (%)

Диаспоры \ Характеристики	Казахи	Кыргызы	Узбеки	Таджики	Туркмены
Семья	59,4	54	44	77,5	100
Личные качества	43,2	78	40	45	25
Студент	35,1	36	22	35	50
Национальность	21,6	36	30	45	20
Человек	32,4	18	26	40	35
Мусульманин	10,8	12	16	60	20
Профессия, работа	27	–	46	17,5	25
Мужчина/женщина	29,7	12	22	22,5	20
Друг/подруга	24,3	18	20	22,5	20
Личность	13,5	6	6	7,5	25
Гражданин	2,7	12	8	10	15
Патриот	–	24	10	2,5	5

Понимание себя как «я – личность» также менее выражено у данных групп, чем «я – человек». А национальная принадлежность более важна для них, чем религиозная. Иначе говоря, принадлежность к определенной национальности в данном случае более значима, чем к человеческому сообществу в общем и мусульманскому миру в частности. Социально статусные («я – студент») и профессиональные (например, «я – швея») характеристики также более значимы для представителей центральноазиатских диаспор, чем гендерная принадлежность («я – женщина», «я – мужчина») и гражданские позиции («я – гражданин», «я – патриот»). В каждой из диаспор указанные характеристики занимают неодинаковое положение, однако следует отметить, что колебания не столь значительны.

Так, наиболее значимыми уровнями идентичности данных диаспор являются социальная, личностная, национальная, религиозная, профессиональная и гражданская. Этнонациональная и конфессиональная идентичности центральноазиат-

ских диаспор в условиях современного Татарстана заметно уступают их личностной, профессиональной и социальной идентичностям. Это говорит о значительном смещении вектора идентификации диаспор вследствие проживания вне зоны своей традиционной культуры. В условиях Татарстана, где тенденции глобализации культур более сильны, чем в странах Центральной Азии, данные диаспоры начинают осознавать себя иначе, менее локально. Ввиду выявленной высокой значимости этнонациональной принадлежности для ЦАД РТ, по мнению автора, следует говорить не о кризисе этнической идентичности, а о множественной идентичности казахов, кыргызов, узбеков, таджиков и туркмен, диаспорно проживающих в республике.

Данное положение подтверждается тем, что, согласно результатам исследования, ЦА диаспоры имеют стремление к более значимому социальному статусу, которое усиливается желанием профессиональной самореализации. Например, традиционная ценность семьи подкрепляется осознанием построения ее прочной материальной базы, в том числе и с помощью построения карьеры. Проводимая в республике национальная политика позволяет диаспорам сохранять собственную культуру, традиции и язык и вместе с тем благоприятствует повышению уровня образования и качества жизни. Это, в свою очередь, дает возможность молодым членам центральноазиатских диаспор получить высшее образование в вузах Татарстана. Так, согласно результатам исследования, среди опрошенных все больше сторонников такого решения: 43 % участников исследования находятся в возрасте от 20 до 24 лет и 37 % из них на данный момент являются студентами различных вузов Казани. Все это свидетельствует о важности профессионального успеха (см. табл. 3).

Таблица 3

Важность профессионального успеха (%)

Удовлетворенность	Важен	Скорее важен	Скорее не важен	Не важен
Диаспоры				
Казахская	54	37,8	2,7	–
Кыргызская	72	24	–	–
Узбекская	34	44	12	–
Таджикская	70	25	2,5	–
Туркменская	65	25	10	–

Множественная идентичность, по мнению автора, способна благоприятно проявляться в процессе межкультурной коммуникации в виде качеств межкультурной компетентности и расположенности к межэтническому общению. Согласно ответам интервьюированных, ЦА диаспоры характеризуются высокой частотой межэтнического общения. Во многом это результат полиэтнических реалий самого Татарстана. Своих партнеров по коммуникации интервьюированные предпочитают выбирать не по национальному признаку, а скорее согласно личным качествам и особенностям характера потенциального члена своего окружения (см. табл. 4). Среди критериев выбора окружения наиболее важным для чле-

нов центральноазиатских диаспор Татарстана после «личных качеств и характера» являются такие критерии, как уровень образования, уровень культуры и, наконец, национальность их партнера по коммуникации.

Таблица 4

Критерии членов ЦАД РТ при выборе окружения (%)

Критерии \ Степень важности	Важно	Скорее важно	Скорее не важно	Не важно	3/0
Национальность	17,4	13,2	27	31,2	4,2
Религия	14,4	14,4	28,2	24	0,6
Уровень культуры	13,8	36	14,4	10,8	
Уровень образования	21,6	16,8	25,2	12	0,6
Личные качества и характер	31,2	22,8	6,6	10,2	1,2

Так, в процессе межкультурного взаимодействия, по мнениям исследуемых диаспор, личные качества участников данного взаимодействия более важны, чем их этнонациональная принадлежность. Диаспоры учитывают это и проявляют хорошие навыки межкультурного общения. В числе лучших друзей члены ЦАД РТ называют не только своих земляков, но также русских и татар. 83,7 % казахов, 66 % узбеков, 60 % кыргызов, 50 % таджиков и 45 % туркмен в качестве лучших друзей называют татар. Большое количество друзей среди русских есть у представителей казахской (81 %), кыргызской (54 %), туркменской (35 %) и узбекской (34 %) диаспор. 100 % таджикской, узбекской и туркменской диаспор отметили свою приверженность к общению с представителями своей этнокультуры.

Таким образом, центральноазиатские диаспоры современного Татарстана обладают многоуровневой идентичностью, в которой все заметнее тенденция повышения значимости социальной, личной и профессиональной идентичностей. Такая сложная идентичность ЦА диаспор, по мнению автора, благоприятно сказывается на их этнической идентичности, а также помогает данным этнокультурным группам адаптироваться в социокультурных условиях Татарстана и быть успешными участниками межкультурной коммуникации. Во многом становление позитивной многосоставной идентичности центральноазиатских диаспор обусловлено общими историческими, языковыми корнями с местным населением, татарами, а также схожестью культур, наличием общего исторического прошлого и общей «исторической судьбы». Так или иначе, процессы глобализации и взаимовлияния культур способны формировать в представителях данных диаспор качества гибкости, динамичности их идентичности и позволяет им «выбирать», конструировать свою идентичность как множественную, не теряя при этом собственной этнокультурной уникальности. Такая модель, по мнению автора, является наиболее позитивной для центрально-азиатских диаспор Татарстана.

Литература

Астафьева О. Н. Культурно-цивилизационные грани глобализации // Глобализация: учебник / под общ. ред. В. А. Михайлова и В. С. Буянова. М. : РАГС, 2008.

Кун М., Макпартленд Т. Кто я? [Модификация Т. В. Румянцевой] / Т. В. Румянцева // Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре. СПб., 2006. С. 82–103.

Садохин А. П. Компетентностный подход в диалоге культур: сущность и базовые показатели / А. П. Садохин // Межкультурный и межрелигиозный диалог в целях устойчивого развития. Материалы международной конференции. М. : Изд-во РАГС, 2008. С. 251–255.

Труфанова Е. О. Идентичность и Я // Вопросы философии. 2008. № 6. С. 95–105.

Уханов Е. В. Идентичность в сетевых коммуникациях // Философские науки. 2009. № 10. С. 59–71.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ВСЕМИРНЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ ФОРУМ: ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

Журнал «Век глобализации» уже писал о Всемирном культурном форуме (World Cultural Forum) [Чумаков 2011; К итогам... 2013], который был организован в Китае на волне последнего глобального финансово-экономического кризиса в качестве гуманитарной альтернативы Давосскому мировому экономическому форуму. По замыслу его организаторов он должен проходить ежегодно и решать наиболее острые современные проблемы с позиции культуры и гуманитарного знания.

Одним из основателей, а также исполнительным председателем и генеральным секретарем Всемирного культурного форума является Ян Чжаочжу – известный теоретик литературы, бывший шеф Бюро по делам культуры Центра политических исследований Центрального Комитета КПК. Он окончил литературный факультет Китайской Академии общественных наук в 1981 г. и специализировался на эстетике. Публикуется с 1981 г., а в 1993 г. стал членом Ассоциации китайских писателей. Является заместителем главного редактора журнала «Литература и искусство» Ассоциации китайских писателей.

В стремлении лучше понять замысел организаторов форума, а также его направленность, цели и задачи редколлегия журнала обратилась к господину Яну Чжаочжу с просьбой ответить на вопросы и получила его любезное согласие.

– Уважаемый господин Ян Чжаочжу, выражаем Вам искреннюю признательность за творческое сотрудничество. Вначале мы хотели бы узнать, что побудило Вас основать Всемирный культурный форум и какова его основная цель?

– Культура – это духовная родина народа, душа и жизнь страны. С древних времен каждая страна создает свою собственную культуру, установив тем самым величайший и многосторонний ход истории человеческой цивилизации вместе со своим отличительным национальным менталитетом и мировоззрением, а также со своими убеждениями и стремлениями. Взаимное уважение, общение и накопление опыта между разными культурами – это не только тот путь, по которому нужно идти для своего собственного культурного развития, но и мощная движущая сила для продолжительного развития человеческой цивилизации.

В настоящее время экономическая глобализация превратилась в необратимую историческую тенденцию, которая не только предоставляет странам исключительные возможности для развития, но и является причиной неизбежных конфликтов и разногласий между различными цивилизациями. Поэтому на сегодняшний день основной проблемой, с которой сталкивается человечество, является

ся то, каким образом в условиях глобализации можно добиться лучшего взаимопонимания и доверия между разными цивилизациями, укрепить сотрудничество между различными национальными культурами, сохранить прогресс мирового сообщества и способствовать его процветанию, сплотиться для защиты среды обитания и создать лучшее будущее для всех людей.

В связи с этим я и несколько моих единомышленников решили создать высокоуровневую платформу для стимулирования культурного обмена между Китаем и другими странами, вовлекая людей со всего мира в обсуждение того, каким образом можно способствовать диалогу и сотрудничеству между различными цивилизациями с единым стремлением создать как гармоничную культуру, так и гармоничный мир.

Все это предопределило появление форума. Он основан в Китае и открыт для всего мира. Почетными сопредседателями Всемирного культурного форума являются не только госпожа Джан Майинг и Сань Цзянь Джэн (оба являются вице-президентами Политической консультативной конференции китайского народа), господин Сюй Цзялу, бывший вице-председатель Национального народного конгресса Китая, но и такие известные люди, как господин Романо Проди, бывший председатель Еврокомиссии и бывший премьер-министр Италии; господин Ж.-П. Раффарен, бывший премьер-министр Франции, и Мегавати Сукарнопутри, бывший президент Индонезии.

Люди, которые были привлечены к участию в форуме, также являются и его главными сторонниками. Они разделяют концепции и принципы форума и согласны, что культурное разнообразие – это основная черта человеческого общества, которая является важной движущей силой общественного прогресса. Они понимают, что укреплять взаимодействие и обмен между разными странами сегодня на самом деле гораздо важнее, чем когда бы то ни было, и готовы к прямому обмену с каждой из сторон на основе этой диалоговой платформы, предоставленной форумом.

– Почему именно Тайху и Сучжоу были выбраны местом для проведения первой ежегодной конференции форума, в то время как в рамках этого же форума конференция на высшем уровне по культурному развитию китайской медицины проходила в другом месте?

– Всемирный культурный форум – это негосударственная организация мирового уровня, которая основана в Китае. Мы позаимствовали модель и опыт форума в Давосе после Азиатско-Тихоокеанского форума в Боао, с постоянным советом в Пекине. Для проведения встреч руководство Форума выбирает подходящие места. При этом главным критерием является связь между культурным и историческим наследием, так же как и дух того места, где проводится мероприятие, принимающей стороны и самой темы встречи.

Например, конференция на высшем уровне, посвященная культурному развитию китайской медицины, организованная в рамках этого форума, была проведена в провинции Цзянсу. Причина в том, что культура китайской медицины провинции Цзянсу имеет богатую историю и большие перспективы, включая уникальные ресурсы китайской медицины и усовершенствованные технологии изготовления.

– **Второй раз форум проходил в мае 2013 г. в Ханчжоу. Как Вы вкратце резюмировали бы итоги первых двух форумов? Есть ли какая-нибудь значительная разница между ними?**

– Конференции Всемирного форума имеют непосредственное отношение к основным культурным вопросам и трудностям, которые вызывают всеобщую озабоченность за разделяемую всеми судьбу человечества. Они также придерживаются принципа стимулирования обмена и взаимодействия между разными цивилизациями во всем мире. Потому обе эти конференции были хорошо согласованы между собой.

Первая ежегодная конференция данного форума была проведена 18–19 мая 2011 г., как уже отмечалось, в Сучжоу, провинция Цзянсу. Ее темой стали *«Диалог и сотрудничество в целях мировой гармонии и общего развития»*. Форум предоставил платформу людям, относящимся к разным мировым цивилизациям, представителям разных религий, чтобы они участвовали в диалоге и обмыв мнениями. В итоге он внес положительный вклад в содействие мировой гармонии, тщательно изучая исторические стимулы и практические ценности разных цивилизаций, обсуждая связь между культурным разнообразием, человеческой цивилизацией и прогрессом.

Вторая ежегодная конференция состоялась 18–19 мая 2013 г. и была посвящена теме *«Усиление международного сотрудничества с целью создания экологической цивилизации»*. В отличие от международных экологических конференций, высокопрофессиональных и техничных, вторая ежегодная конференция всесторонне отразила отношения человека с природой со времен промышленной революции, подняла вопрос о том, что данный экологический кризис нужно отнести к новому уровню создания экологической цивилизации.

На конференции обсуждались значение, характерные черты и устройство экологической цивилизации. Также указывалось на то, что решение проблемы экологического кризиса требует объединенных усилий всей человеческой цивилизации, новых научных решений и совершенных технологий, чтобы способствовать продвижению идеи экологической цивилизации в сфере экономики, политики, культуры и повседневной жизни общества.

Эти две конференции имели и отличия. Если первая конференция поддерживала взаимное уважение между разными цивилизациями и призывала к усовершенствованию диалога и сотрудничества по вопросам, касающимся всего мира и заслуживающим всеобщего внимания, то вторая была ориентирована на практику ведения этого диалога и развития сотрудничества между разными цивилизациями с целью создания экологической цивилизации. Первая конференция послужила фундаментом для успешной работы второй конференции, которая хорошо раскрыла глубокие корни экологического кризиса и призвала к решению данной проблемы с помощью создания адекватной модели и выверенного пути дальнейшего развития. Она также предложила новые подходы и расширила пространство для укрепления международного сотрудничества.

– **Когда и где будет проходить следующий форум и какова его программа?**

– Третья конференция Всемирного культурного форума будет проведена в Шанхае 18–19 июня 2014 г. Ее главной темой станет *«Укрепление культурного*

взаимодействия мягкой силы, способствование всеобщему миру и развитию». На эту конференцию будут приглашены политики разных стран, всемирно известные ученые, бизнес-элита, представляющая как зарубежные, так и отечественные предприятия, руководство разнообразных изданий. Конференция будет длиться в течение двух дней с участием более 500 приглашенных лиц. Основная программа следующая: церемония открытия, общее собрание, отдельные секции, межкультурный диалог на высшем уровне, церемония закрытия. Во время конференции параллельно будут проводиться выставки, концерты и т. п. мероприятия.

Конференция начнется с обсуждения темы «Культура использования мягкой силы». Будет обсуждаться и глубоко изучаться значение и основные особенности мягкой силы в различных странах мира. Особое внимание будет уделено выяснению того, как можно улучшить взаимопонимание людей из разных стран с учетом их культуры и традиций, как укрепить взаимное доверие и сотрудничество.

Планируется детально обсудить вопросы использования мягкой силы в разных странах с целью сохранения всеобщего мира и развития человека на основе уважения к культурному разнообразию, а также различные формы сотрудничества посредством всесторонних социальных и культурных обменов.

– Благодарим за ответы и надеемся на дальнейшее творческое сотрудничество.

*Перевод с английского аспиранта Финиуниверситета
при Правительстве РФ Анны Лагерь*

Литература

К итогам Второго Всемирного культурного форума (18–19 мая 2013 г., Ханчжоу, Китай) // Век глобализации. 2013. № 2(12). С. 3–22.

Чумаков А. Н. Культура и вызовы глобализации: новые подходы // Век глобализации. 2011. № 2(8). С. 174–180.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ

Ильин И. В.

доктор политических наук, доцент, декан факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова.

E-mail: dekanat@fgp.msu.ru

Розанов А. С.

аспирант факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова, руководитель научного отдела.

E-mail: rozanov@fgp.msu.ru

Статья написана по материалам III Международного научного конгресса «Глобалистика», посвященного 150-летию В. И. Вернадского, проходившего в Москве 23–25 октября 2013 г. под эгидой ЮНЕСКО и Международного консорциума глобальных исследований.

Ключевые слова: глобализация, конгресс, В. И. Вернадский, кросс-культурная коммуникация.

The article is based on materials of the third International Scientific Congress 'Globalistics' dedicated to the 150th anniversary of Vladimir Vernadsky. It was held on 23–25 October 2013 in Moscow under the aegis of UNESCO and Global Studies Consortium.

Keywords: globalization, congress, V. I. Vernadsky, cross-cultural communication.

В эпоху глобализации трудно себе представить хотя бы одну сферу человеческой жизнедеятельности, которая бы не входила в проблемное поле глобальных исследований (Global Studies). Группа «Global Studies» – это направление исследований, в результате которых производится особая форма междисциплинарно-научного знания – глобального знания, отображающего все глобальные процессы и системы, которые существуют и развиваются на планете Земля в контексте общепланетарной целостности и значимости¹.

В 2013 г. исполнилось 150 лет со дня рождения великого русского ученого В. И. Вернадского (1863–1945), заложившего основы глобальных исследований в России. Он основоположник целого ряда наук о Земле, создатель учения о живом веществе, биосфере и ноосфере, один из крупнейших организаторов науки и человек, для которого были равно важны как научные, так и политические интересы. Владимир Вернадский – патриот, вся жизнь которого была посвящена развитию и процветанию родной страны.

¹ Ильин И. В. Глобалистика в контексте политических процессов. – М., 2010.

Факультет глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова не мог оставить незамеченной такую важную для российской и зарубежной науки дату, и по его инициативе с 23 по 25 октября в Москве состоялся, пожалуй, один из крупнейших форумов по глобальной проблематике во всей Западной Европе – III Международный научный конгресс «Глобалистика», посвященный 150-летию В. И. Вернадского. Данный научный форум получил официальную поддержку и проходил под эгидой международной организации ЮНЕСКО и Международного консорциума глобальных исследований (секретариат – Калифорнийский университет, США) в соответствии с Московской Декларацией от 22 июня 2013 г., принятой по итогам очередного заседания консорциума, состоявшегося на факультете глобальных процессов 20–23 июня 2013 г.

Необходимо отметить, что ряд мероприятий конгресса «Глобалистика-2013» входили в план по подготовке и проведению празднования 150-летия со дня рождения В. И. Вернадского, разработанный в соответствии с распоряжением Правительства РФ от 22 октября 2012 г. № 1964-р (во исполнение пункта 2 Указа Президента РФ от 21 августа 2012 г. № 1206).

Напомним, что первые два конгресса «Глобалистика» прошли в 2009 и 2011 гг., их итогом стало создание Международной ассоциации глобальных исследований. В работе нынешнего конгресса приняли участие более 700 ученых и специалистов из 40 стран мира, представляющих Европу, Азию, Северную и Южную Америку, Африку и Австралию. В программу конгресса «Глобалистика-2013» вошли 7 секций, 3 симпозиума, 5 круглых столов, 2 видеоконференции, выставки IT-достижений (проходили в течение всей работы форума, на них были представлены последние научно-технические достижения в сфере компьютерного программирования и робототехники), панельные дискуссии, семинары и мастер-классы.

Конгресс начался 23 октября 2013 г. в актовом зале Интеллектуального центра – Фундаментальной библиотеки МГУ имени М. В. Ломоносова. Международный форум ученых открыл председатель организационного комитета, почетный президент Международной ассоциации глобальных исследований, ректор Московского университета, академик В. А. Садовничий. Он представил основные задачи конгресса и дал краткий обзор основных результатов исследований социально-экономических процессов, которые проводит группа ученых РАН и МГУ под его руководством.

Затем были оглашены приветствия конгрессу от Совета Федерации ФС РФ, Государственной Думы ФС РФ, Российской академии наук, Генерального директора ЮНЕСКО Ирины Боковой. Как особо значимому международному научному событию конгрессу в этом году решением Генерального директора ЮНЕСКО предоставлена официальная эгида ЮНЕСКО.

На открытии выступил с развернутым докладом заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО, чрезвычайный и полномочный посол РФ А. С. Дзасохов. Он также огласил приветствие, которое направил председатель Национальной комиссии по делам ЮНЕСКО, министр иностранных дел Российской Федерации С. В. Лавров.

Один из организаторов конгресса президент международной ассоциации «Большой истории», профессор Университета Маккуори (Австралия) Дэвид Кристиан от имени всех иностранных участников поблагодарил организаторов за приглашение на столь важный и значимый форум.

Среди других известных ученых на открытии выступили: профессор Университета Индианы (США) Уильям Томпсон; секретарь Международного консорциума глобальных исследований Виктор Фессел (Калифорнийский университет, США); профессор Фульвио Аттина, президент Итальянского общества политических наук (Университет Катании, Италия); профессор Мурат Бильхан, чрезвычайный и полномочный посол и вице-президент Турецко-Азиатского центра стратегических исследований; профессор А. Н. Чумаков, первый вице-президент Российского философского общества; академик В. А. Ильичев, первый вице-президент Российской академии архитектуры и строительства.

На открытии выступили и представители молодежи, участники конференции «В. И. Вернадский как политический деятель и организатор научно-технических проектов», а также Молодежного фестиваля науки СНГ, в частности председатель Молодежного совета при Кабинете министров Украины Анастасия Сабова. С приветственным словом выступил председатель Студенческого научного общества экономического факультета Юго-Западного университета финансов и экономики (Ченду, КНР) господин Чен Лиджен, участник совместного российско-китайского студенческого семинара, прошедшего на факультете глобальных процессов МГУ в рамках конгресса «Глобалистика-2013».

По завершении торжественного открытия состоялось первое пленарное заседание конгресса, на котором выступили Фульвио Аттина, Уильям Томпсон, Аскар Акаев и Дэвид Кристиан. Модератором дискуссии являлся и. о. директора ИСАА МГУ, доктор исторических наук, профессор И. И. Абылгазиев. Ученые обсудили задачи междисциплинарных исследований и проанализировали различные сценарии глобального развития на конкретных примерах (будущее европейского институционализма, конфликтность современной системы международных отношений, модели глобального экономического развития, «Большая история» и ее роль в трактовке современных глобальных процессов).

Параллельно с началом первого пленарного заседания конгресса состоялось открытие Молодежного фестиваля науки стран СНГ и Международной молодежной конференции «В. И. Вернадский как политический деятель и организатор научно-технической деятельности», на которой были обсуждены деятельность Владимира Вернадского в Государственном Совете Российской империи, на должности помощника министра образования во Временном правительстве, а также инициативы великого ученого по организации Радиевого института и по разработке им идеи использования атомной энергии. Учитывая тот факт, что академик В. И. Вернадский фактически был инициатором атомного проекта России, второй день (24 октября) вышеупомянутой молодежной конференции принял НИЦ «Курчатовский институт», а его руководитель член-корреспондент РАН М. В. Ковальчук стал инициатором последующего обсуждения.

Важно отметить, что к юбилею В. И. Вернадского Международная ассоциация глобальных исследований учредила медаль «За вклад в глобальные исследо-

вания», которая станет одной из значимых и уважаемых международных наград для исследователей глобальных процессов. Вечером первого дня работы конгресса состоялась торжественная церемония награждения этой медалью ряда известных российских и зарубежных ученых. Первыми медалями были награждены: академик В. А. Садовничий, академик Г. В. Добровольский (посмертно), академик А. А. Акаев, профессора А. Д. Урсул, А. Н. Чумаков.

Второй день работы конгресса проходил сразу на нескольких площадках. На базе факультета глобальных процессов состоялось второе пленарное заседание, на котором с докладами выступили Петр Ближковский, директор департамента агропромышленной политики Секретариата Совета ЕС; Александр Чумаков, первый вице-президент Российского философского общества; Владимир Ильичев, вице-ректор Московской академии строительных наук и архитектуры; Александр Розанов, руководитель научного отдела ФГП МГУ имени М. В. Ломоносова. Ученые обсудили проблему соотношения процессов глобализации и глокализации на примере развития Европейского союза, а также архитектуру современного глобального политического порядка.

Параллельно со вторым пленарным заседанием состоялась видеоконференция между МГУ имени М. В. Ломоносова и Дальневосточным федеральным университетом (ДФУ) на тему «Россия, российский Дальний Восток и АТР: политические и экономические тренды». Был обсужден широкий круг вопросов касательно будущего Дальнего Востока России, в частности вопросы инвестиций, приоритеты развития после Саммита АТЭС, перспективные проекты и сложности их реализации. Иностранцами студентами МГУ было представлено видение проблем Дальнего Востока со стороны КНР.

Особый интерес у участников конгресса вызвал круглый стол «Молодежь и глобализация», проходивший в главном здании МГУ (мероприятие проводилось два дня – 24 и 25 октября). Первая часть круглого стола (24 октября) была посвящена проблеме социализации молодых людей в условиях глобализации (доклад чл.-корр. РАО Н. Л. Селивановой); во второй день (25 октября) обсуждалась проблема социального развития молодежи в условиях глобальной социальной турбулентности, доклад профессора МГУ имени М. В. Ломоносова, доктора соц. наук Н. Л. Смакотиной. В выступлениях отмечались особенности социализации в условиях глобализации, проблемы адаптации молодых людей в условиях неопределенности, этос как система синергичных механизмов социальной деятельности молодежи, социальное самочувствие молодежи в условиях глобализации, влияние миграционных молодежных процессов на развитие регионов, новые формы социальной жизни молодежи, проблемы формирования культуры безопасности, проблемы идентификации молодого поколения на примерах отдельных стран (Польша, Германия, Молдова, Казахстан, Армения, Абхазия) и регионов России (Дальний Восток, Северный Кавказ, Центральный федеральный округ) и др.

Одним из ключевых мероприятий конгресса стал международный симпозиум «Конвергенция как глобальный тренд развития наук и технологий», состоявшийся в Национальном исследовательском центре «Курчатовский институт» (по материалам пресс-службы НИЦ «Курчатовский институт»). На симпозиуме выступили директор Центра, член-корреспондент РАН М. В. Ковальчук, академик А. А. Дын-

кин, главный научный сотрудник Института математического изучения сложных систем имени И. Р. Пригожина МГУ, профессор ФГП МГУ А. А. Акаев, заместитель директора «Курчатовского института» О. С. Нарайкин, а также ряд зарубежных коллег, которые выступали на первом пленарном заседании конгресса «Глобалистика-2013».

В своем выступлении М. В. Ковальчук отметил, что задача преодоления системного кризиса цивилизации, по сути, выживания человечества, становится задачей формирования новой ноосферы, в которой техносфера должна стать органичной частью окружающей среды, а не быть с ней в противоречии, как это происходит сейчас. Для этого необходимо перейти к новой парадигме развития науки на базе конвергентных нано-, био-, инфо-, когнитивных технологий. Главная их отличительная черта – близость к естественным, природным процессам в их единстве и взаимосвязи. Таким образом, синтез «живого» с «неживым» – это парадигма будущего развития науки. Двигаясь по пути синтеза «природоподобных» систем и процессов, человечество подойдет к созданию антропоморфных технических систем, высокоорганизованных «копий живого».

По словам Ковальчука, такие системы должны обладать как минимум способностью реализовывать некоторые познавательные функции. Чтобы разумно и эффективно пользоваться возможностями конвергентных технологий, необходима трансформация сознания самого человека как социального существа. Как подчеркнул Ковальчук, это возможно на базе соединения нано-, био-, информационных, когнитивных технологий с достижениями социально-гуманитарных наук и технологий. Курчатовский центр нано-, био-, инфо-, когнитивных, социальных наук и технологий (НБИКС-центр) в настоящее время – уникальный научный центр, где уже практически реализуется направление НБИКС-конвергенции.

А. А. Дынкин, директор Института мировой экономики и международных отношений РАН, в докладе «Российская экономика в глобальном мире» проанализировал фундаментальные изменения в мировой экономике, сфере безопасности, глобальном управлении. Он подробно остановился на актуальных тенденциях развития стран – глобальных и ведущих региональных лидеров – и взаимодействии с ними России. Основное внимание ученый уделил выявлению возможностей, вызовов и рисков, которые возникают у России в рамках полицентричного мира, а также подчеркнул, что Россия должна искать свою модель развития.

А. А. Акаев, главный научный сотрудник Института математических исследований сложных систем МГУ имени М. В. Ломоносова, уверен, что главные заботы мирового сообщества сегодня сводятся к решению двух взаимосвязанных задач – успешному преодолению последствий глобального финансово-экономического кризиса и обеспечению устойчивого посткризисного роста мировой экономики. По его мнению, российская экономика в XXI в. будет развиваться, опираясь на НБИКС-технологии. «Сегодня эти НБИКС-технологии уже создаются здесь, в Курчатовском институте», – подчеркнул Акаев.

Уильям Томпсон (Университет Индианы, США) выступил с докладом «Большие экономические и политические циклы». Он отметил, что глобальная мировая экономическая система имеет нелинейный, циклический характер своего

развития. Ее динамику задает периодичность различных по структуре и продолжительности колебаний, образующих циклические процессы, совокупность которых может объяснить сложную структуру глобальной как временной, так и пространственной динамики мировой экономической системы в целом. Каждый спад волны, по словам Томпсона, представляет собой преддверие инновации. Поэтому именно страны с высоким инновационным потенциалом сегодня способны преодолеть кризис.

Дэвид Кристиан (президент Международной ассоциации «Big History», Австралия) в своем выступлении рассказал об уникальной роли научно-образовательного курса «Большая история» в понимании взаимосвязи и взаимовлияния различных глобальных проблем и возможностей. «Большая история», согласно мнению ученого, связывает в единое целое сразу несколько научных направлений – историю, космологию, физику и биологию. Будущее науки – это применение междисциплинарного подхода, позволяющего использовать достижения целого ряда наук в целях прогнозирования и предотвращения возможных глобальных рисков.

Продолжил тему итальянский политолог, директор Центра европейских исследований Университета Катании Фульвио Аттина. В докладе «Глобальная политическая система – кризис мироустройства и контуры нового мира» он рассказал о влиянии политики на глобальное развитие. Сегодня глобальные политические процессы и проблемы имеют комплексный характер и характеризуются тесным взаимодействием политических, экономических и социокультурных аспектов, подчеркнул он.

Заместитель директора НИЦ «Курчатовский институт» О. С. Нарайкин в своем докладе «Конвергенция наук и технологий: потенциальные угрозы и вызовы» проанализировал возможные риски развития конвергентных наук и технологий. «Говоря о том, что конвергенция является спасением человечества в условиях глобального кризиса, нельзя не замечать, что новые возможности порождают новые угрозы», – отметил он в своем выступлении. По его словам, эти угрозы связаны с самим характером конвергентных технологий, обеспечивающих полное или частичное воспроизведение систем и процессов живой природы, например синтезирование клеток, искусственных тканей и органов, создание биоподобных антропоморфных робототехнических систем, роботов-аниматов. В этой ситуации важнейшее значение приобретает формирование нового эффективного международного механизма обеспечения безопасного развития и использования конвергентных технологий, резюмировал Нарайкин.

В рамках симпозиума его участники ознакомились с работой различных научных комплексов и лабораторий Курчатовского НБИКС-центра: в частности, посетили отдел нейрокогнитивных наук, комплекс ядерной медицины, научно-технологический комплекс наноэлектроники и гибридных технологий. Ученые и участники симпозиума ознакомились с историей Курчатовского института, который в 2013 г. отметил свое 70-летие. Студенты посетили также комплекс синхротронных станций в большом экспериментальном зале Курчатовского источника синхротронного излучения.

24 октября состоялась работа шести секций конгресса, которые проходили в 1-м учебном гуманитарном корпусе МГУ имени М. В. Ломоносова.

Доклады секции **«Учение В. И. Вернадского о биосфере и ноосфере: современная интерпретация и глобальный эволюционизм»** затрагивали следующую проблематику: современные представления о становлении сферы разума и идейного наследия В. И. Вернадского в проводимых ноосферных исследованиях; особенности учения Вернадского о биосфере и роли биологической науки в дальнейшем развитии его творчества; проблема становления глобального развития. Открывая заседание секции, д. ф. н., проф. А. Д. Урсул подчеркнул роль идей академика В. И. Вернадского, высказанных им еще в начале XX в., эвристическую их значимость в условиях широкого развертывания глобализационных процессов. Он также отметил, что не только ноосферные исследования, но и глобальная проблематика восходят к творчеству Вернадского, который особое значение для созидания сферы разума (ноосферы) придавал науке, и ее современное развитие подтвердило это предвидение. Причем формирование сферы разума начинается с обретения научной мыслью глобального и даже вселенского масштаба, о чем неоднократно писал Вернадский.

На секции **«Методология глобалистики: философский аспект»** (председатель д. ф. н., проф. А. Н. Чумаков) значительное внимание и творческую полемику вызвали проблемы определения статуса и предмета глобалистики, вопросы глобального управления, выявление векторов и направленности мирового развития, места и роли России в современном мире.

Секция **«Политическая глобалистика и международные отношения»** была разделена на четыре смысловых блока: собственно политическая глобалистика, мировая политика, глобальная и региональная безопасность, человек в глобальном мире. Открывая заседание секции, д. ф. н., проф. П. А. Цыганков подчеркнул особую роль политической глобалистики в обосновании современной архитектуры глобального мира, а также выделил ключевые тенденции развития международных отношений на современном этапе. Участники секции в своих докладах подтвердили факт формирования особого интегративного подхода к анализу глобальных политических процессов.

Доклады секции **«Глобалистика в университетах и школах»** были посвящены вопросам преподавания и популяризации глобалистики как научно-образовательной дисциплины, а также применения принципов синергетики в инновационных образовательных курсах. Работа секции прошла на высоком научно-методическом уровне.

На секции **«Глобальное прогнозирование и моделирование»** были заслушаны доклады по проблемам моделирования и прогнозирования глобальных процессов в экономической, социальной, политической, военной, информационной сферах. В качестве проблемы была отмечена сложность учета при моделировании слабоформализуемых факторов, отражающих качественные характеристики анализируемых процессов. Участники секции отмечают актуальность работ по практическому использованию прогностических моделей в системах поддержки принятия решений в области стратегического планирования и управления.

На секции **«Глобальная экономика»** в докладах участников были затронуты следующие проблемы: рост глобальной конкуренции, проблема экономического роста, увеличение объемов трудовой миграции, государственный долг США, кри-

зис еврозоны и экономической политики ЕС, транснационализация финансовых потоков, регулирование банковского сектора, вопросы кредитно-денежной политики и др. В дискуссии участвовали представители Торгово-промышленной палаты РФ, Министерства экономического развития РФ, Министерства финансов РФ.

24 октября в Институте стран Азии и Африки МГУ имени М. В. Ломоносова в рамках конгресса «Глобалистика-2013» состоялись международный симпозиум «Центральная Азия и сопредельные страны в условиях глобализации», научный семинар «Большой Ближний Восток в глобальной политике», а также заседание открытого круглого стола по теме «Ситуация на Корейском полуострове в контексте региональных и глобальных вызовов».

Работа семинара «Большой Ближний Восток в глобальной политике» проходила в форме дискуссионной площадки, где обсуждались актуальные проблемы развития одного из важнейших регионов мира в сфере политики, экономики и культуры. Ведущие эксперты в области глобальных исследований и философии, социологии и политологии, географии и экологии, экономики и демографии, истории и прав, геополитики и геоэкономики, прикладной математики и теории управления рассматривали те или иные вопросы, касающиеся стран Большого Ближнего Востока – нового макрорегиона, образование которого было связано с окончанием холодной войны и распадом СССР. В результате этих событий открылись перспективы кардинальной переконфигурации на огромной территории южнее границ современной России, стали возможными изменения в большом геополитическом пространстве. В регионе появились новые субъекты международных отношений – суверенные государства Центральной Азии и Южного Кавказа, а такие государства, как Турция и Иран, стали претендовать на роль региональных держав.

Новые независимые государства и страны региона в последние двадцать лет находятся в напряженном поиске возможных вариантов включения в мировую систему через новые коммуникации и союзы, а страны, заинтересованные в этом регионе, в первую очередь США, Россия, Китай, государства Европы, определяют подходы к ним, пытаются найти варианты использования новой ситуации в своих геополитических целях.

В работе круглого стола по теме «Ситуация на Корейском полуострове в контексте региональных и глобальных вызовов» приняли участие ведущие специалисты-корееведы из государственных и научно-исследовательских организаций РФ (МИД РФ, Институт востоковедения РАН, Институт Дальнего Востока РАН), а также профессора московских и корейских университетов. Прошедшая дискуссия с участием российских и корейских экспертов продемонстрировала, что анализ ситуации на Корейском полуострове, перспектив взаимоотношений двух корейских государств и роли великих держав в этом регионе чрезвычайно актуален, что в полной мере отражают события, происходившие в мире на рубеже столетий. Во время обсуждений было не только отмечено важное геополитическое положение Корейского полуострова, который был и остается в центре внимания крупнейших держав мира, но и подтвержден тезис о том, что комплексный анализ развития ситуации на полуострове будет способствовать выработке общего видения

новой архитектуры безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, отвечающей реалиям XXI в.

В ходе дискуссий была подчеркнута мысль: российский интерес к ситуации на Корейском полуострове обусловлен тем обстоятельством, что два корейских государства являются нашими географическими соседями и все кризисные проблемы, возникающие между ними, так или иначе могут сказаться на безопасности дальневосточных рубежей нашего государства. В этой связи России необходимо прилагать постоянные практические усилия для стабилизации ситуации и создания прочного мира на Корейском полуострове, но при этом политика России в отношении корейских государств должна быть «равноудаленной».

Несмотря на широкий спектр зачастую полярных суждений, высказанных в ходе анализа ситуации на Корейском полуострове, практически все участники круглого стола оказались едины во мнении, что для правильной оценки ситуации и прогнозирования развития событий в регионе чрезвычайно важна роль специалистов-корееведов.

Кроме уже упомянутых ранее мероприятий хотелось бы отметить работу двух очень интересных площадок: мастер-класса «Научная кросс-культурная коммуникация» и круглого стола «Проблемы глобальной политики в контексте кризиса цивилизации».

«Научная кросс-культурная коммуникация» представляет собой цикл семинаров, направленных на адаптацию российских и зарубежных ученых к инновационным технологиям взаимной интеграции публикационных данных из различных международных баз данных (Web of Science, Scopus, Google Scholar). В мастер-классе приняли участие известные ученые из Австрии, США, Китая, Германии и России, отметившие важное значение более широкой имплементации так называемой взаимной культуры цитирования в целях повышения импакт-фактора своих исследований.

24 октября 2013 г. на факультете политологии МГУ имени М. В. Ломоносова в рамках конгресса «Глобалистика-2013» состоялся круглый стол «Проблемы глобальной политики в контексте кризиса цивилизации», модератором которого выступил д. ф. н., проф. А. И. Костин.

В работе круглого стола активное участие приняли: к. ф. н., доц. А. Л. Демчук, д. пол. н., проф. В. М. Капицын, д. пол. н., проф. И. А. Василенко, д. пол. н., проф. А. В. Манойло, к. пол. н., доц. И. А. Чихарев, м. н. с. О. В. Столетов, аспирант Д. С. Полулях, а также студенты и аспиранты факультета политологии МГУ и других вузов. Все участники мероприятия согласились с выводом модератора о том, что текущее положение мировой системы некорректно описывать исключительно в терминах наступления «темных веков», эпохи анархии и глобальной регрессии. Как отметили участники круглого стола, в истории человечества кризисы были, как правило, не только «исходом» всего устаревшего, но и открывали эпоху новых возможностей.

В рамках III Международного научного конгресса «Глобалистика-2013» Евро-азиатский Центр мегаистории и системного прогнозирования (Институт востоковедения РАН) в сотрудничестве с Факультетом глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова организовали Международный симпозиум «Большая

история и глобальная эволюция» (ведущие Л. Е. Гринин и А. В. Коротаев). Основная тематика докладов касалась глобальной эволюции, что является термином, близким по значению «Большой истории». Доклады касались всех эпох истории Универсума, начиная от зарождения Вселенной и заканчая проблемами будущего, в том числе искусственного интеллекта, революцией в медицине и других областях (революция управляемых систем). Проблемы эволюции исследовались на разных уровнях, отдельно были затронуты разные проблемы космической, биологической, социальной эволюции. Все отметили важность междисциплинарного исследования и обсуждения, которые проводились на симпозиуме. Участники предложили в дальнейшем провести круглый стол по теоретическим проблемам эволюции, так как времени на обсуждение многих аспектов этой проблемы не хватило. Также было предложено подготовить учебное пособие (международный стандарт) по Большой истории.

В рамках *панельной дискуссии «Цветные революции на постсоветском пространстве»* была принята резолюция о необходимости проведения дальнейшего научного изучения феномена и итогов «цветных революций» с привлечением экспертов, представителей СМИ, НПО и органов власти стран, где произошли рассматриваемые события или были произведены попытки смены власти; подчеркнута важность организации молодежной секции по обсуждению данной проблематики учащимися вузов РФ и других стран; поставлен вопрос о создании возможного общественного механизма между странами по выявлению подобных угроз. Участники дискуссии обсудили доктринальные, теоретические подходы в современном изучении «цветных революций»; были проанализированы социально-экономические, национальные, региональные, религиозные, внутри- и внешнеполитические причины «цветных революций» на постсоветском пространстве; произошел обмен мнениями об их технологии, использованных приемах и методах. Особое внимание было уделено анализу итогов «цветных революций» в Грузии, Украине, Киргизии в связи с 10-летним юбилеем «революции роз». Сделан ряд прогнозов по возможности реализации методик «цветных революций» в странах Евразии, их вероятным целям и формату. В работе дискуссии приняли участие профильные специалисты ФГП, факультета политологии, ФГУ МГУ имени М. В. Ломоносова, ГУУ-ВШЭ, члены дипломатических представительств стран СНГ (Украина, Молдова, Киргизия), представители российских НПО (Фонд поддержки соотечественников за рубежом, Фонд поддержки публичной дипломатии А. М. Горчакова, ЦОПМИ «Прометей») и иностранные участники конгресса (Украина, Болгария).

Второй рабочий день конгресса завершился видеоконференцией с Калифорнийским университетом (США, Санта-Барбара). Тема дискуссии – «Проблемы глобального образования». Интерактивную беседу с Москвой вел директор американского центра «Орфали» по глобальным и международным исследованиям профессор Марк Юргенсмейер. Специалисты ФГП МГУ и Калифорнийского университета подчеркнули важнейшее значение расширения международных научных контактов и подготовки совместных исследовательских проектов; кроме того, все участники дискуссии пришли к общему мнению, что глобальное образование помогает преодолеть существующие между различными странами политические и иные противоречия.

В заключительный день конгресса «Глобалистика-2013» (25 октября) продолжили свою работу основные секции форума и ряд международных семинаров.

На секции «Город в контексте глобальных процессов» были обсуждены особенности функционирования урбосферы и глобально-экологические проблемы, особенности и проблемы глобальных городов, глобальные системы и сети городов, управление урбосистемами, проблемы взаимодействия и коэволюции урбосферы с другими геосферами в глобальном геоэкологическом времени и пространстве, популяризация достижений урбоглобалистики. Отдельным оригинальным пунктом программы секции стала презентация научно-популярного фильма «Парадоксы урбосферы», подготовленного совместно кафедрой ЮНЕСКО по глобальным проблемам городов МГУ имени М. В. Ломоносова и Саратовским государственным техническим университетом имени Ю. А. Гагарина.

В докладах были затронуты следующие научные проблемы: формирование глобального урбоглобалистического мышления, проблемы глобального процесса урбанизации, формирование урбосферы и урбанизма как образа жизни, проблема глобальных природно-техногенно-социальных катастроф в городских системах и проблема популяризации знаний об урбосфере. Анализ представленных сообщений наглядно показывает, что урбоглобалистические представления являются важнейшими опорами современной глобалистики. Выступая в качестве своеобразной «глобальной нервной системы» формирования, функционирования и эволюции глобальных процессов, системы городов как сетевые структуры во многом определяют особенности глобальных природно-антропогенных процессов. Таким образом, урбосферология, глобальная экология городов, учение о глобальных городах затрагивают значительную часть предметного научного поля современной глобалистики и представляют собой направления, теснейшим образом переплетенные с глобалистикой концептуально и методологически.

В рамках конгресса состоялся 4-й традиционный семинар студентов ФГП МГУ и экономического факультета Юго-Западного университета Китая (г. Чэнду). Тема семинара – «Экономика знаний в глобальном мире». Его участники обсудили следующие проблемы: эффективная бизнес-команда в экономике знаний; модернизация как основа новой экономики Китая; необходимость формирования экономики знаний для преодоления кризиса глобальной экономики. Данный семинар в очередной раз показал, что Россия и Китай являются стратегическими партнерами во многих сферах экономики и ключевыми игроками на международной арене.

Наконец, хотелось бы отметить работу круглого стола «Московская встреча серии М5: Молодежная пятерка», проходящего в рамках серии мероприятий Союза молодых ученых и специалистов Евразии. Участники данного мероприятия обсудили современные интеграционные процессы на постсоветском пространстве, глобальные вызовы, с которыми сталкиваются страны Евразийского континента, и возможные формы участия молодежных лидеров в решении данных проблем.

Конгресс завершил свою работу принятием Итоговой резолюции на заключительном заседании в здании Президиума Российской академии наук. Примечательно, что данное заседание состоялось 25 октября – в День мировой науки по

календарю ЮНЕСКО. Модераторы всех основных площадок конгресса проинформировали коллег об основных результатах двухдневных дискуссий. Со специальным докладом на тему «Малые народы в условиях глобализации» выступил почетный гость конгресса – правитель народа консо Кала Гезаген (Эфиопия). Кроме того, на заключительном заседании было принято решение о присуждении медали «За вклад в глобальные исследования» Генеральному директору ЮНЕСКО Ирине Боковой, директору Центра «Орфали» (США) Марку Юргенсмейеру, проф. Э. В. Гирусову, чл.-корр. РАН М. В. Ковальчуку, акад. А. А. Дынкину.

Участники конгресса поддержали инициативу ФГП МГУ об образовании неформального клуба ученых – Московского клуба, продолжающего традиции таких известных экспертных центров, как Римский клуб. Кроме того, на итоговом заседании было принято решение о создании Международной академии глобальных исследований, которая объединит экспертов-международников по всему миру, специализирующихся в сфере изучения глобальных процессов. Участники конгресса и представители международных ассоциаций были приглашены на Первый саммит Международной ассоциации глобальных исследований, который состоялся в Москве на базе ФГП в конце мая 2014 г.

Важнейшими соглашениями в рамках конгресса стали: 1) Соглашение о сотрудничестве между ФГП МГУ имени М. В. Ломоносова и Международной ассоциацией «Big History» (на заключительном заседании конгресса было принято решение о проведении ежегодной конференции данной ассоциации в августе 2014 г. в Сан-Франциско); 2) Соглашение об открытии филиала кафедры ЮНЕСКО ФГП по изучению глобальных проблем в РАО. Специально к конгрессу были подготовлены следующие материалы, посвященные 150-летию В. И. Вернадского: 1) сборник тезисов докладов конгресса «Глобалистика-2013»; 2) монография «Глобальные исследования и эволюционный подход» (авторы И. В. Ильин, А. Д. Урсул).

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Кишлакова Н. М.

к. ф. н., профессор кафедры «Философия»
Финансового университета при Правительстве РФ

Махаматов Т. М.

д. ф. н., профессор кафедры «Философия»
Финансового университета при Правительстве РФ
E-mail: philos_fa@mail.ru

Международные и национальные аспекты финансово-экономических и гуманитарных вызовов глобализации заслуживают серьезного исследования специалистами разных отраслей науки. Такая попытка предпринята в рамках конференции, организованной Финансовым университетом при Правительстве РФ. В статье освещены основные моменты мероприятия, дан краткий обзор выступлений участников конференции.

Ключевые слова: вызовы глобализации, философия, космополитические ценности, коллективная идентичность, патриотизм.

The international and national aspects of the financial-economic and humanitarian challenges of globalization should be thoroughly investigated by the experts in different branches of knowledge. The attempt to start this process was made at the conference held by the Financial University under the Government of Russian Federation. The article highlights the main points of the event and gives a brief survey of presentations made by the participants of the conference.

Keywords: globalization challenges, philosophy, cosmopolitan values, collective identity, patriotism.

Кафедра «Философия» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации 29 октября 2013 г. организовала и провела международную научно-практическую конференцию, посвященную проблеме международных и национальных аспектов финансово-экономических и гуманитарных вызовов глобализации. В конференции приняли участие известные специалисты в области экономической и финансовой науки, философы, политологи, психологи, филологи и представители других областей гуманитарного знания из ведущих вузов Москвы и России, а также Боливии, Турции и Азербайджана. От ректората гостей и участников конференции приветствовали директор Центра международного сотрудничества П. С. Селезнев, а также директор центра по планированию и организации научно-исследовательской работы Финансового университета А. Г. Бурутин, которые пожелали всем участникам конференции интересной и продуктивной работы.

Век глобализации 1/2014 182–186

Открыл конференцию заведующий кафедрой «Философия» Финансового университета, доктор философских наук, профессор А. Н. Чумаков с докладом о роли философии в осмыслении процесса глобализации. Он подчеркнул необходимость и значение интеграции различных наук в осмыслении проблемы целостного мира и процесса глобализации, одновременно выделил те объективные основания, по которым именно философия призвана играть ключевую роль в этом процессе.

По его мнению, только философия способна к разработке холистического взгляда на мир, трансформируя мировоззрение, формируя ценностные установки, учитывая исторический контекст взаимодействия общества и природы. Кроме того, философия способна выявить тенденции и динамику социальных процессов, понять культурные и цивилизационные аспекты общественного бытия, выявить новые смысложизненные ориентиры в условиях глобального мира.

Не менее значимой, по мнению А. Н. Чумакова, является и методологическая роль философии в разработке теории и языка глобальных процессов, а также вопросов глобального управления, концепции триосферы и многих других, так как в новых условиях с понятиями XX в. ученым будет трудно двигаться дальше в осмыслении проблемы целостности мира.

Проблема глобализации финансово-экономических рисков и путей их регулирования была поставлена в докладе директора Центра исследований международных экономических отношений, доктора экономических наук, профессора Л. Н. Красавиной. Она отметила, что в новой концепции внешней политики Российской Федерации можно обнаружить не только практические, но и методологические и теоретические аспекты. Кроме того, в этой концепции подчеркивается, что современный мир насыщен угрозами, во многом вытекающими из нестабильности финансового рынка и возможности получения огромных спекулятивных прибылей, глобального долгового кризиса, в котором оказались и сами США, когда весь мир является их кредитором. Эту ситуацию вряд ли можно назвать нормальной, и России необходимо разрабатывать свою программу преодоления данной угрозы.

В условиях глобализации актуализируется и проблема стратегического риска в сфере установления экономического партнера. К числу серьезных рисков следует отнести инфляционный, информационный, банковский риски и риск внезапного оттока капитала. Не стоит оставлять без внимания и такие риски, как рейтинговый, поведенческий и компетентностный. Риски были и остаются спутниками человеческой деятельности, поэтому столь важна проблема их теоретического осмысления в новых условиях развития человеческой цивилизации.

Экономические аспекты глобализации были рассмотрены и в докладе доктора экономических наук, члена-корреспондента РАН, заведующего кафедрой «Макроэкономическое регулирование» Финансового университета, первого заместителя директора Института экономики РАН Д. Е. Сорокина «Политическая экономия российского ответа на вызовы глобализации». Главным вызовом глобализации для России он считает снижение роста производительности труда, вызванное серьезными проблемами в сфере технологического развития страны. Поэтому решение проблемы модернизации экономики России, ее инновационного развития зависит в первую очередь от качественного технологического прорыва в сфере производства средств производства.

Проблема национализации углеводородов и ее влияния на экономику Боливии была поднята в докладе кандидата экономических наук А. В. Арансибия (Боливия). Он поблагодарил организаторов конференции за возможность, которая позволяет ему обсуждать столь сложные реалии сегодняшнего мира, подчеркнул, что экономика Боливии базируется на добыче и экспорте нефти и газа, которые являются главным источником доходов страны. До 2006 г. этот сектор экономики находился в руках транснациональных компаний. Национализация нефтяных компаний позволила привлечь в него огромное количество рабочей силы. Налоговые поступления в государственную казну составили 19 млрд долларов. Наряду с очевидным экономическим эффектом существуют и негативные последствия. Это касается проблемы отсутствия частных инвестиций, отсрочек в выплатах по возмещению ущерба от национализации.

Разговор об экономических аспектах глобализации был продолжен в докладе доктора экономических наук, заведующего кафедрой «Маркетинг и логистика» Финансового университета С. В. Карповой «Современный взгляд на бренд как интеллектуальный капитал компании». Она подчеркнула, что в условиях глобализации необходим переход от линейного к кластерному видению и анализу проблем. В условиях ускорения распространения кризисов, обостряющих конфликт интересов различных стран, главным остается человек и его социально-культурный статус. В этом плане взаимосвязь маркетинга и философии происходит через формирование понятия «философия маркетинга» как процесса использования маркетинговых принципов, касающихся человеческих и культурных ценностей.

Заведующая кафедрой «Бухгалтерский учет и финансы предприятия» Московского государственного машиностроительного университета, доктор экономических наук, профессор О. В. Рожнова говорила о бухгалтерском учете как зеркале всех проблем глобализации и потенциальном инструменте их решения.

Доклад кандидата философских наук, доцента кафедры философии, истории и социологии Брянского государственного технического университета Е. А. Дергачевой был посвящен рыночной экономике как фактору глобализации социально-техногенного развития. По ее мнению, глобализация существенно усиливает негативные последствия техногенного влияния общества на биосферу. Эти последствия могут быть преодолены посредством совершенствования технологий в экономической сфере жизнедеятельности общества.

Проблему культуры демократии в развивающихся странах в условиях глобализации пытался осмыслить в своем докладе доктор философских наук, профессор кафедры «Философия» Т. М. Махаматов. Он подчеркнул, что универсальные принципы и институты демократии первоначально формировались и развивались в странах Европы. Под воздействием глобализации они стали проникать в страны других континентов и реализовываться через призму национальных традиций и культур. Проводя анализ процесса формирования культуры демократии в странах Центральной Азии на постсоветском пространстве, Махаматов выделил четыре основополагающих фактора: противоречивость процесса приобретения политической идентичности; присутствие влияния кланов; постепенное прекращение заигрывания власти с религией и позитивное влияние сильной президентской власти на формирование демократической культуры.

Вопроса о власти как генераторе коррупции в обществах азиатского типа коснулся в своем докладе старший преподаватель кафедры «Денежные отношения и монетарная политика» Финансового университета Д. В. Варламов. Он сделал

акцент на том, что одним из решающих факторов борьбы против коррупции и демократизации общества является развитие мелкого и среднего предпринимательства.

В своем докладе «Развитие теории финансов как объективная необходимость в условиях глобализации» кандидат технических наук, доцент кафедры «Теория финансов» О. Н. Долина отметила, что и сегодня вопрос о сущности финансов остается дискуссионным как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Это обстоятельство обусловлено в том числе и процессом глобализации. Перераспределительные процессы в современном мире все более усложняются. Так, возрастают риски, связанные с перераспределением рынка углеводородов. В сложной ситуации оказывается и финансовый рынок. Глобальные процессы требуют создания особых финансовых мегарегуляторов. Не менее актуально звучит сегодня и вопрос об обеспечении личной финансовой безопасности.

Проблема экономической свободы и несвободы стала предметом рассуждений кандидата экономических наук, доцента кафедры «Денежное обращение и монетарная политика» Финансового университета С. Б. Варламовой. Она подчеркнула, что конкуренция только тогда хороша, когда основывается на равенстве исходных условий. Однако это не всегда так, и на рынке существуют субъекты с разными возможностями. Об этом свидетельствует и современное состояние банковской системы России. Рост конкуренции приводит к выдавливанию с рынка мелких и средних банков. Но практика показывает, что очень часто работа региональных банков является более эффективной и могла бы быть очень полезной для развития самих регионов, если бы 60 % их доходов не отправлялись в Сберегательный банк России.

В выступлении профессора кафедры «Философия» Финансового университета Н. М. Кишлаковой был затронут аксеологический аспект гуманитарных вызовов глобализации. Она подчеркнула, что глобализация бросила философам серьезный вызов, ответом на который должно стать осмысление глубинных трансформаций в существующей системе ценностей. Научные дискуссии по этому вопросу стали активно вестись с конца XX в. и продолжаются до сегодняшнего дня. В них можно обнаружить как минимум две противоположные тенденции в решении поставленной проблемы.

Так, активные сторонники глобализации (М. Кастельс, Р. Робертсон и др.) фиксируют внимание на необратимости этого процесса и его сугубо современных экономических, политических, культурных и ценностных основаниях. Речь идет о так называемых космополитических, всемирных или глобальных ценностях, в которых национальное утрачивает свое значение в системе коллективной идентичности.

Другую тенденцию выражают противники глобализации, которые концентрируют свое внимание на ее негативных последствиях.

С докладом по теме «Глобализация и культурная идентичность» выступил доктор философских наук, профессор кафедры «Философия» Финансового университета Д. А. Силичев. Он подчеркнул, что главным фактором, от которого зависит культура в целом, является идентичность. Примером здесь может служить Европа. Именно она открыла миру понятие нации, а также всегда демонстрировала серьезные традиции культурной идентичности. Однако объединенная Европа поставила перед собой беспрецедентную задачу – создание наднациональной, надкультурной идентичности. Но практика показывает, что решение этой задачи

сегодня серьезно пробуксовывает. Если в процессах экономической глобализации есть положительные эффекты, то с построением надкультурной идентичности дело обстоит гораздо плачевнее, и решение этой задачи даже в отдаленной перспективе видится утопическим.

В выступлении доктора философских наук, профессора, члена РФО В. Л. Курабцева «Глобализация и национальная “непроглядность”» также звучала идея утопичности создания единой системы духовных и культурных ценностей объединенной Европы. Немцы, французы, испанцы, итальянцы и другие представители Европы – это абсолютно разные народы. По его мнению, даже такая общность людей, как советский народ, была более устойчивой и жизнеспособной. Современный глобальный мир демонстрирует экономическую несправедливость, радикализм, этнический экстремизм, которые порождают многочисленные этнофобии. Все это относится и к процессам, которые мы наблюдаем в современной России. Девальвируются ценности высокой культуры, идут процессы секуляризации и вестернизации. Чем дальше, тем все более очевидным становится тот факт, что создание единого географического пространства не решает остальных проблем единого человечества.

Аспирант кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД РФ А. А. Ломова в своем докладе подняла проблему Мадагаскара и малагасийского общества в контексте глобальной демократизации стран Африканского континента. Она отметила, что на Мадагаскаре есть все предпосылки для развития гражданского общества, но сегодня он находится в стадии поиска своей национальной идентичности.

Об опыте социально-философской рефлексии проблемы собственности и общества говорил в своем докладе аспирант кафедры «Философия» Финансового университета В. В. Тарабрин. Пытаясь определить понятие собственности, докладчик обратился к рассуждениям Дж. Милля о принципах собственности, которые, по его мнению, являются культурным кодом западной цивилизации и проповедуют позитивизм и утилитаризм.

Свой доклад аспирант кафедры «Философия» Финансового университета Д. Ю. Мовшин посвятил патриотизму как специфической реакции на гуманитарные вызовы глобализации. Он подчеркнул, что одним из таких вызовов в современном мире оказывается столкновение различных идентичностей. В сложившейся ситуации патриотизм, являясь одним из важнейших элементов ценностного ядра любой идентичности, выступает объективным механизмом, который способен регулировать взаимодействие самых разных идентичностей. По мнению докладчика, в условиях глобализации патриотизм приобретает свое новое качество. Он становится специфической реакцией на гуманитарные вызовы глобализации и выступает своеобразным защитным буфером идентичностей.

Д. В. Хлебникова, аспирант кафедры «Мировая экономика и международные финансовые отношения» Финансового университета, в своем выступлении затронула проблему реформирования МВФ в условиях глобализации валютного регулирования. Сегодня необходимы как реформа Исполнительного совета и демократизация в управлении МВФ, так и организация стратегического надзора за его деятельностью.

Далее конференция продолжила свою работу в режиме дискуссии, в которой приняли участие профессора В. В. Викторов, К. А. Зуев, М. М. Скибицкий, доцент С. А. Просеков, Шен Юнус (Турция), А. О. Гезалов (Азербайджан) и др.

IN MEMORIAM

ИЗРАЭЛЬ ЮРИЙ АНТОНИЕВИЧ

15 мая 1930 г. – 23 января 2014 г.

Ушел из жизни замечательный ученый, выдающийся организатор науки, президент Российской экологической академии (РЭА), член международного редакционного совета журнала «Век глобализации», академик РАН **Юрий Антониевич Израэль**, автор более 250 научных трудов и 24 фундаментальных монографий, лауреат Государственной премии СССР и престижных международных премий.

Юрий Антониевич внес неоценимый вклад в изучение последствий ядерных взрывов и аварий и решение вопросов использования ядерных взрывов в мирных целях. Он – инициатор и организатор мониторинга окружающей среды и климата в СССР и России, вице-председатель Международной группы экспертов в области изменения климата, организатор Всемирной конференции по изменению климата (Москва, 2003).

Юрий Антониевич обладал большим талантом организатора – был председателем Государственного комитета СССР по гидрометеорологии и контролю природной среды, вице-президентом Всемирной метеорологической организации

Век глобализации 1/2014 187–188

(ВМО), директором-организатором Института глобального климата и экологии, членом многих международных советов и комиссий, научным руководителем многих важных национальных и международных проектов и программ. Награжден правительственными наградами СССР и РФ и несколькими престижными научными премиями.

В его лице отечественная и мировая наука потеряла выдающегося ученого и замечательного человека. Трудлюбивый, требовательный к себе и окружающим, он всегда уважительно и заинтересованно относился к иным научным взглядам. Таким он сохранится в наших сердцах.

Жизненный путь Юрия Антониевича Израэля является замечательным примером беззаветного служения Родине, преданности науке, идеалам чести, добра и справедливости.

НАШИ АВТОРЫ

АНТИПИНА Евгения Валерьевна – старший преподаватель кафедры экономической теории Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова.

БЛИЖКОВСКИЙ Петр – председатель Комитета по экономическим и региональным делам Генерального секретариата Совета Европейского союза, в 2011–2012 гг. приглашенный научный сотрудник от ЕС в Школе государственной политики им. Ли Куан Ю. *E-mail: petr.blizkovsky@consilium.europa.eu.*

ГРАНИН Юрий Дмитриевич – доктор философских наук, заведующий кафедрой истории и философии науки Академии медиаиндустрии, ведущий научный сотрудник Института философии РАН. *E-mail: maily-granin@mail.ru.*

ГУДКОВА Светлана Александровна – аспирант, ГБОУ ВПО «Сургутский государственный университет Ханты-Мансийского автономного округа – Югры».

ДЕРГАЧЕВА Елена Александровна – докторант кафедры философии МПГУ, кандидат философских наук, доцент, заместитель декана факультета экономики БГТУ. *E-mail: dergacheva@hotmail.ru*

ДЖУМАГАЛИЕВА Лаура Булатовна – аспирант, ГБОУ ВПО «Сургутский государственный университет Ханты-Мансийского автономного округа – Югры». *E-mail: laurad1@yandex.ru.*

ЕСЬКОВ Валерий Матвеевич – доктор физико-математических наук, доктор биологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий лабораторией биокибернетики и биофизики сложных систем Института естественных и технических наук ГБОУ ВПО «Сургутский государственный университет Ханты-Мансийского автономного округа – Югры». *E-mail: firing.squad@mail.ru.*

ЗАЛЫВСКИЙ Николай Павлович – заслуженный экономист РФ, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и экономики приарктических регионов Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова. *E-mail: n.zalyvskiy@narfu.ru.*

ИЛЬИН Илья Вячеславович – доктор политических наук, доцент, декан факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. *E-mail: dekanat@fgp.msu.ru.*

КИРХШЛЕГЕР Питер – преподаватель, содиректор Центра образования в области прав человека университета подготовки учителей в Люцерне (Швейцария), приглашенный профессор в университете Фрибурга, член Совета Швейцарского центра по правам человека.

КИШЛАКОВА Наталья Михайловна – кандидат философских наук, профессор кафедры «Философия» Финансового университета при Правительстве РФ.

КРАВЧЕНКО Елена Николаевна – аспирант, ГБОУ ВПО «Сургутский государственный университет Ханты-Мансийского автономного округа – Югры».

МАХАМАТОВ Таир Махаматович – доктор философских наук, профессор кафедры «Философия» Финансового университета при Правительстве РФ. *E-mail: philos_fa@mail.ru*

МИГУНОВ Николай Иванович – кандидат философских наук, приглашенный исследователь Института перспективных гуманитарных исследований Пекинского университета. *E-mail: fengling@post.com.*

ОМОРОВА Наргиза Ильичбековна – Казанский государственный энергетический университет, ассистент и соискатель кафедры истории, культурологии и архивоведения. *E-mail: nargiza_kgeu@mail.ru*

ПОПКОВ Юрий Владимирович – доктор философских наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующий сектором этносоциальных исследований Института философии и права Сибирского отделения РАН. *E-mail: yuripopkov@rambler.ru.*

РОЗАНОВ Александр Сергеевич – аспирант факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова, руководитель научного отдела. *E-mail: rozanov@fgp.msu.ru.*

САМКОВА Валентина Александровна – кандидат философских наук, доцент УрФУ им. первого президента России Б. Н. Ельцина. *E-mail: artbog@el.ru.*

ТУ Вэймин – директор Института перспективных гуманитарных исследований Пекинского университета, профессор Гарвардского и Пекинского университетов, председатель Оргкомитета XXIV Всемирного философского конгресса. *E-mail: iaahs@pku.edu.cn; wtu@fas.harvard.edu.*

УРСУЛ Аркадий Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра глобальных исследований и профессор факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. *E-mail: ursulad@mail.ru.*

ШАПКИН Игорь Николаевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической истории и истории экономических учений Финансового университета при Правительстве РФ.

ШИШКОВ Василий Валерьевич – кандидат политических наук, доцент кафедры государственной службы и кадровой политики Института государственной службы и управления персоналом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. *E-mail: fh55@mail.ru.*

VEK GLOBALIZATSII
[AGE OF GLOBALIZATION]
Journal of Global Studies

Contents

Theory

Tu Wei-Ming. Multiple Modernities: A Preliminary Inquiry into the Implications of East Asian Modernity (pp. 3–12).

Nikolay I. Migunov. The Confucian Way of Tu Wei-Ming (pp. 13–15).

Arkadi D. Ursul. Global Governance: Evolution Perspectives (pp. 16–27).

Peter G. Kirchsclaeger. The Relation between Democracy and Human Rights (pp. 28–42).

Valeri M. Eskov, Laura B. Djumangalieva, Svetlana A. Gudkova, Elena N. Kravchenko. The Third Paradigm and the Dynamics of Social Systems (pp. 43–54).

Processes of globalization

Nikolay P. Zalyvski. Geopolitical Competition of States for Economic Leadership in the Future World (pp. 55–65).

Petr Blizkovsky. Stakeholders of Economic Governance: European Perspective (pp. 66–89).

Yuri D. Granin. Globalization: Dialectics of Historical Forms of Realization (pp. 90–103).

Valentina A. Samkova. Globalization as a Social Synergetic Process (pp. 104–110).

Global issues

Yuri V. Popkov. Indigenous Peoples of the North in the Context of Globalization (pp. 111–123).

Elena A. Dergacheva. Specifics of Global “Technospherization” of Biosphere in the Modern Epoch (pp. 124–132).

Nature, society, and humans

Vasili V. Shishkov. Formation and Development of the USA Hegemony: Imperial Domination and Globalization in the XXth Century (pp. 133–146).

Evgeniya V. Antipina, Igor N. Shapkin. Perspectives of Capitalism Development: J. A. Schumpeter’ Views (pp. 147–159).

Russia in the global world

Nargiza I. Omorova. Globalization and Transformation of Diasporas’ Ethnic Identity (pp. 160–165).

Scientific life

World Cultural Forum: Goals and Objectives (pp. 166–169).

Ilya V. Ilyin, Alexander S. Rozanov. Global Studies: New Approaches (pp. 170–181).

Natalya M. Kishlakova, Tair M. Makhmatov. Financial Economic and Humanitarian Challenges of Globalization: International and National Aspects (pp. 182–186).

In memoriam

Izrael Yuri Antonievich (15 May 1930 – 23 January 2014) (pp. 187–188).

The authors of the issue (p. 189–190)

К сведению авторов

Направляемые в журнал статьи и материалы следует оформлять в соответствии с правилами, принятыми в журнале:

Объем рукописи статьи не должен превышать 1 а. л. вместе со сносками (или 40 тыс. знаков, включая пробелы), для раздела «Рецензии» – не более 0,4 п. л. (или 16 тыс. знаков, включая пробелы).

Материалы должны передаваться в редакцию в электронном виде (на электронном носителе или по электронной почте). Рукопись должна быть напечатана через 1,5 интервала (кегель 14) на одной стороне листа; сноски подстрочные (кегель 8);

таблицы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации должны быть даны отдельно, пронумерованы и озаглавлены. Следует учитывать, что графики и рисунки могут быть напечатаны только в черно-белом варианте;

ссылки на литературу даются в скобках, включая фамилию одного (первого) или двух авторов или, при отсутствии таковых, первое слово названия книги и год издания: [Селигман и др. 2009; Домострой... 2008]. При наличии прямой («закавыченной») цитаты следует указать также страницу: [Ганнушкин 1964: 28]. Список использованной литературы приводится в конце статьи в алфавитном порядке и без нумерации в соответствии со следующими образцами:

Дройзен И. Г. История эллинизма. СПб. : Наука; Ювента, 1997. Т. 1.

Воронов А. М. Оценка региональных изменений гидроклиматических условий Европейской территории СССР по историческим данным // Водные ресурсы. 1992. № 4. С. 97–105.

Шишков Ю. В. 2003. Мировоззственный механизм: движение к глобализации // Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / под ред. И. С. Королева. М. : Экономистъ. С. 25–47.

История Древнего Востока / под ред. В. И. Кузицина. М. : Высшая школа, 1988.

Бек У. Космополитическое общество и его враги [Электронный ресурс] : Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI, № 1. URL: <http://www.jourssa.ru/2003/1/2aBek.pdf> (дата обращения: 14.03.2011).

U.S. Bureau of the Census. World Population Information: [сайт]. URL: <http://www.census.gov/ipc/www/world.html> (дата обращения: 24.02.2008).

Ссылки на **интернет-публикации** рекомендуется приводить лишь в тех случаях, если источник не существует либо недоступен на бумажных носителях.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции.

К рукописи прилагаются:

резюме статьи (желательный объем 6–12 строк) и ключевые слова к ней на русском и английском языках, а также авторская справка и данные для связи с автором: адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

«Век глобализации». 1(13), 2014. – 192 с.

Ответственная за выпуск *Е. В. Еманова*
Технический редактор *Е. А. Никифорова*
Корректоры *И. Г. Гергель, Н. В. Самсонова*
Верстка *Е. Ф. Прыгуновой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–27365 от 05 марта 2007 г.

© Издательство «Учитель»
400059, г. Волгоград, а/я 114.
Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.
E-mail: peruch@mail.ru

Подписано в печать 30.05.2014. Формат 70×100/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,48.
Тираж 1000 экз. Заказ № .

Диапозитивы предоставлены издательством.

Отпечатано ОАО «Альянс «Югполиграфиздат»
Полиграфкомбинат «Офсет»
400001, г. Волгоград, ул. КИМ, 6.
Тел./факс: (8442) 97-49-40, 97-48-21, 26-60-10